

ВЕСНИК

БРЭСЦКАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

Рэдакцыйная калегія

галоўны рэдактар

Ю. П. Голубеў

намеснік галоўнага рэдактара

У. В. Здановіч

адказны рэдактар

А. М. Вабішчэвіч

Н. В. Адзіночанкава (Расія)
В. Ф. Байнёў (Беларусь)
А. В. Брэскі (Беларусь)
А. Ю. Барысёнак (Расія)
М. У. Варакуліна (Беларусь)
Р. А. Васілевіч (Беларусь)
Т. А. Гаруна (Беларусь)
А. А. Гужалоўскі (Беларусь)
А. А. Каваленя (Беларусь)
А. І. Караткевіч (Беларусь)
У. У. Лосеў (Беларусь)
І. Э. Мартыненка (Беларусь)
С. А. Піваварчык (Беларусь)
А. А. Савіч (Беларусь)
Т. С. Сілюк (Беларусь)
С. М. Храмаў (Беларусь)

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1337 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224016, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: +375-(162)-21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
са снежня 1997 г.

Серыя 2

ГІСТОРЫЯ

ЭКАНОМІКА

ПРАВА

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць тры разы на год

Заснавальнік – установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»

№ 3 / 2024

У адпаведнасці з Дадаткам да загада
Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь
ад 06.02.2024 № 30 (са змяненнямі, унесенымі загадам
ад 04.10.2024 № 233) часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта.
Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права» ўключаны
ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў у 2024 г.
па гістарычных, эканамічных і юрыдычных навуках

◇ ◇ ◇

У адпаведнасці з дагаворам паміж установай адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»
і ТАА «Навуковая электронная бібліятэка» (ліцэнзійны дагавор
№ 457-11/2020 ад 03.11.2020) часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта.
Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія»
размяшчаецца на платформе eLIBRARY.RU
і ўключаны ў Расійскі індэкс навуковага цытавання (РІНЦ)

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

Елизаров С. А. Финансы восстановления: местные бюджеты БССР 1944–1945 гг.	5
Мордвилко А. А. Миграция: межнациональные и межконфессиональные отношения в западнобелорусском регионе в 1939–1941 гг.	11
Даркович А. Л. Инвестиции в Западной Беларуси в межвоенный период	18
Гавриленко К. Е. Положение общин бужских голендров на территории Полесья в 1921–1939 гг.	27
Граф В. И. Кожаная обувь с подошвенным швом: по материалам раскопок на Верхнем замке Полоцка (2021–2022 гг.) и на Верхнем замке Витебска (1978–1982 гг.)	36
Якушева Н. О. История возникновения музейных учреждений в начале XXI в.	45
Кучик Б. Г. Особенности взимания лесной дани в Полесском воеводстве	53
Пашкович Е. И., Чернякевич С. М. Деятельность украинских политических организаций на территории Полесского воеводства в 1920-е – 1930-е гг.	61

ЭКАНОМІКА

Кот Н. Г. Рециклинг – новая форма циркулярной экономики	73
Амирханян С. Г., Бетилгириев М. А., Магомадов В. А., Саакян А. К. Модернизационное развитие аграрной отрасли в России: индустриализация, концентрация капитала и перераспределение рынка	81
Мишкова М. П., Ковалевич О. А. Ермакова Э. Э. Цифровая трансформация процессов в системе образования Республики Беларусь	90

ПРАВА

Храмов С. М. Эмпирический принцип «сухого остатка» в механизме установления обстоятельств при дефиците начальной информации	99
Романюк Е. В. Юридическая ответственность за действия, связанные с однополыми сексуальными отношениями: история и современность	105
Ярмоц Е. Н. Визуализация судебной деятельности и ее роль в обеспечении доступности правосудия	110
Дудчик А. И. Административно-правовой статус несовершеннолетних в Республике Беларусь и в Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ	116
Бреский О. В. Юридическая природа медиативного соглашения	124
Акобян Г. Г., Акобян Р. Х. О механизме самозащиты Основного Закона государства на примере Конституций Республики Армения и Республики Беларусь	130
Горуша Т. А., Шалаева Т. З. Правовое регулирование индивидуальных трудовых отношений в Республике Беларусь и Российской Федерации в контексте экономической безопасности Союзного государства	136
Головенчик М. Г. Цифровое информационное пространство и экономические преступления	144

Editorial Board

Editor-in-chief

Yu. P. Golubeu

Deputy Editor-in-chief

U. V. Zdanovich

Managing editor

A. M. Vabishchevich

N. V. Adzinokhankava (Russia)

V. F. Bajniou (Belarus)

A. V. Breski (Belarus)

A. Yu. Barysionak (Russia)

M. U. Varakulina (Belarus)

R. A. Vasilievich (Belarus)

T. A. Garupa (Belarus)

A. A. Huzhalouski (Belarus)

A. A. Kavalienia (Belarus)

A. I. Karatkevich (Belarus)

U. U. Losieu (Belarus)

I. E. Martynienka (Belarus)

S. A. Pivavarchyk (Belarus)

A. A. Savich (Belarus)

T. S. Siliuk (Belarus)

S. M. Khramau (Belarus)

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
nr 1337 from April 28, 2010

Editorial Office:

224016, Brest,

21, Kosmonavtov Boulevard

tel.: +375-(162)-21-72-07

e-mail: vesnik@brsu.by

Published since December 1997

Series 2

HISTORY

ECONOMICS

LAW

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued three a year

Founder – Educational Establishment

«Brest State A. S. Pushkin University»

№ 3 / 2024

According to the Supplement to the order of Supreme Certification
Commission of the Republic of Belarus from February 06, 2024 nr 30
(with the amendments made by the order of Supreme Certification
Commission from October 04, 2024 nr 223)

the journal «Vesnik of Brest University.

Series 2. History. Economics. Law» has been included
to the List of scientific editions of the Republic of Belarus
for publication of the results of scientific research in 2024
in historical, economic and law sciences

◇ ◇ ◇

According to the agreement

between Educational Establishment

«Brest State A. S. Pushkin University» and Pvt Ltd «Scientific Electronic
Library» (licence contract № 457-11/2020 from 03.11.2020)

the journal «Vesnik of Brest University.

Series 3. Philology. Pedagogics. Psychology»

is placed on the platform eLIBRARY.RU

and included in the Russian Science Citation Index (RSCI)

CONTENTS

HISTORY

Sergej Elizarov. Reconstruction Finance : Local Budgets of the BSSR 1944–1945.....	5
Anastasia Mardvilka. Migration: Inter-Ethnic and Inter-Faith Relations in the Western Belarusian Region in 1939–1941	11
Aleksandr Darkovich. Influence of State Monopolies on the Industry in Western Belarus in the Interwar Period	18
Kirill Gavrilenko. Development of Bug Holländers Communities in Polesie 1921–1939.....	27
Vadzim Hraf. On the Issue of Shoes with a Sole Seam: Based on the Materials of Excavations at the Upper Castle of Polotsk (2021–2022) and at the Upper Castle of Vitebsk (1978–1982)	36
Nadezda Yakusheva. History of the Emergence of the Museum Institutions of the Minsk Mitropoliary of the Belarusian Orthodox Church at the Beginning of the XXI Century	45
Bahdan Kuchyik. Features of Collection of Forest Tribute in Polesie Voivodeship	53
Alena Pashkovich, Sergei Chernyakevich. Activities of Ukrainian Political Organizations in the Territory of the Polesie Voivodeship in the 1920s – 1930s	61

ECONOMICS

Natalya Kot. Recycling – a New Form of Circular Economy	73
Samvel Amirkhanyan, Maula Betilgiriev, Vakha Magomadov, Armen Saakyan. Modernization Development of the Agricultural Industry in Russia: Industrialization, Capital Concentration and Market Redistribution	81
Margarita Mishkova, Olga Kovalevich, Eleonora Ermakova. Digital Transformation of Processes in the Education System of the Republic of Belarus	90

LAW

Sergey Khramov. Empirical Principle of «Dry Residue» in the Mechanism of Establishing Circumstances in the Event of a Deficit of Initial Information	99
Elena Romanyuk. Legal Liability for Actions Related to Same-Sex Sexual Relations: History and Modernity	105
Elena Yarmoc. Judicial Visualization and Its Role in Ensuring Access to Justice	110
Anna Dudchik. Administrative and Legal Status of Minors in the Republic of Belarus and in the Russian Federation: Comparative Legal Analysis	116
Oleg Bresky. Legal Nature of the Mediation Agreement.....	124
Hranush Hakobyan, Ruzanna Hakobyan. About the Self-Defense Mechanism of the Basic Law of the State on the Example of the Constitutions of the Republic of Armenia and the Republic of Belarus	130
Tatsiana Gorupa, Tatyana Shalaeva. Legal Regulation of Individual Labor Relations in the Republic of Belarus and the Russian Federation in the Context of Economic Security of the Union State.....	136
Marina Goloventchik. Digital Information Space and Economic Crimes	144

ГІСТОРЫЯ

УДК 947 (476) : 336.02

Сергей Александрович Елизаров

*д-р ист. наук, проф., проф. каф. социально-гуманитарных и правовых дисциплин
Гомельского государственного технического университета имени П. О. Сухого*

Sergej Elizarov

*Doctor of Historical Science, Professor,
Professor of the Department of Social-Humanitarian and Legal Disciplines
of Gomel State P. O. Sukhoi Technical University*

e-mail: sergeyelisarov@mail.ru

ФИНАНСЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ: МЕСТНЫЕ БЮДЖЕТЫ БССР 1944–1945 гг.

Рассмотрены вопросы финансового обеспечения восстановительных процессов на освобожденной от нацистской оккупации территории БССР. На основе анализа архивных материалов показаны источники доходов бюджетов местных Советов депутатов трудящихся, среди которых в 1944–1945 гг. главную роль играли дотации из республиканского бюджета. Отмечается, что большая финансовая нагрузка ложилась непосредственно на население БССР через налоговую систему, включавшую государственные (регулирующие) и местные (закрепленные) налоги и сборы. Структура расходов местных бюджетов в 1944–1945 гг. соответствовала довоенной: основная часть шла на финансирование просвещения и здравоохранения, меньшая часть – на народное хозяйство и органы государственного управления. Несмотря на проблемы получения дотаций из союзного бюджета в 1945 г., в целом значительный рост доходной базы местных бюджетов расширял возможности местных Советов депутатов трудящихся влиять на ситуацию в своих регионах в основных сферах жизнедеятельности населения.

Ключевые слова: БССР, восстановление народного хозяйства, финансы, бюджет, Советы депутатов трудящихся.

Reconstruction Finance : Local Budgets of the BSSR 1944–1945

The issues of financial support for reconstruction processes in the territory of the BSSR liberated from Nazi occupation are considered. Based on the analysis of archival materials, the sources of income of the budgets of local Soviets of Workers' Deputies are shown, among which in 1944–1945 the main role was played by subsidies from the republican budget. It is noted that a large financial burden fell directly on the population of the BSSR through the tax system, which included state (regulatory) and local (fixed) taxes and fees. The structure of local budget expenditures in 1944–1945 corresponded to the pre-war one: the main part went to finance education and health care, the smaller part – to the national economy and public administration. Despite the problems of receiving subsidies from their union budget in 1945, in general, a significant increase in the revenue base of local budgets expanded the possibilities of local Soviets of Workers' Deputies to influence the situation in their regions in the main spheres of life of the population.

Key words: BSSR, restoration of the national economy, finance, budget, Soviets of Workers' Deputies.

Введение

Конституционно закрепленными органами государственной власти и управления в БССР являлись Советы депутатов, финансовую основу деятельности которых составляли финансовые средства, концентрировавшиеся в местных бюджетах. Местные бюджеты включали в себя статьи доходов и расходов, состав и объемы которых определялись, уточнялись и видоизменялись в централизованном порядке и распределялись между административно-территориальными единицами в зависимости от их места в административно-территориальной иерархии.

С помощью своей финансовой базы местная власть, с одной стороны, решала поставленные перед ней задачи, с другой – структура и объем находившихся в распоряжении местных Советов финансовых средств оказывали существенное влияние на возможности Советов в реализации на практике своих полномочий, на сферы их компетенции и границы самостоятельности.

В последние десятилетия в российской историографии появился ряд работ, в которых предприняты попытки рассмотреть с современных методологических принципов финансовую составляющую победы

советского народа в Великой Отечественной войне [1–4]. Однако при этом у российских авторов поле исследований ограничивается в целом финансами военного времени, а анализ бюджетной политики на освобожденных от врага советских территориях носит фрагментарный характер.

В белорусской историографии большое внимание уделяется вопросам Великой Отечественной войны, вклада белорусского народа в победу над нацистской Германией, восстановления народного хозяйства БССР. Тем не менее сюжеты, связанные с финансированием восстановительных процессов на белорусских территориях в завершающий период Великой Отечественной войны, по-прежнему остаются вне исследовательских интересов как историков, так и экономистов.

Цель статьи – рассмотреть механизмы формирования и расходования средств местных бюджетов как финансовой основы деятельности местных органов власти и управления по восстановлению народного хозяйства Белорусской ССР в условиях продолжавшейся Великой Отечественной войны.

При анализе автор использовал главным образом материалы Национального архива Республики Беларусь, которые впервые вводятся в научный оборот. Кроме того, в процессе работы над темой изучались и документы о разработке и итогах выполнения государственных бюджетов СССР периода Великой Отечественной войны, опубликованные в сборнике документов, выпущенных Министерством финансов России и Казначейством России в 2020 г. [5].

Основная часть

После освобождения территории БССР от нацистской оккупации и восстановления мирной жизни работы советских органов государственной власти и управления возрождается и система местных бюджетов. После освобождения в 1943 г. части белорусских территорий первый Государственный бюджет был разработан на 1944 г. и утвержден Верховным Советом БССР 24 марта 1944 г. Традиционно он состоял из двух частей: республиканского бюджета, находившегося в ведении республиканских структур управления, и местных бюджетов, которыми распоряжались местные Советы

депутатов трудящихся (областные, районные, городские, сельские и поселковые).

На 1944 г. республиканский бюджет по доходам был запланирован в объеме 405 512 тыс. руб., по расходам – 182 763 тыс. руб. Местные бюджеты были составлены и утверждены по освобожденным 29 районам и четырем областям (Витебской, Гомельской, Могилевской и Полесской) по доходам и расходам вместе со средствами, передаваемыми из республиканского бюджета, в сумме 247 494 тыс. руб. [6, л. 5].

Очевидно, что в условиях послевоенной разрухи без помощи из союзного центра местные Советы были не в состоянии функционировать. Основную часть доходов и расходов составляли дотации из республиканского бюджета (177 311 тыс. руб., или 71,6 %). Кроме того, шли отчисления от государственных (регулирующих) налогов и доходов (43 008 тыс. руб., или 17,4 %): они в полном объеме первоначально зачислялись в союзный бюджет, а затем часть из них возвращалась в бюджет союзной республики, после передавалась в местные бюджеты в соответствии с устанавливавшимися на каждый финансовый год процентами отчислений. Так, постановлением СНК СССР от 19 января 1944 г. для освобожденных районов БССР устанавливались следующие отчисления от этой группы бюджетных доходов: от налога с оборота – 50 %, от подоходного налога с населения – 10 %, от подоходного налога с колхозов и сельскохозяйственного налога – 25 %, от военного налога – 5 %, от доходов МТС – 25 %, от госзаймов – 5 % [5, с. 309]. Законом о Государственном бюджете БССР на 1944 г. устанавливались подобные процентные отчисления и в местные бюджеты республики [6, л. 5].

Доходы от местных источников поступлений (закрепленные, т. е. в полном объеме непосредственно поступающие в местные бюджеты) составляли лишь около 10 % (24 745 тыс. руб.). Здесь главную роль играли местные налоги и сборы: налог со строений, земельная рента, сбор с владельцев транспортных средств, сбор с владельцев скота, разовый сбор на колхозных рынках, налог со зрелищ, с киноустановок, а также плата за производимые на рынках услуги [6, л. 11].

Основной сферой финансирования местных бюджетов были социально-культурные мероприятия (просвещение, здравоохранение, социальное обеспечение, физическая культура) – 180 430 тыс. руб., или 72,9 %, затем шли расходы на восстановление народного хозяйства (34 080 тыс. руб.) и содержание органов государственного управления (30 934 тыс. руб.) [6, л. 10–12].

С освобождением в 1944 г. всей территории БССР от немецко-фашистских захватчиков бюджетные планы были пересмотрены с учетом расширения источников поступления от регулирующих и закрепленных налогов и доходов.

По итогам выполнения госбюджета БССР за 1944 г. главным источником доходов выступили дотации из союзного бюджета, удельный вес которых к общему объему доходов составил 60,3 % [7, л. 166].

Подобная ситуация сложилась и с местными бюджетами: за 1944 г. в их доходную часть поступило в общей сложности 490 403 тыс. руб., из них дотации из республиканского бюджета составили 263 192 тыс. руб., или 56,7 % [8, л. 46–47].

Налог с оборота, как и до войны, занимал первое место среди регулирующих налогов: в доходах госбюджета БССР отчисления от этого налога составили 22,2 %, в местных бюджетах – 19,7 % [7, л. 9].

На 1944 г. Верховный Совет БССР установил следующие процентные ставки отчислений в бюджеты областей: от подоходного налога с населения – 10 %, от сельскохозяйственного налога с колхозников и единоличников – 25 %, от военного налога – 5 %, от сумм госзайма, размещенного по подписке, – 15 %, от доходов МТС – 15 % [6, л. 5]. По итогам 1944 г. среди этой группы доходных источников выделялся сельскохозяйственный налог, давший в местные бюджеты 265 82,0 тыс. руб. На втором месте оказались отчисления от введенного с 1942 г. военного налога – 10 607 тыс. руб. В целом отчисления от государственных налогов и сборов с населения дали в доход областей 42 793 тыс. руб. [9, л. 46].

Доходы в целом от местных источников в 1944 г. составили 65 106 тыс. руб. (13,3 % всех доходов местных бюджетов) [8, л. 47], в т. ч. местные налоги и сборы, – 22 520 тыс. руб. (или 4,6 % всех доходов), среди которых системообразующими стали

поступления от разового сбора на колхозных рынках (10 872 тыс. руб.). Непосредственно в местные бюджеты зачислялись также сборы и разные неналоговые доходы, подоходный налог с предприятий, кооперативов и общественных организаций, арендные доходы от имуществ местных Советов, плата за обучение в старших классах средних школ и вузах, лесной доход.

Основными статьями расходов местных бюджетов, как и в предвоенные годы, оставались финансирование системы просвещения и здравоохранения – 278 317 тыс. руб. (63,4 % всех расходов местных Советов): расходы на восстановление и содержание системы общего образования и воспитания детей и подростков, культурно-просветительской работы, лечебных и санитарно-профилактических учреждений, на подготовку кадров и т. п. На содержание органов госуправления местных расходов ушло 18,1 %, на восстановление предприятий и организаций народного хозяйства – 13,7 % [Подсчитано автором по: 8, л. 48].

Таким образом, в 1944 г. основная финансовая нагрузка местных бюджетов на восстановление разрушенного военными действиями и оккупацией народного хозяйства республики пришлось на дотации из союзного бюджета и средства, полученные в результате деятельности обобщественного сектора экономики. Вместе с тем большой груз финансовой ответственности в восстановительных процессах ложился непосредственно на население: в целом налоги с населения (отчисления от государственных налогов и сборов и госзаймов, местные налоги и сборы, сборы и различные неналоговые доходы) дали в местные бюджеты 119 155 тыс. руб., что составило 32,1 % их доходов (без учета дотаций из республиканского бюджета) и превзошли главный довоенный источник дохода – налог с оборота (96 512 тыс. руб.) [Подсчитано автором по: 8, л. 46–47].

Госбюджет БССР на 1945 г. вновь составлялся с ориентацией на получение дотаций из союзного бюджета: из запланированных доходов на сумму 2 382 756 тыс. руб. дотации союзного центра должны были составить 1 200 000 тыс. руб. Одновременно предполагался и значительный рост доходов местных бюджетов – до 1 530 488 тыс. руб., а около половины (739 383 тыс. руб.)

должны были составить дотации из республиканского бюджета [8, л. 2].

Постановлением СНК СССР на 1945 г. устанавливались следующие проценты отчислений в Государственный бюджет БССР от государственных доходов и налогов: от налога с оборота – 35,9 %, от подоходного налога с колхозов и сельскохозяйственного налога с колхозников и единоличников – 25 %, от подоходного налога с населения – 10 %, от военного налога – 15 %, от сумм госзаймов – 50 %, от доходов с МТС – 25 % [5, с. 357].

В свою очередь, Законом о Государственном бюджете БССР на 1945 г. проценты отчисления в местные бюджеты от доходов МТС, подоходного налога с населения, сельскохозяйственного налога с колхозников и единоличников сохранялись в прежних пропорциях. С 15 до 50 % возрастали отчисления от госзаймов, размещенных по подписке, с 5 до 15 % – от военного налога. Устанавливались отчисления от государственного налога на лошадей единоличных крестьянских хозяйств (75 %) и от налога с нетоварных операций (100 %) [9, л. 28].

Однако из планировавшихся сумм дотаций из союзного бюджета в 1945 г. БССР получила лишь 495 тыс. руб. (41, 2 %), что повлекло дефицит доходов местных бюджетов: вместо плановых 739 383 тыс. руб. местные бюджеты получили из республиканского бюджета лишь 384 586 (52 %) [9, л. 33–34].

В 1945 г. госбюджет БССР по доходам был выполнен лишь на 78,1 %, местные бюджеты – на 79,7 %. В то же время по мобилизации собственных финансовых ресурсов республика справилась успешно: по собственным и закрепленным источникам доходов (без дотаций) госбюджет БССР на 1945 г. выполнили на 106 %, в т. ч. республиканский бюджет – на 107,9 %, бюджеты местных Советов – на 102,2 % [8, л. 2].

По местным бюджетам план доходов из местных источников поступлений перевыполнили на 27 628 тыс. руб. (на 17,8 %), что стало возможным за счет роста доходов от налога с оборота (на 44 334 тыс. руб.), а также сборов и разных неналоговых доходов (на 19 100 тыс. руб.) и лесного дохода (на 18 732 тыс. руб.).

Основными статьями недовыполнения по местным доходным источникам ста-

ли поступления от госзаймов, реализуемых по подписке (на 15 329 тыс. руб., преимущественно в сельской местности), отчисления от сельскохозяйственного налога (на 12 456 тыс. руб.), разовый сбор на колхозных рынках (на 11 695 тыс. руб.).

В 1945 г. финансовая нагрузка на население значительно возросла: отчисления от налогов с населения и от госзаймов, местные налоги и сборы, сборы и разные неналоговые доходы дали в местные бюджеты 404 690 тыс. руб. (рост в сравнении с 1944 г. – 3,4 раза), а их доля в доходах (без учета дотаций из республиканского бюджета) достигла 33,2 % и по-прежнему превосходила суммы поступлений от налога с оборота (311 172 тыс. руб.).

Непосредственно собранные за 1945 г. местные налоги и сборы увеличились до 84 902 тыс. руб. (или почти в 3 раза) и составили 46,5 % доходов из местных источников [8, л. 33–34].

Недополучение дотаций из союзного бюджета сказалось на степени выполнения расходных статей: расходная часть госбюджета БССР за 1945 г. оказалась выполнена только на 76,4 %, в т. ч. по республиканскому бюджету – на 80,7 %, по местным бюджетам – на 72,3 % [8, л. 35–36].

Тем не менее в 1945 г. в сравнении с 1944 г. замечен значительный рост расходов местных бюджетов: по народному хозяйству – в 2,2 раза, по социально-культурным мероприятиям – в 2,8 раза, на содержание органов госуправления – в 2,1 раза. В абсолютных же цифрах наибольший рост расходов отмечался в системе просвещения – на 362 296 тыс. руб. и здравоохранения – на 135 235 тыс. руб.

В это же время расходы на народное хозяйство возросли лишь на 74 083 тыс. руб., на содержание органов госуправления – на 84 212 тыс. руб. [Подсчитано автором по: 8, л. 35–36, 48].

В целом структура расходов местных бюджетов в 1945 г. приближалась к структуре расходов 1940 г.: в 1940 г. расходы на социально-культурные мероприятия составляли 69,0 % всех расходов местных бюджетов, в 1945 г. – 71,1 %, на народное хозяйство – соответственно 16,1 и 12,1 %, на содержание органов госуправления – 11,7 и 14,8 % [10, с. 11].

Заклучение

Таким образом, первые два года после начала освобождения территории БССР от нацистской оккупации были периодом восстановления разрушенных войной народного хозяйства и мирной жизни населения в условиях продолжавшейся Великой Отечественной войны. Эти обстоятельства определяли характер деятельности местных органов власти и управления, в т. ч. и механизмы формирования и расходования местных бюджетов.

Ситуация послевоенной разрухи делала невозможным восстановительные процессы только за счет своих очень ограниченных ресурсов. Основу местных бюджетов БССР в 1944–1945 гг. составляли дотации из республиканского бюджета, который, в свою очередь, во многом формировался за счет дотаций из союзного бюджета.

Вместе с тем большая финансовая нагрузка ложилась непосредственно на население БССР через налоговую систему,

включавшую государственные (регулирующие) и местные (закрепленные) налоги и сборы. Важно учитывать, что через государственные налоги население БССР финансировало не только восстановление своей республики, но и в целом военные и экономические мероприятия союзного центра в завершающий период Великой Отечественной войны.

Структура расходов местных бюджетов в 1944–1945 гг. соответствовала довоенной: основная часть шла на финансирование просвещения и здравоохранения, меньшая часть – на народное хозяйство и органы государственного управления.

Несмотря на проблемы получения дотаций союзного центра в 1945 г., в целом значительный рост доходной базы местных бюджетов расширял возможности местных Советов депутатов трудящихся влиять на ситуацию в своих регионах в основных сферах жизнедеятельности населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Архипкин, И. В. Особенности формирования доходной базы местных бюджетов в военные и послевоенные годы (1941–1950 гг.) [Электронный ресурс] / И. В. Архипкин // Сиб. юрид. вестн. – 2005 – № 4. – С. 3–9. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-dohodnoy-bazy-mestnyh-byudzhetrov-v-voennye-i-poslevoennye-gody-1941-1950-gg>. – Дата доступа: 22.10.2024.
2. Гритчина, М. Н. Налоговая политика в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] / М. Н. Гритчина // Регион. экономика: теория и практика. – 2015. – № 40. – С. 58–66. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovaya-politika-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny>. – Дата доступа: 20.10.2024.
3. Караваева, И. В. Расширение финансовой самостоятельности местной власти в СССР в военные и послевоенные годы: малоизвестные факты из истории Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] / И. В. Караваева // Вестн. Ин-та экономики Рос. акад. наук. – 2005. – № 4. – С. 130–138. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasshirenie-finansovoy-samostoyatelnosti-mestnoy-vlasti-v-sssr-v-voennye-i-poslevoennye-gody-maloizvestnye-fakty-iz-istorii-velikoy>. – Дата доступа: 20.10.2024.
4. Караваева, И. В. Вклад населения в формирование бюджетных доходов в годы войны и послевоенного восстановления (1941–1950 гг.) [Электронный ресурс] / И. В. Караваева // Вестн. Акад. экон. безопасности МВД России. – 2010. – № 6. – С. 29–39. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-naseleniya-v-formirovanie-byudzhethnyh-dohodov-v-gody-voyny-i-poslevoennogo-vosstanovlennogo-perioda-1941-1950-gg>. – Дата доступа: 20.10.2024.
5. Наркомат финансов СССР в годы Великой Отечественной войны. Государственный бюджет и мобилизация финансовых ресурсов [Электронный ресурс]. – М. : ИстЛит, 2020. – 704 с. – Режим доступа: <https://www.roskazna.gov.ru/narkomat/tom1/index.php?page=1>. – Дата доступа: 23.10.2024.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 93. Оп. 6. Д. 29.
7. НАРБ. – Ф. 93. Оп. 6. Д. 71.
8. НАРБ. – Ф. 93. Оп. 6. Д. 36.

9. НАРБ. – Ф. 93. Оп. 6. Д. 35.
10. Местные бюджеты СССР : стат. сб. / рук. Г. В. Дарков ; отв. ред. С. И. Ильвовский. – М. : Госфиниздат, 1960. – 318 с.

REFERENCES

1. Arkhipkin, I. V. Osobiennosti formirovaniya dokhodnoj bazy miestnykh biudzhetrov v voennoye i poslevoennoye gody (1941–1950 gg.) [Elektronnyy resurs] / I. V. Arkhipkin // Sib. jurid. vestn. – 2005. – № 4. – S. 3–9. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-dokhodnoj-bazy-mestnyh-byudzhetrov-v-voennye-i-poslevoennoye-gody-1941-1950-gg>. – Data dostupa: 22.10.2024.
2. Gritchina, M. N. Nalogovaya politika v gody Velikoy Otechestvennoy vojny [Elektronnyy resurs] / M. N. Gritchina // Region. ekonomika: teoriya i praktika. – 2015. – № 40. – S. 58–66. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovaya-politika-v-gody-velikoy-otechestvennoy-vojny>. – Data dostupa: 20.10.2024.
3. Karavajeva, I. V. Rasshireniye finansovoy samostoyatel'nosti miestnoy vlasti v SSSR v voennoye i poslevoennoye gody: maloizvestnyye fakty iz istorii Velikoy Otechestvennoy vojny [Elektronnyy resurs] / N.V. Karavaeva // Vestn. In-ta ekonomiki Ros. akad. nauk. – 2005. – № 4. – S. 130–138. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasshirenie-finansovoy-samostoyatel-nosti-mestnoy-vlasti-v-sssr-v-voennye-i-poslevoennoye-gody-maloizvestnyye-fakty-iz-istorii-velikoy>. – Data dostupa: 20.10.2024.
4. Karavajeva, N. V. Vklad naseleniya v formirovaniye biudzhethnykh dokhodov v gody vojny i poslevoennogo vosstanovleniya (1941–1950 gg.) [Elektronnyy resurs] / N. V. Karavajeva // Vestn. Akad. ekon. bezopasnosti MVD Rossii. – 2010. – № 6. – S. 29–39. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-naseleniya-v-formirovanie-byudzhethnyh-dokhodov-v-gody-vojny-i-poslevoennogo-vosstanovlennogo-perioda-1941-1950-gg>. – Data dostupa: 20.10.2024.
5. Narkomat finansov SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy vojny. Gosudarstvennyy biudzheth i mobilizatsiya finansovykh resursov [Elektronnyy resurs]. – M. : IstLit, 2020. – 704 s. – Rezhim dostupa: <https://www.roskazna.gov.ru/narkomat/tom1/index.php?page=1>. – Data dostupa: 23.10.2024.
6. Nacional'nyy arkhiv Respubliki Bielarus' (NARB). – F. 93. Op. 6. D. 29.
7. NARB. – F. 93. Op. 6. D. 71.
8. NARB. – F. 93. Op. 6. D. 36.
9. NARB. – F. 93. Op. 6. D. 35.
10. Miestnyye biudzhety SSSR : stat. sb. / ruk. G. V. Darkov ; отв. ред. S. I. Il'vovskij. – M. : Gosfinizdat, 1960. – 318 s.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 04.11.2024

УДК 94 (476)

Анастасия Алексеевна Мордвилко
аспирант 4-го года обучения каф. истории Беларуси
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
Anastasia Mardvilka
4-th Year Postgraduate Student of the Department of General History
of Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: nastyaln@yandex.by

МИГРАЦИЯ: МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЗАПАДНОБЕЛОРУССКОМ РЕГИОНЕ В 1939–1941 гг.

Дана характеристика трансформации межнациональных и межконфессиональных отношений в западнобелорусском регионе под воздействием миграционных процессов, проходивших в 1939–1941 гг., в результате которых польское присутствие, преобладавшее до 1939 г. в западной части Беларуси, сменилось усилением белорусского и русского. На этнополитические процессы в западных областях Беларуси оказывали влияние осадники – лояльные к властям поляки, в межвоенный период получавшие землю и ключевые административные должности, и «восточники» – советские и партийные служащие, направленные сюда на работу. Произошла трансформация не только межнациональных, но и межконфессиональных отношений.

Ключевые слова: западнобелорусский регион, миграция, депортация, беженцы, осадники, «восточники», межнациональные отношения, межконфессиональные отношения.

Migration: Inter-Ethnic and Inter-Faith Relations in the Western Belarusian Region in 1939–1941

This article provides a description of the transformation of interethnic and interfaith relations in the Western Belarusian region under the influence of migration processes that took place in 1939–1941, as a result of which the Polish presence, which prevailed in the western part of Belarus until 1939, was replaced by the strengthening of the Belarusian and Russian ones. Ethnopolitical processes in the western regions of Belarus were influenced by the settlers – Poles loyal to the authorities, who received land and key administrative positions in the region in question during the interwar period, and the easterners – Soviet and party officials sent here to work. Not only interethnic relations were transformed, but also interfaith relations.

Key words: West Belarusian region, migration, deportation, refugees, settlers, easterners, interethnic relations, interfaith relations.

Введение

Особое место в истории Беларуси занимает ее западный регион. По политическому, социально-экономическому, конфессиональному и национальному положению он существенно отличался от остальной территории БССР. Об особенностях западнобелорусского региона писал, например, польский историк Ю. Туронок: «В людском сознании остались очень глубокие принципиальные различия между Беларусью Западной и Восточной. Это ярко проявилось во время оккупации: по обеим сторонам бывшей границы господствовали различные общественные отношения, разные на-

строения и поведение населения, разный удельный вес и взаимоотношения политических факторов и группировок» [1, с. 4].

Западные области Беларуси в контексте мировой истории всегда были населены представителями разных народов, исповадовавших различные религии. Приграничное положение определило полиэтнический, поликонфессиональный состав региона, который изменялся в зависимости от исторических условий. Большинство населения здесь составляли белорусы, этническим меньшинством были поляки, украинцы, русские, евреи. Однако необходимо учитывать исторический контекст – в большинстве белорусы были крестьянским населением, не влиявшим на принятие ключевых политических решений в Польском государстве. При этом в 1921–1939 гг. поляки, находясь в численном меньшинстве, занимали привилегированное положение:

Научный руководитель – Владимир Васильевич Зданович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Беларуси и политологии Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

их доля в управленческом, полицейско-административном аппарате доходила до 80 %. В городах большой процент населения составляли евреи, которые были активно задействованы в экономике.

Так, в Полесском воеводстве в 1939 г. еврейских собственников в промышленности было 59,6 %, в торговле – 70,9 %, в ремесле – 76,1 % [2, с. 22]. Большинство исследователей, занимающихся вопросом развития Западной Беларуси в 1921–1939 гг., отмечают, что многие местные жители не в полной мере определяли свою национальную идентичность, относили себя к «тутэйшым». Влияние белорусского национально-го движения 1921–1939 гг. с одной стороны и процессов полонизации с другой стороны привело к тому, что к сентябрю 1939 г. этноконфессиональная ситуация в западных областях Беларуси была динамичной: население региона можно охарактеризовать как неоднородное по этническому и социальному составу, а также с точки зрения правового положения. При изучении этого периода необходимо учитывать национальные особенности отдельных регионов: например, в Белостокском районе преобладало польское население, а Столинщина, Пинщина отличались высоким процентом еврейского населения [2, с. 17].

Изменения геополитической обстановки (начало Второй мировой войны, установление советской власти в регионе) привели к трансформации межнациональных отношений, что выразилось в обострении существующих проблем, изменении социального положения представителей различных национальностей, появлении определенной диспропорции во властных структурах между этническими группами (евреи – белорусы, русские, украинцы; поляки – белорусы, русские, украинцы; евреи – поляки). Официально советская власть провозглашала равенство всех народов, придерживалась в своих заявлениях идеологии интернационализма. При этом именно белорусы и украинцы рассматривались как угнетаемые народы, в отношении которых была восстановлена историческая справедливость после похода Красной Армии в Западную Беларусь и Западную Украину. Поляки же воспринимались советской властью с недоверием, как бывшие эксплуататоры. Относительно еврейского населения политика

советских властей в 1939–1941 гг. была крайне изменчива: от очевидного покровительства до репрессивных мер. Специалисты по еврейскому вопросу отмечают маргинализацию еврейского населения после прихода советской власти, однако, на наш взгляд, этот термин в какой-то мере можно применять и к другим этническим группам [3; 4]. Не только евреи в этот период находились в «пограничном» положении: перестройка всей общественной системы привела к социальным трансформациям, утере целыми этническими группами (например, поляками) своего прежнего статуса в обществе и открытию новых возможностей для белорусов, украинцев, русских, евреев занять более высокое положение в социальной иерархии. Политические изменения открыли для них новые каналы социальной мобильности, при этом старые «социальные лифты» теряли свою актуальность. Например, для жителей Западной Беларуси одним из немногих «социальных лифтов» была трудовая миграция в Европу, Северную и Южную Америку. Это позволяло белорусам улучшать материальное положение своих семей [5]. После прихода советской власти этот вид миграции стал недоступен, зато открылись другие способы изменить свой социальный статус. Так, вне зависимости от этнической принадлежности жители западнобелорусского региона испытали на себе все сложности переходного положения, связанные с изменением политической конъюнктуры.

Межнациональные и межконфессиональные отношения

Начало Второй мировой войны дало толчок активным миграционным процессам на территории Западной Беларуси. В 1939–1941 гг. проходило несколько миграционных потоков. В первый вошли беженцы преимущественно еврейской и в меньшей степени польской национальности, переселившиеся из центральных и западных районов Польши и Литвы на восток страны, включая территорию Западной Украины и Западной Беларуси.

Переселение беженцев проходило двумя волнами: в конце 1939 г. (добровольное) и в 1940 г. (принудительное). По подсчетам Д. М. Толочко, «к концу 1939 г. в западные области Беларуси прибыло

порядка 125–126 тыс. беженцев из Польши. Подавляющее большинство из них составляли представители еврейской и в меньшей степени польской, белорусской, украинской и др. национальностей. Социальный состав беженцев отличался значительной пестротой: рабочие, кустари, бывшие служащие, торговцы и др. В течение второй половины октября 1939 г. – начала ноября 1939 г. в восточные области республики было направлено 23 602 беженца» [6, с. 14].

Исходя из текстов официальных советских и партийных документов того времени, содержащих понятие «беженцы из оккупированной Германией Польши, беженцы из бывшей Польши», можно констатировать, что власти СССР включали в эту категорию тех, кто до сентября 1939 г. постоянно проживал в центральных и западных районах Польши и в Литве, а затем в силу различных причин оказался на территории, отошедшей в сферу влияния СССР [7, л. 1–3]. Большая часть беженцев по национальности были евреями [8, л. 75–77]. Это увеличило численность еврейского населения, которое и так было значительным: доля евреев в западнобелорусских городах и местечках в 1941 г. была от 30 до 60 % [3, с. 579].

Массовое прибытие беженцев на приграничные территории, несмотря на попытки местных органов власти трудоустроить, обеспечить их жильем, имело ряд негативных последствий: постепенное ухудшение санитарного состояния, общей обстановки в городах, обострение экономической ситуации (увеличение дефицита товаров, значительный рост цен). Это привело к возрастанию антисемитских настроений среди всех этнических групп, проживавших в регионе [9, л. 214–215]. Особенно остро складывались отношения между евреями и поляками. В ноябре 1939 г. в отчетах НКВД о контрреволюционной деятельности есть сведения о распространении листовок с лозунгами «Поляки, не давайте русифицироваться, будьте поляками и католиками, долой евреев и большевиков!», «Да здравствует Польша, долой большевиков, евреи вон, да здравствует свобода Польши!» [10, л. 140].

Иную ситуацию можно было наблюдать в районах с большим процентом местного еврейского населения. Еврейские общины оказывали беженцам материальную

помощь, помогали устраиваться. Некоторые местные жители удивлялись их приезду, не понимали, почему они бегут в СССР. Органы НКВД отмечали следующие высказывания: «Зачем вы сюда приехали, в России нет ни мануфактуры, ни сахара и вообще ничего нет...», «Этим приезжающим к нам беженцам у нас будет плохо, у нас они не будут обеспечены, как жили раньше...» [11, л. 228].

В документальных источниках прослеживается прямая зависимость между восприятием советской властью той или иной этнической группы и изменениями в межнациональных отношениях в регионе. Например, к еврейскому населению у советской власти изначально было лояльное отношение, процент евреев в органах советской власти в 1939–1940 гг. был значительным [12]. Это можно объяснить тем, что евреи в большей степени составляли городское население, имели образование, чаще занимали должности служащих, рабочих. Многие евреи приветствовали приход советской власти, что помогло им остаться на своих прежних местах. Это вызывало определенное недовольство среди представителей других национальностей, отмечались высказывания про «засилье евреев» [13, л. 25].

Впоследствии отношение к евреям начнет меняться, особенно с ростом числа беженцев. Отмечался бытовой антисемитизм, что подтверждается многочисленными документальными источниками [14, л. 6, 8, 12; 15, л. 5–9]. Однако и у евреев наступило некое разочарование советской властью. Это можно подтвердить тем, что многие к 1941 г. хотели выехать за пределы СССР. Перед началом Великой Отечественной войны сложилась парадоксальная ситуация: со стороны Польши прибывали беженцы, которые бежали от фашистской Германии, а буквально навстречу им пытались выехать те, кто бежал от советской власти [16; 17]. Обе эти группы до конца не понимали мотивов друг друга. Западная Беларусь для них оказалась своеобразным перевалочным пунктом, приграничьем, где решалась их судьба. Им пришлось делать выбор, и для многих он оказался жизнеопределяющим. Вероятно, решение остаться в Советском Союзе оставляло больше шансов выжить,

давало надежду на последующую эвакуацию вглубь СССР.

Еще одним фактором, который повлиял на изменения этноконфессиональных отношений, было прибытие «восточников» в Западную Беларусь. В первую очередь это были кадры для формирования управленческой элиты, органов НКВД, милиции. Центральный комитет КП(б)Б в 1940 г. заявлял о 16 359 работников, направленных в западные области БССР. Только 937 из них были белорусами (около 6 % от общего их количества). Значительную долю среди «восточников» занимали русские и евреи (в отношении последних это лишь усилило антисемитские настроения среди местного населения) [18, л. 22]. По мере занятия руководящих постов «восточники» вызывали некоторое раздражение у местных жителей. Усугубляли межэтническое напряжение квартирный вопрос (нехватка жилья в регионе) и девиантное поведение некоторых «восточников». Они транслировали новые правила, в т. ч. антирелигиозную политику, что вызывало непонимание у многих местных жителей [19, л. 7, 11–12].

Более напряженными были отношения между «восточниками» и поляками. В документальных источниках фиксируются радикальные высказывания со стороны «восточников» по отношению к полякам как к этнической категории: «Мы в 1920 г. расстреливали поляков и теперь будем расстреливать...» [20, л. 91].

По мере установления советской власти отношения между поляками и другими этническими группами стали более уравновешенными, чему способствовала политика «коренизации» (выдвижение местных кадров, более внимательный учет национальных особенностей регионов) [21, л. 19, 21; 22, л. 71–73. К 1940 г. советской властью в этом вопросе были поставлены четкие задачи: разборчиво выдвигать местные кадры, активнее принимать на работу белорусов, но при этом не игнорировать поляков и евреев [10, л. 34]. Отбор местного населения по национальному составу проводился с учетом специфики регионов: например, если среди населения преобладали поляки, рекомендовалось на руководящие посты брать именно поляков. С учетом того, что западные области Беларуси отличались многонациональностью, можно было встретить такую

расстановку кадров по национальному составу: директор польской школы – белорус, завуч – русский, пионервожатый – еврей [23, л. 84].

В период 1939–1941 гг. обострились отношения между польским и белорусским населением, а в некоторых аспектах взаимодействия в административной сфере это вылилось в откровенное противостояние. Вызвано оно было тем, что для подавляющего большинства польского населения польская государственность представляла (при всех недостатках ее реализации) абсолютную ценность. Для сознания местного польского населения было непонятно нежелание представителей национальных меньшинств отстаивать прежнюю власть.

Важно отметить, что политика советских властей не носила ярко выраженного антипольского характера, не была связана с разжиганием межнационального противостояния. В то же время советское правительство, руководствуясь провозглашенными тезисами «об освобождении белорусского народа», не стремилось ограничивать представителей белорусского населения в их проявлении враждебности к полякам – прежде всего осадникам и чиновникам.

Ситуация обострялась проводимой политикой выселения неблагонадежного населения, которая коснулась в первую очередь польских осадников. Проведение открытых и латентных репрессий со стороны советской администрации обнажило скрытые межэтнические конфликты, которые аккумулировались годами еще при польской администрации. Так, отношения с поляками значительно ухудшились. Многие из них работали на польскую власть, были осадниками, жандармами, полицейскими, служили в польской армии. После прихода советской власти часть из них была арестована, члены их семей попали в поле зрения властей.

Обострение межэтнической ситуации хорошо прослеживается на фоне проведения депортаций осадников и лесников. Местное население, в основной массе бедняки, активно участвовало в выселении, учете и разделе имущества высланных [7, л. 3]. Исходя из анализа имеющихся документов, опубликованных воспоминаний, стоит отметить, что, здесь большую роль играло социальное положение, чем этническое. Негативное

отношение было именно к осадникам, представителям бывшей польской администрации, а не к полякам как этнической группе [7, л. 1–2].

С приходом советской власти произошла трансформация не только межнациональных, но и межконфессиональных отношений. Антирелигиозная политика, распространенная в БССР, изменила положение конфессий вне зависимости от их вида. Проводимые культурные изменения и национализация ослабили позиции всех конфессий, однако не уничтожили их полностью. Антирелигиозная политика проводилась осторожно, т. к. опыт политики «воинствующего атеизма» не принес желаемых результатов, а, наоборот, мог внести раскол в обществе, что в условиях приближающейся войны было недопустимо [24, с. 39–40].

Некоторые исследователи истории Западной Беларуси 1921–1939 гг. отмечают связь между этнической и конфессиональной принадлежностью населения [25, с. 134]. После включения западных областей Беларуси в состав БССР эта зависимость стала более явной, перешла в плоскость обыденного восприятия. У многих жителей БССР укоренилось представление, что католики – это обязательно поляки по национальности, русские, белорусы и украинцы – православные, а евреи – это иудеи. Если иудаизм действительно был национальной религией евреев, то христианство, являясь мировой религией, обладая эгалитарностью, не соотносилось с какой-либо конкретной нацией. В 1939–1941 гг. не все поляки были католиками и не все белорусы, русские, украинцы были православными. Например, в межвоенный период на территории западных областей Беларуси действовало движение православных поляков, созданное по инициативе государственных властей. Его направленность на ассимиляцию православного населения Западной Беларуси и насильственный характер не привели к широкой популярности среди местного населения, однако сам факт его существования опровергает стереотип о равенстве между конфессиональной и национальной принадлежностью [25, с. 136–137]. Стереотип «католик – поляк», «белорус – православный» привел к искажению восприятия этно-

конфессиональных групп. Нарастанию межконфессиональной напряженности между православными и неправославными способствовало более лояльное отношение советской власти к православной церкви, вызванное возможностью ее контроля вследствие перехода под юрисдикцию Московского Патриархата.

Заключение

Таким образом, на территории Западной Беларуси накануне Великой Отечественной войны происходили массовые внутренние и внешние миграционные процессы. В результате польское присутствие, преобладавшее до 1939 г. в западной части Беларуси, сменилось усилением белорусского и русского. Начался интенсивный миграционный поток, прежде всего российских военных и партийных работников, создавший иную социокультурную и этническую реальность.

На этнополитические процессы в западных областях Беларуси оказывали осадники (лояльные властям поляки, в межвоенный период получавшие землю и ключевые административные должности в рассматриваемом регионе), и «восточники» (советские и партийные служащие, направленные сюда на работу). Отношения между польским и белорусским населением в период 1939–1941 гг. обострились, а в некоторых аспектах взаимодействия в административной сфере вылились в откровенное противостояние.

Конфронтационный характер в отношениях поляков (титульного этноса в Польском государстве, однако находящегося на западнобелорусских землях в численном меньшинстве) и белорусов (коренного большинства населения) не удалось преодолеть.

В условиях новых политических реалий стало очевидным, что традиционные конфессиональные различия, такие как православие и католицизм, присутствие еврейского населения, стали предметом манипуляций со стороны власти. Этнические и религиозные идентичности подверглись ослаблению, а в некоторых случаях и целенаправленным репрессиям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Туронак, Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй / Ю. Туронак ; пер. з пол. В. Ждановіч ; камент. А. М. Літвіна. – Мінск : Беларусь, 1993. – 236 с.
2. Вабищевич, А. Н. Западноукраинские и западнобелорусские земли накануне Второй мировой войны / А. Н. Вабищевич // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы : сб. науч. работ. – СПб., 2014. – С. 7–24.
3. Розенблат, Е. С. Советизация Западной Беларуси в 1939–1941 гг. и процесс маргинализации еврейского населения / Е. С. Розенблат // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований : сб. науч. тр. / гл. ред. Л. Н. Мазур. – Екатеринбург, 2017. – С. 579–587.
4. Карпенкина, Я. В. «Паспортизация» еврейского населения в Западной Белоруссии (1940–1941 гг.) / Я. В. Карпенкина // Тирош. Труды по иудаике, славистике, ориенталистике : сб. науч. ст. / отв. ред. М. М. Членов. – М., 2018. – Вып. 18. – С. 160–172.
5. Зональный государственный архив г. Барановичи (ЗГАБар). – Ф. 139. Оп. 3. Д. 1. Л. 2.
6. Толочко, Д. М. Беженцы из Польши в БССР (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Д. М. Толочко ; БГУ. – Минск, 2007. – 22 с.
7. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф 4п. Оп. 1. Д. 16946. Л. 13.
8. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14728. Л. 262.
9. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14697. Л. 410.
10. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14617. Л. 147.
11. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14616. Л. 282.
12. ЗГАБар. – Ф. 162. Оп. 1. Д. 4. Л. 16.
13. ЗГАБар. – Ф. 139. Оп. 3. Д. 12. Л. 34.
14. ЗГАБар. – Ф. 139. Оп. 1 Д. 10. Л. 8.
15. ГАБр. – Ф. 7581п. Оп. 1 Д. 167 Л. 64.
16. Государственный архив Гродненской области (ГАГр). – Ф. 1176. Оп. 1. Д. 108. Л. 8.
17. ГАГр. – Ф. 1339. Оп. 1. Д. 68. Л. 4.
18. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 16922. Л. 89.
19. ГАГр. – Ф. 300. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.
20. ГАБр. – Ф. 2п. Оп. 1а. Д. 51. Л. 134.
21. ГАБр. – Ф. 7581п. Оп. 1 Д. 165. Л. 202.
22. ГАБр. – Ф. 7581п. Оп. 1 Д. 159. Л. 86.
23. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14950. Л. 127.
24. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. : в 2 кн. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории / редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2014. – Кн. 2. – 335 с.
25. Самосюк, Н. В. Деятельность Православной церкви как фактор развития культурной идентичности населения Западной Беларуси (1921–1939 гг.) : монография / Н. В. Самосюк ; Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2019. – 207 с.

REFERENCES

1. Turonak, Yu. Belarus' pad niemieckaj akupacyjaj / Yu. Turonak ; pier. z pol. V. Zhdanovich ; kamient. A. M. Litvina. – Minsk : Bielarus', 1993. – 236 s.
2. Vabishchievich, A. N. Zapadnoukrainskije i zapadnobielorusskije ziemli nakanunie Vtoroj mirovoj vojny / A. N. Vabishchievich // Zapadnaja Bielorusija i Zapadnaja Ukraina v 1939–1941 gg.: liudi, sobytija, dokumienty : sb. nauch. rabot. – SPb., 2014. – S. 7–24.
3. Rozienblat, Ye. S. Sovietizacija Zapadnoj Bielarusi v 1939–1941 gg. i process marginalizacii jevriejskogo nasielienija / Ye. S. Rozienblat // Epokha socialistichieskoj riekonstrukcii : idiei, mify i programmy social'nykh prieobrazovanij : sb. nauch. tr. / gl. ried. L. N. Mazur. – Jekatierinburg, 2017. – S. 579–587.

4. Karpienkina, Ya. V. «Pasportizacija» jevriejskogo nasielienija v Zapadnoj Bielorusii (1940–1941 gg.) / Ya. V. Karpienkina // Tirosh. Trudy po iudaikie, slavistike, orijentalistike : sb. nauch. st. / otv. ried. M. M. Chlienov. – M., 2018. – Vyp. 18. – S. 160–172.
5. Zonal'nyj gosudarstviennyj arkhiv g. Baranovichi (ZGABar). – F. 139. Op. 3. D. 1. L. 2.
6. Tolochko, D. M. Biezhieny iz Pol'shi v BSSR (sientabr' 1939 – ijun' 1941 gg.) : avtorief. dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02 / D. M. Tolochko ; BGU. – Minsk, 2007. – 22 s.
7. Nacional'nyj arkhiv Rjespubliki Bielarus'. – F 4p. Op. 1. D. 16946. L. 13.
8. NARB. – F. 4p. Op. 1. D. 14728. L. 262.
9. NARB. – F. 4p. Op. 1. D. 14697. L. 410.
10. NARB. – F. 4p. Op. 1. D. 14617. L. 147.
11. NARB. – F. 4p. Op. 1. D. 14616. L. 282.
12. ZGABar. – F. 162. Op. 1. D. 4. L. 16.
13. ZGABar. – F. 139. Op. 3. D. 12. L. 34.
14. ZGABar. – F. 139. Op. 1 D. 10. L. 8.
15. GABr. – F. 7581p. Op. 1 D. 167. L. 64.
16. Gosudarstviennyj arkhiv Grodnienskoj oblasti (GAGr). – F. 1176. Op. 1. D. 108. L. 8.
17. GAGr. – F. 1339. Op.1. D. 68. L. 4.
18. NARB. – F. 4p. Op.1. D. 16922. L. 89.
19. GAGr. – F. 300. Op. 1. D. 1. L. 17.
20. GABr. – F. 2p. Op. 1a. D. 51. L. 134.
21. GABr. – F. 7581p. Op. 1 D. 165. L. 202.
22. GABr. – F. 7581p. Op. 1 D. 159. L. 86.
23. NARB. – F. 4p. Op. 1. D. 14950. L. 127.
24. Rizhskij mir v sud'bie bieloruskogo naroda. 1921–1953 gg. : v 2 kn. / Nac. akad. nauk Bielarusi, In-t istorii / riedkol.: A. A. Kovalienia [i dr.]. – Minsk : Bielarus. navuka, 2014. – Kn. 2. – 335 s.
25. Samosiuk, N. V. Diejatiel'nost' Pravoslavnoj cerkvi kak faktor razvitija kul'turnoj identichnosti nasielienija Zapadnoj Bielarusi (1921–1939 gg.) : monografija / N. V. Samosiuk ; Briest. gos. un-t im. A. S. Pushkina. – Briest : BrGU, 2019. – 207 s.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 20.11.2024

УДК 94(476)

Александр Леонидович Даркович

канд. ист. наук, доц. каф. всеобщей истории

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Aleksandr DarkovichCandidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General History
of Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: alexdarkovich@mail.ru

ИНВЕСТИЦИИ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Целью публикации является изучение объема и динамики инвестиций в Западной Беларуси в период между Первой и Второй мировыми войнами по основным источникам финансирования – частным, государственным и органов местного самоуправления. Показано, что условия для инвестирования в регионе были неблагоприятными. На фоне сложившейся в предыдущие периоды общей хозяйственной отсталости, которую усугубили военные разрушения, бедности населения, закрытой границы с СССР и периферийного расположения края по отношению к портам и крупным производственным и потребительским центрам Польши, частные инвестиции были низкими, что нашло отражение в спаде в промышленности и торговле. Источники дохода органов местного самоуправления также были ограничены, их не хватало на какие-либо масштабные начинания. В условиях, когда местные предприниматели и органы самоуправления за счет собственных средств не могли обеспечить экономическое развитие региона, представители местных хозяйственных кругов стали возлагать надежды на Польское государство. Однако государственные капиталовложения также были незначительными и непропорционально низкими по сравнению с другими частями Польши. Такая ситуация лишала западнобелорусские земли перспектив развития и фактически предопределила его хозяйственный застой на протяжении межвоенного времени. Материалы и выводы статьи могут быть использованы в дальнейшем изучении межвоенной истории Западной Беларуси, а также при подготовке учебных пособий, лекционных курсов и обобщающих трудов по новейшей истории Беларуси.

Ключевые слова: Западная Беларусь, инвестиции, Фонд труда, местное самоуправление.

Influence of State Monopolies on the Industry in Western Belarus in the Interwar Period

The article deals with the volume and dynamics of private, state and local governments investments in Western Belarus in the interwar period. The main part of the article shows that conditions for investment in the region were unfavorable. Against the background of general economic backwardness, poverty of the population, a closed border with the USSR and the peripheral location of the region in relation to ports and large production and consumer centers of Poland, private investment was low. This caused the decline in industry and trade. Sources of income of local governments were also limited and were not sufficient for any large-scale undertakings. At a time when local entrepreneurs and self-government bodies were unable to ensure the economic development of the region at their own expense, representatives of local economic circles began to pin their hopes on the state. However, government investment was also small negligible and disproportionately low compared to other parts of the Poland. This situation deprived Western Belarus of development prospects and predetermined its economic stagnation during the interwar period. The materials and conclusions of the article can be used in further studies of the interwar history of Western Belarus, as well as in the preparation of textbooks, lecture courses and summarizing works on the modern history of Belarus.

Key words: Western Belarus, economic development programs, Vilna Chamber of Industry and Commerce, investment.

Введение

Цель статьи – охарактеризовать объем и динамику инвестиций в Западной Беларуси на протяжении межвоенного времени по основным источникам финансирования: частным, государственным и органов местного самоуправления. По многим аспектам данной тематики, особенно для периода 1920-х гг., доступна лишь разрозненная и

неполная информация. Тем не менее, хотя полных сведений по объемам инвестирования нет, систематизация и обобщение имеющихся данных представляется актуальной исследовательской задачей.

Заявленная тема не была предметом специального изучения. Ряд историков в своих работах, посвященных экономическому положению западнобелорусских земель

в целом, приводили отдельные сведения по инвестициям [1, s. 236–237; 2, s. 166–167, 172–174; 3, s. 223, 225–226, 229], однако систематические исследования отсутствуют.

Основная часть

На протяжении 1920–1930-х гг. частные инвестиции в Западной Беларуси были незначительными, что определялось как экономической и географической ситуацией самого региона, так и общим хозяйственным положением Польши. Интенсивные боевые действия, проходившие на западно-белорусских землях в годы Первой мировой, а затем польско-советской войн, привели к огромным военным разрушениям, которые усугубили их общую экономическую отсталость, сложившуюся в предыдущие периоды. За военные годы многие отрасли промышленности фактически полностью перестали существовать. В частности, ликеро-водочное производство, которое до Первой мировой войны было крупнейшим сектором промышленности в регионе, в конце 1930-х гг. составляло 13,9 % к довоенному уровню [4, s. 58; 5, s. 144]. «Отрасли, которые смогли сохранить половину или более довоенного объема производства, немногочисленны; рост производства наблюдается только в не имеющих большого значения отраслях, не считая лесозаготовку и фанерную промышленность», — указывалось в отчете Виленской промышленно-торговой палаты об экономической ситуации за 1929 г. (орган хозяйственного самоуправления, в функции которого входило представление интересов деловых кругов перед органами государственной власти, сбор экономической статистики, подготовка отчетов о хозяйственной ситуации, организация профессионального образования и т. д.; Виленская промышленно-торговая палата охватывала Виленское, Новогрудское, Полесское и Белостокское воеводства) [4, s. 13]. Местные предприниматели, во многих случаях потерявшие в годы войны свое имущество, не имели достаточно средств для каких-либо значимых инвестиций: «Не располагая необходимыми капиталами, промышленность и торговля были не в состоянии даже полностью восстановиться, не говоря уже о какой-то серьезной экспансии», — отмечалось в том же отчете Виленской промышленно-торговой палаты [4, s. 12].

Довоенный уровень промышленного производства в регионе был восстановлен только к концу 1930-х гг. [6, с. 108–109].

В межвоенные годы выгоды, которые западнобелорусские земли могли извлечь из своего географического положения в качестве торгового посредника между Советской Россией и европейскими странами, были перечеркнуты отсутствием нормальных экономических отношений Польши с СССР и Литвой. Транзитная торговля оставалась, регион оказался отрезанным от традиционного российского рынка сбыта. Также Западная Беларусь располагалась на периферии от основных портов и производственных и потребительских центров Польши, что, учитывая высокие тарифы на железнодорожный транспорт и отсталую транспортную инфраструктуру в регионе, приводило к удорожанию ввозимых сюда промышленных товаров и падению цены на вывозимую продукцию и сырье [7, s. 487–488]. В таких условиях поставки за пределы Западной Беларуси многих видов продукции были затруднены, производители были вынуждены ориентироваться прежде всего на местный рынок, предъявлявший низкий спрос на продукцию из-за бедности населения и полунатурального характера хозяйства большинства крестьян.

Еще одним сдерживающим фактором для частных инвестиций было ухудшение условий кредитования. В 1931 г. местные власти и хозяйственники Виленского и Новогрудского воеводств составили в адрес правительства меморандум об экономическом положении этих территорий. Как следует из данного документа, объемы кредитования по сравнению с довоенным периодом заметно снизились. Например, сумма долгосрочных кредитов, предоставленных производителям сельскохозяйственной продукции в четырех восточных воеводствах в конце 1920-х гг., составляла около 30 % к довоенному уровню [8, s. 31]. Распределение кредитов в территориальном разрезе также было неблагоприятным для региона. В 1929 г. объем кредитов для Виленского и Новогрудского воеводств составлял лишь 1,4 % от суммы кредитов, выданных в целом по стране Польским банком, и 2,4 % от кредитов, выданных Банком народного хозяйства [8, s. 21]. Для сравнения: удельный вес населения двух воеводств в общей

численности жителей страны в 1931 г. составлял 7,3 % [9, s. 1]. Также значительно выросли процентные ставки: до войны долгосрочные кредиты выдавались под ставку от 5,9 до 6,8 % годовых, а на конец 1920-х гг. она составляла 13,3 % [4, s. 43].

Частные инвестиции, поступавшие в регион из-за его пределов, также были незначительными. Наряду с указанными выше неблагоприятными экономическими и географическими условиями сдерживающими факторами для притока инвестиций извне были риски, связанные с пограничным положением региона в условиях напряженных польско-советских отношений, а также отсутствие значительных залежей полезных ископаемых.

Кроме того, надо учитывать, что объем частных инвестиций в Польшу в целом был невысоким, особенно после 1929 г., на фоне глубокого экономического кризиса первой половины 1930-х гг., а затем роста международной напряженности в преддверии Второй мировой войны. Далее, в течение 1930-х гг. польские власти в качестве приоритета в экономике определили развитие военной промышленности в пределах т. н. Центрального промышленного округа на территории центральных и южных воеводств и порта Гдыни. Создаваемым здесь производствам был предоставлен целый ряд льгот и преимуществ, что вело к концентрации на этих территориях основной части инвестиций в пределах Польского государства [1, s. 236].

Инвестиции со стороны местного самоуправления, которое функционировало на уровне городов, поватов и сельских гмин также были незначительными. Основным источником пополнения коммунальных бюджетов являлись налоги. Но налоговые поступления с местных жителей, которые жили в крайней бедности при неразвитой сфере производства и торговли были низкими. Малочисленные коммунальные предприятия также не являлись существенным источником дохода, а финансовая поддержка со стороны польских властей была ограниченной. Практически любые капитальные затраты требовали привлечения кредитов, но обслуживание даже незначительной кредитной задолженности нередко становилось неподъемной ношей для скромных бюджетов местных властей. Также сказывалась

неблагоприятная политика государственной администрации в отношении территориального самоуправления, на которое с течением времени перекладывалось все больше обязательств по удовлетворению локальных нужд без обеспечения соответствующими источниками финансирования, что делало решение этих задач заведомо невыполнимым.

На фоне критического финансового положения органов самоуправления на протяжении практически всего межвоенного двадцатилетия они во многих случаях были неспособны выполнять свои основные обязанности по решению текущих проблем жизни на местах или обеспечивали их удовлетворение на примитивном уровне. Например, власти Полесского воеводства в 1937 г. констатировали, что пять городов воеводства могли рассчитываться по кредитам только за счет отказа от выполнения своих основных обязанностей, еще три не могли ни выполнять своих финансовых обязательств, ни осуществлять основную деятельность, выполняли свои функции только власти четырех наиболее крупных городов (Брест, Кобрин, Пинск, Пружаны) [10, л. 74].

В Новогрудском воеводстве на конец 1930-х гг. муниципальные власти были нефункциональны в четырех из десяти городов [11, s. 67]. Крайне ограниченных источников дохода органов самоуправления тем более не хватало на какие-либо значительные капитальные вложения.

Таким образом, частный бизнес и органы местного самоуправления за счет собственных средств не могли обеспечить достаточные инвестиции для ускорения экономического роста западнобелорусских земель. В таких условиях местные предприниматели все чаще возлагали надежды на государство, призывая значительно увеличить государственные инвестиции в регион, которые рассматривались как единственный способ создать перспективы развития. В многочисленных публикациях 1930-х гг., посвященных хозяйственному положению восточных воеводств, обоснованно утверждалось, что предварительным условием для роста частных инвестиций являются государственные вложения в развитие транспортной и коммунальной инфраструктуры, проведение мелиорации, развитие образования и т. д. Так, в докладной записке,

подготовленной управлением Полесского округа Товарищества развития восточных земель (общественная организация, образованная в 1933 г. во главе с бывшим премьер-министром Польши А. Пристором, целью которой было содействие хозяйственному и культурному развитию восточных земель по их унификации с этнически польскими землями) на имя премьер-министра Польши в конце 1936 г., указывалось на полное отсутствие собственных капиталов, как частных, так и органов самоуправления, которые можно было направить на экономическое развитие воеводства. Далее авторы записки отмечали, что ни одна хозяйственная или социальная проблема Полесья не может быть решена без соответствующих инвестиций со стороны государства [12, s. 5, 8]. «Не может быть речи о широком развитии частных инвестиций, если не будут соответствующим образом развиваться базовые государственные инвестиции в дороги, мелиорацию, улучшение быта, школу и т. д.», — утверждал вице-директор Виленской промышленно-торговой палаты А. Танский на съезде городов восточных воеводств в Вильно в 1937 г. [13, s. 30].

На протяжении 1920-х гг. государственные инвестиции в Западной Беларуси в основном ограничивались строительством административных зданий для размещения органов государственной и военной администрации и жилья для государственных служащих и военных [14, s. 170–171]. Например, в Полесском воеводстве в 1920-е гг. было построено 80 жилых зданий для чиновников и 63 для военнослужащих Корпуса охраны границы общей площадью 114,2 тыс. квадратных метров [15, s. 34].

До середины 1920-х гг. инфраструктурные инвестиции практически отсутствовали [12, s. 6]. Во второй половине 1920-х гг. на фоне благоприятной экономической конъюнктуры финансирование, поступавшее в регион из государственного бюджета, увеличилось. Активизировалось строительство дорог и мостов, к 1927 г. был реконструирован Огинский канал, что позволило организовать речное сообщение между Пинском и Гродно [16, k. 84]. При этом темпы работ по-прежнему были низкими. Длина мощеных дорог, построенных в Полесском воеводстве в 1928/29 финансовом году (с 1926 г. финансовый год в Польше

длился с 1 апреля по 31 марта) как за счет государственного бюджета, так и органов самоуправления составила 11,8 км, в 1930/31 г. — 9 км [3, s. 222]. К началу 1930-х гг. не удалось полностью ликвидировать военные разрушения. Так, в Виленском и Новогрудском воеводствах в 1931 г. не были восстановлены 12 тыс. жилых и административных зданий и более 30 тыс. хозяйственных построек, разрушенных в военные годы. В Новогрудском воеводстве около 4 тыс. семей все еще проживало во временных убежищах и землянках [8, s. 102].

В начале 1930-х гг. на фоне глубокого экономического кризиса объемы инвестиций резко сократились. Например, в Полесском воеводстве в 1931–1932 г. было построено 1,5 км дорог с твердым покрытием, в 1932–1933 г. — лишь 0,3 км [3, s. 222]. В Западной Беларуси расходы на инвестиции органов городского самоуправления небольших городов, насчитывавших до 20 тыс. жителей, в 1932/33 финансовом году составили 11,9 % к уровню 1928/29 г., в городах с населением свыше 20 тыс. человек — 17,2 % [17, s. 184, 188].

В середине 1930-х гг. динамика инвестиций в регион улучшилась, в первую очередь возросли государственные капиталовложения. В этот период польские власти начали уделять большее внимание развитию восточных воеводств, необходимость срочного решения их хозяйственных проблем была признана одной из важных целей государственной экономической политики. Как утверждалось в отчете Виленской промышленно-торговой палаты в 1936 г., ускорение экономического развития региона «было признано центральными властями одним из приоритетных заданий государственной важности» [18, s. 5].

Основная часть государственных инвестиций, поступавших в Западную Беларусь, распределялась через Фонд труда, задачей которого являлась организация общественных работ для трудоустройства безработных. Фондом финансировалось прежде всего строительство дорог, мостов и тротуаров, а также возведение коммунальных предприятий, в частности канализации, водопроводов, скотобоен, холодильных камер, электростанций и др.

В 1933/34 финансовом году в Виленское, Новогрудское, Полесское и

Белостокское воеводства из Фонда труда на общественные инвестиции было направлено 2,3 млн злотых, что составляло 4,6 % общей суммы инвестиций организации [19, s. 274] (на этой территории проживало 15,9 % населения страны [9, s. 1]). Наименее благоприятно распределение финансирования сложилось для Новогрудского воеводства, на которое было выделено 300 тыс. злотых, что составляло лишь 0,6 % бюджета Фонда. В последующие три года объем государственных инвестиций, поступающих в восточные воеводства через Фонд труда, заметно вырос как в абсолютном, так и в удельном выражении. В 1934/35 финансовом году он составил 6,7 млн, в 1935/36 г. – 7,4 млн, в 1936/37 г. – 7,9 млн злотых; за три года сумма инвестиций выросла в 3,4 раза. По отношению к общему показателю по стране эти цифры составляли 8,4, 8,5 и 8,3 % соответственно [19, s. 274], что по-прежнему находилось в сильной диспропорции к удельному весу региона в численности населения Польши.

Общая сумма государственных инвестиций из всех источников финансирования в округе Виленской промышленно-торговой палаты в 1936–1937 г. составила 15 млн злотых, которые были направлены на строительство дорог, мостов, коммунальных предприятий, а также мелиоративные и водные работы. Частные инвестиции крупных и средних промышленных предприятий в 1937 г. составили 5 млн злотых, главным образом это были инвестиции в деревообработку, производство радиооборудования, льняную, металлургическую, мясоперерабатывающую промышленности и переработку грибов и овощей [20, s. XXXIV]. Органы местного самоуправления в четырех восточных воеводствах в 1937/38 финансовом году израсходовали на инвестиции в создание коммунальных предприятий, строительство школ, больниц, дорожные работы и поддержку частных производственных предприятий 17 млн злотых [21, s. 18–19].

Во второй половине 1930-х гг. динамика государственных инвестиций в Западной Беларуси вновь изменилась. В июле 1936 г. в Польше началась реализация четырехлетнего инвестиционного плана, инициированного Евгением Квятковским, премьер-министром и одновременно

министром финансов Польши в 1935–1939 гг. Первоначально план предусматривал инвестирование государством в течение четырех лет 1 650–1 800 млн злотых, в 1937 г. объем запланированных инвестиций был увеличен до 2 400 млн злотых. На фоне благоприятной экономической конъюнктуры цели плана по объемам финансирования были выполнены досрочно в течение трех лет [22, s. 107–108]. В качестве основных целей плана изначально были определены развитие военной промышленности, транспортной инфраструктуры и активизация хозяйственной жизни восточных и южных воеводств. Однако по ходу его выполнения экономические приоритеты изменились. В связи с нараставшей внешнеполитической угрозой польские власти сконцентрировали средства на развитии тяжелой и военной промышленности в пределах Центрального промышленного округа, что привело к уменьшению инвестиций в восточные воеводства. В 1937–1938 г. объем финансирования, поступивший сюда из Фонда труда, сократился на 33,8 % [5, s. 286].

Первоначально в соответствии с четырехлетним инвестиционным планом инвестиции из Фонда труда в Виленское воеводство должны были ежегодно составлять 5 850 тыс. злотых. На практике же соответствующие капиталовложения в 1937/38 финансовом году составили 860 тыс. злотых, или 14,7 % от изначально запланированной суммы [23, s. 197, 200]. В декабре 1936 г. стало известно, что в Фонде труда было принято решение выделить для г. Бреста на 1937/38 г. 630 тыс. злотых в виде кредитов и дотаций, в т. ч. 200 тыс. злотых на строительство электростанции, 200 тыс. – на возведение водопровода и канализации, 150 тыс. – на дорожные работы и 80 тыс. – на начало строительства скотобойни, морозильной камеры и мясокомбината (для сравнения, в 1935/36 г. из Фонда труда в Брест было инвестировано 570 тыс. злотых, в 1936/37 г. – 496 тыс.). Однако уже в феврале 1937 г. сумма предусмотренных для города инвестиций была сокращена до 150 тыс. злотых, что составляло 17,4 % от планируемого. Это решение не только означало, что введение в строй коммунальных предприятий, обеспечивающих базовые коммунальные удобства, в воеводском центре откладывалось на неопределенный срок, но и

создавало угрозу значительного роста безработицы среди горожан [24, s. 8].

Снижение предусмотренных для восточных воеводств инвестиций вызвало сильное недовольство на местах. В «Новогрудской газете» освещалась созданная в конце 1936 г. по инициативе Товарищества развития восточных земель конференция, участники которой резко протестовали против сокращения государственных инвестиций в Новогрудское воеводство. «В период, когда общепринятым является раздел территории государства на Польшу “А” и “Б” (отсылка к известному высказыванию Квятковского, который подчеркнул экономическое разделение страны на две части: значительно более развитую Польшу “А” и хозяйственно отсталую Польшу “Б”, охватывавшую восточные и южные воеводства. — А. Д.) — Новогрудчина с точки зрения раздела фондов на инвестиции явно была отнесена центральными властями к категории “Я” (в оригинале — “do kategorii Ż”). — А. Д.)», — утверждал автор статьи [25, s. 1]. «В инвестиционных начинаниях Восток до сих пор сильно обижали, поскольку не только не инвестировали здесь больше, чем где-либо еще, но наоборот, значительно меньше... Настало время перестать считать Восточные земли бедным родственником, которому великодушно кидают объедки с панского стола», — писал в 1936 г. Людвик Гродицкий, доктор философии, географии и статистики, преподаватель Ягеллонского университета и начальник отдела в Главном управлении статистики Польши [26, s. 41].

В декабре 1938 г. Квятковский представил новый инвестиционный план, рассчитанный на 15 лет. Он делился на пять трехлетних периодов, каждый из которых был посвящен достижению одной приоритетной цели. В первом периоде в качестве главной задачи было определено развитие оборонной промышленности, во втором — транспортной инфраструктуры, в третьем — сельского хозяйства, в четвертом — промышленности и городов, последний период, рассчитанный на 1951–1954 гг., планировалось посвятить ускоренному развитию восточных воеводств с целью сглаживанию глубоких экономических диспропорций между разными частями государства [22, s. 110–111]. Этот план явно отражал экономические приоритеты польских властей на ко-

нец 1930-х гг.: задача ускоренного развития восточных воеводств откладывалась на отдаленную перспективу, не были определены ни конкретные инвестиционные проекты, реализация которых позволила бы достичь эту цель, ни источники их финансирования.

В целом, инвестиции в Западной Беларуси в межвоенный период были ограничены и не позволили добиться существенного прогресса в развитии. Так, в Полесском воеводстве протяженность мощеных дорог в 1921 г. составляла 795 км, в 1938 г. — 1 035,6 км, темп роста за межвоенное 20-летие составил 30,3 %. При этом на конец 1930-х гг. длина шоссе составляла 7,4 % общей протяженности дорог в воеводстве [27, s. 230].

Также в Полесском воеводстве в течение межвоенного периода были построены 339 школ, 6 электростанций, 93 артезианских колодца, несколько скотобоев, 150 зданий под медицинские пункты, бани и т. д. [28, л. 107–108]. Масштабные инвестиционные проекты были единичными: в Бресте была построена паротурбинная электростанция, выполнена значительная часть работ по созданию водопровода и канализации в Гродно и Бресте, в Пинске в 1936 г. был построен железобетонный автодорожный мост через р. Пину, рост государственных инвестиций в регион в середине 1930-х гг. позволил на 90 % завершить работы по строительству дороги Брест — Пинск общей протяженностью около 200 км [29, s. 204] и др.

Заключение

Таким образом, в Западной Беларуси в межвоенный период условия для инвестирования были неблагоприятными. На фоне сложившейся в предыдущие периоды общей хозяйственной отсталости, которую усугубили военные разрушения, бедности населения, закрытой границы с СССР и периферийного расположения региона по отношению к портам и крупным производственным и потребительским центрам Польши, частные инвестиции были низкими, что нашло отражение в спаде промышленности и торговли. Источники доходов органов местного самоуправления также были ограничены, их не хватало на какие-либо масштабные начинания. Местные предприниматели и органы самоуправления за счет

собственных средств не могли обеспечить экономическое развитие региона и стали возлагать надежды на Польское государство. Однако государственные капиталовложения также были незначительными и непропорционально низкими по сравнению

с другими частями Польши. Такая ситуация лишала западнобелорусские земли перспектив развития и предопределила их хозяйственный застой на протяжении межвоенного времени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Landau, Z., Tomaszewski, J. Druga Rzeczpospolita. Gospodarka – społeczeństwo – miejsce w świecie (sporne problemy badań) / Z. Landau, J. Tomaszewski. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1977. – 426 s.
2. Tomaszewski, J. Z dziejów Polesia. Zarys stosunków społeczno-ekonomicznych / J. Tomaszewski. – Warszawa : PWN, 1963. – 208 s.
3. Ціхарацкі, П. 3 гісторыі «вялікай дэпрэсіі» на Палессі: эканамічны крызіс першай паловы 1930-х гг. у Палескім ваяводстве і спробы яго пераадолення / П. Ціхарацкі // Arche. – 2013. – № 4. – С. 211–229.
4. Sprawozdanie o stanie gospodarczym okręgu Izby Przemysłowo-Handlowej w Wilnie w roku 1929. – Wilno : Lux, 1930. – 272 s.
5. Mały Rocznik Statystyczny. 1939. – Warszawa : Główny Urząd Statystyczny, 1939. – 424 s.
6. Leszczyńska, C. Przemysłowa peryferia. Polska Północno-Wschodnia w latach 1870–1939 / C. Leszczyńska // Optimum. Studia economiczne. – 2017. – № 2. – S. 93–118.
7. Odlanicki-Poczobutt, St. Województwo Nowogródzkie / St. Odlanicki-Poczobutt. – Wilno : Wileńska Izba Rolnicza, 1936. – 498 s.
8. Memoriał w sprawie stanu gospodarczego i najważniejszych potrzeb ziem północno-wschodnich. – Wilno : Nakł. Izby Przemysłowo-Handlowej w Wilnie, 1931. – 145 s.
9. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9. XII. 1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Polska. – Warszawa : Główny Urząd Statystyczny, 1938. – 74 s.
10. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. 1. Оп. 2. Д. 213.
11. Oddłużenie samorządu terytorialnego. Sprawozdanie Centralnej komisji oszczędnościowo-oddłużeniowej dla samorządu. – Warszawa : Druk. Państwowa, 1937. – 142 s.
12. Gospodarcze i kulturalne potrzeby województwa Poleskiego. – Warszawa : T-wo rozwoju Ziem Wschodnich, 1937. – 28 s.
13. Zjazd miast województw wschodnich (Wileńskie, Nowogródzkie, Wołyńskie i Poleskie). II. Pamiętnik, uchwały, rezolucje. – Wilno : Wydaw. Zarządu miejskiego w Wilnie, 1937. – 80 s.
14. Landau, Z. Zarys historii gospodarczej Polski, 1918–1939 / Z. Landau, J. Tomaszewski. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1971. – 321 s.
15. Wid, T. Polesie w okresie rządów pomajowych / T. Wid. – Brześć nad Bugiem : Poleskie T-wo Nauk., 1928. – 40 s.
16. Archiwum Akt Nowych. – Zespół 2/390/0. Sygnatura 10/77.
17. Даркович, А. Л. Городское самоуправление на западнобелорусских землях межвоенной Польши (1919–1939 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / А. Л. Даркович. – М., 2016. – 310 л. – Режим доступа: <https://inslav.ru/event/darkovich-aleksandr-leonidovich-gorodskoe-samoupravlenie-na-zapadnobelorusских-zemlyah>. – Дата доступа: 11.12.2023.
18. Sprawozdanie z działalności Izby Przemysłowo-Handlowej w Wilnie za rok 1935. – Wilno : Izba Przemysłowo-Handlowa w Wilnie, 1936.
19. Mały Rocznik Statystyczny. 1938. – Warszawa : Główny Urząd Statystyczny, 1938. – 406 s.
20. Sprawozdanie o stanie gospodarczym okręgu Izby Przemysłowo-Handlowej w Wilnie w roku 1937. – Wilno : Znicz, 1938. – 200 s.
21. Statystyka samorządu terytorialnego. Zamknięcia rachunkowe. 1936/1937. – Warszawa : Główny Urząd Statystyczny, 1938. – 68 s.
22. Landau, Z. Gospodarka Polski międzywojennej. T. 4 : Lata interwencjonalizmu państwowego 1936–1939 / Z. Landau, J. Tomaszewski. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1989. – 549 s.

23. Januszko, W. Potrzeby inwestycyjne i plany inwestycji na Ziemiach Wschodnich. Województwo Wileńskie / W. Januszko // *Rocznik Ziemi Wschodnich*. – Warszawa : T-wo rozwoju Ziemi Wschodnich, 1938. – S. 196–200.
24. Niebezpieczeństwo bezrobocia zagraża Brześciu w sezonie inwestycyjnym 1937 roku // *Przegląd handlowo-gospodarczy Ziemi Wschodnich*. – 27.02.1937. – № 8. – S. 8.
25. Kołajtes, W. Potrzeby inwestycyjne Nowogródziny / W. Kołajtes // *Gazeta Nowogródzka*. – 1.12.1936. – № 11. – S. 1.
26. Grodzicki, L. Jakież są potrzeby pod względem inwestycji komunikacyjnych Ziemi Wschodnich? / L. Grodzicki // *Rocznik ziem wschodnich i Kalendarz na rok 1937*. – Warszawa : T-wo rozwoju Ziemi Wschodnich, 1936. – S. 40–51.
27. Inwestycje drogowe na Polesiu dokonane w ciągu 20-lecia niepodległości // *Samorząd*. – 1939. – № 14. – S. 230.
28. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 1017.
29. Wochanka, B. Potrzeby inwestycyjne i plany inwestycji na Ziemiach Wschodnich. Województwo Poleskie / B. Wochanka // *Rocznik ziem wschodnich*. – Warszawa : T-wo rozwoju Ziemi Wschodnich, 1938. – S. 200–204.

REFERENCES

1. Landau, Z., Tomaszewski, J. Druga Rzeczpospolita. Gospodarka – społeczeństwo – miejsce w świecie (sporne problemy badań) / Z. Landau, J. Tomaszewski. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1977. – 426 s.
2. Tomaszewski, J. Z dziejów Polesia. Zarys stosunków społeczno-ekonomicznych / J. Tomaszewski. – Warszawa : PWN, 1963. – 208 s.
3. Cikharacki, P. Z historyi «vialikaj depresii» na Paliessi: ekanamichny kryzys pieršaj palovy 1930-gh hh. u Palieskim vajavodstvie i sproby jaho pieraadoliennia / P. Cikharacki // *Arche*. – 2013. – № 4. – S. 211–229.
4. Sprawozdanie o stanie gospodarczym okręgu Izby Przemysłowo-Handlowej w Wilnie w roku 1929. – Wilno : Lux, 1930. – 272 s.
5. Mały Rocznik Statystyczny. 1939. – Warszawa : Główny Urząd Statystyczny, 1939. – 424 s.
6. Leszczyńska, C. Przemysłowa peryferia. Polska Północno-Wschodnia w latach 1870–1939 / C. Leszczyńska // *Optimum. Studia economiczne*. – 2017. – № 2. – S. 93–118.
7. Odlanicki-Poczobutt, St. Województwo Nowogródzkie / St. Odlanicki-Poczobutt. – Wilno : Wileńska Izba Rolnicza, 1936. – 498 s.
8. Memoriał w sprawie stanu gospodarczego i najważniejszych potrzeb ziem północno-wschodnich. – Wilno : Nakł. Izby Przemysłowo-Handlowej w Wilnie, 1931. – 145 s.
9. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9. XII. 1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Polska. – Warszawa : Główny Urząd Statystyczny, 1938. – 74 s.
10. Gosudarstviennyj arkhiv Brianskoj oblasti (GABO). – F. 1. Op. 2. D. 213.
11. Oddłużenie samorządu terytorialnego. Sprawozdanie Centralnej komisji oszczędnościowo-oddłużeniowej dla samorządu. – Warszawa : Druk. Państwowa, 1937. – 142 s.
12. Gospodarcze i kulturalne potrzeby województwa Poleskiego. – Warszawa : T-wo rozwoju Ziemi Wschodnich, 1937. – 28 s.
13. Zjazd miast województw wschodnich (Wileńskie, Nowogródzkie, Wołyńskie i Poleskie). II. Pamiętnik, uchwały, rezolucje. – Wilno : Wydaw. Zarządu miejskiego w Wilnie, 1937. – 80 s.
14. Landau, Z. Zarys historii gospodarczej Polski, 1918–1939 / Z. Landau, J. Tomaszewski. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1971. – 321 s.
15. Wid, T. Polesie w okresie rządów pomajowych / T. Wid. – Brześć nad Bugiem : Poleskie T-wo Nauk., 1928. – 40 s.
16. Archiwum Akt Nowych. – Zespół 2/390/0. Sygnatura 10/77.
17. Darkovich, A. L. Gorodskoje samoupravlienije na zapadnobielorusskikh zemliakh miezhvojennoj Pol'shi (1919–1939 gg.) : dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.03 / A. L. Darkovich. – M.,

2016. – 310 l. – Riezhim dostupa: <https://inslav.ru/event/darkovich-aleksandr-leonidovich-gorodskoe-samoupravlenie-na-zapadnobelorusских-zemlyah>. – Data dostupa: 11.12.2023.

18. Sprawozdanie z działalności Izby Przemysłowo-Handlowej w Wilnie za rok 1935. – Wilno : Izba Przemysłowo-Handlowa w Wilnie, 1936.

19. Mały Rocznik Statystyczny. 1938. – Warszawa : Główny Urząd Statystyczny, 1938. – 406 s.

20. Sprawozdanie o stanie gospodarczym okręgu Izby Przemysłowo-Handlowej w Wilnie w roku 1937. – Wilno : Znicz, 1938. – 200 s.

21. Statystyka samorządu terytorialnego. Zamknięcia rachunkowe. 1936/1937. – Warszawa : Główny Urząd Statystyczny, 1938. – 68 s.

22. Landau, Z. Gospodarka Polski międzywojennej. T. 4 : Lata interwencjonalizmu państwowego 1936–1939 / Z. Landau, J. Tomaszewski. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1989. – 549 s.

23. Januszko, W. Potrzeby inwestycyjne i plany inwestycji na Ziemiach Wschodnich. Województwo Wileńskie / W. Januszko // Rocznik Ziem Wschodnich. – Warszawa : T-wo rozwoju Ziem Wschodnich, 1938. – S. 196–200.

24. Niebezpieczeństwo bezrobocia zagraża Brześciu w sezonie inwestycyjnym 1937 roku // Przegląd handlowo-gospodarczy Ziem Wschodnich. – 27.02.1937. – № 8. – S. 8.

25. Kołajtes, W. Potrzeby inwestycyjne Nowogródziny / W. Kołajtes // Gazeta Nowogródzka. – 1.12.1936. – № 11. – S. 1.

26. Grodzicki, L. Jakie są potrzeby pod względem inwestycji komunikacyjnych Ziem Wschodnich? / L. Grodzicki // Rocznik ziem wschodnich i Kalendarz na rok 1937. – Warszawa : T-wo rozwoju Ziem Wschodnich, 1936. – S. 40–51.

27. Inwestycje drogowe na Polesiu dokonane w ciągu 20-lecia niepodległości // Samorząd. – 1939. – № 14. – S. 230.

28. GABr. – F. 1. Op. 1. D. 1017.

29. Wochanka, B. Potrzeby inwestycyjne i plany inwestycji na Ziemiach Wschodnich. Województwo Poleskie / B. Wochanka // Rocznik ziem wschodnich. – Warszawa : T-wo rozwoju Ziem Wschodnich, 1938. – S. 200–204.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 19.11.2024

УДК 947.6 (1921–1939)

Кирилл Евгеньевич Гавриленко

аспирант 2-го года обучения каф. философии, истории и методологии образования
Республиканского института высшей школы

Kirill Gavrilenko

2-nd Year Postgraduate Student

of the Department of Philosophy, History and Methodology of Education
of National Institute for Higher Education

e-mail: gkirill95@mail.ru

ПОЛОЖЕНИЕ ОБЩИН БУЖСКИХ ГОЛЕНДРОВ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛЕСЬЯ В 1921–1939 гг.

Анализируется развитие общин бужских голендров на территории Полесья в период между Первой и Второй мировыми войнами. Акцент делается на экономической и духовной сфере жизни общин. Характеризуются сельскохозяйственная деятельность жителей колоний и их сезонные работы за пределами колоний. Конкретизируются конфессиональный состав бужских голендров и их религиозная жизнь. Анализируются особенности реализации политики колонизации.

Ключевые слова: бужские голендры, Евангельско-Аугсбургская церковь, Западная Беларусь, колонизация.

Development of Bug Holländers Communities in Polesie 1921–1939

The article analyzes the development of the communities of the Bug Golendras in the territory of Polesie in the period between the First and Second World Wars. the emphasis is on the economic and spiritual sphere of community life. Характеризуется сельскохозяйственная деятельность жителей колоний и их сезонные работы за пределами колоний. Конкретизируется конфессиональный состав бужских голендров и религиозная жизнь. Анализируются особенности реализации политики колонизации.

Key words: The Bug Holländers, Evangelical-Augsburg Church, Western Belarus, polonization.

Введение

Бужские голендры – полинациональная (этнические немцы и поляки) и поликонфессиональная (лютеране и католики) группа крестьян-чиншевиков, колонистов, проживавшая в долине р. Западный Буг (современная территория Брестского р-на и смежных территорий Польши и Украины) с конца XVI по 40-е гг. XX в.

Существование колоний бужских голендров на территории Брестчины и смежных с ней территориях Польши и Украины – один из фактов в этноконфессиональной и социальной истории Беларуси. Появление колоний датируется рубежом XVI–XVII вв. Бежавшие от религиозных преследований протестанты из Нидерландов и Северной Германии получили разрешение на поселение на землях графов Лещинских в Брестском воеводстве в долине р. Западный Буг.

Дарованные привилегиями права позволили голендрам выделиться в самостоятельную прослойку крестьян-чиншевиков, обладающую личной свободой [1, с. 538].

В данной статье будет освещено положение общин с точки зрения социально-экономического, общественно-политического и культурного развития в межвоенное время в условиях нахождения Западной Беларуси в составе Польши. Необходимо отметить, что применение по отношению к жителям колоний термина «голендры» после Первой мировой войны, скорее было данью традиции, нежели обозначением их особого социального статуса.

Исследованием истории немецкого национального меньшинства в Польше занимался польский исследователь В. Кун. В 1930-е гг. он предпринял попытку осветить историю и положение общин с XVI до начала XX в. [1].

Важный вклад в изучение истории бужских голендров в послевоенное время внес немецкий исследователь Э. Бютов, но в его работах период с 1921 по 1939 г.

Научный руководитель – Алексей Викторович Мартынюк, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры философии, истории и методологии образования Республиканского института высшей школы

не рассматривается как отдельный этап в развитии колоний. Основной составляющей работ этого автора является анализ воспоминаний и личных документов жителей колоний (относятся к 1920-м – 1930-м гг.) [2; 3].

Значительное количество публикаций по истории общин вышло на страницах ежегодного краеведческого журнала «Nadbużańskie Sławatycze» (издается с 2000 г. ассоциацией развития гмины Славатичи, Республика Польша). Они освещают различные аспекты исторического развития бужских голендров. Статьи основываются на анализе материалов устной истории, архивных источников, а также материального наследия голендров [4]. Наиболее значимые работы, опубликованные в ежегоднике, принадлежат А. Хорунжему – потомку бужских колонистов [5–7].

Сведения о положении общин в межвоенное время фрагментарно представлены в работах Е. С. Розенблата [8] и Е. И. Пашкович [9]. В своих публикациях Е. С. Розенблат приводит факты, раскрывающие социально-экономическое и общественно-политическое положение голендров в межвоенное время.

В своей статье Е. И. Пашкович рассматривает поселения голендров (Нейдорф и Нейбров) как особый тип сельских поселений в Полесском воеводстве в 1920-е гг., дает определение понятия «колония», характерному для этого исторического периода, а также приводит некоторые статистические данные.

Источниковая база по истории бужских голендров в изучаемый период включает в себя значительное количество нарративных источников, архивных документов, документов личного происхождения, фотоматериалов, карт. Архивные материалы об экономическом и культурном развитии колоний из фондов Государственного архива Брестской области представлены статистическими данными и полицейскими отчетами. Важную роль в реконструкции повседневной жизни в колониях играют нарративные источники (воспоминания голендров), значительная часть которых была издана в Германии и Польше [2; 10–12]. Крупнейшие коллекции фотоматериалов и картосхем 1920-х – 1930-х гг. размещены в сборнике, посвященном истории бужских общин (составитель – Э. Бютов) [2].

Цель данной работы – рассмотреть развитие общин бужских голендров на территории Полесья в 1921–1939 гг.

Задачи исследования:

1) проанализировать положение бужских голендров с точки зрения экономического, общественно-политического и культурного развития;

2) определить конфессиональный состав и роль главы лютеранского прихода в жизни общин;

3) охарактеризовать полонизацию голендров в изучаемый период.

Основная часть

Особенности расселения и динамика численности. На рубеже Нового и Новейшего времени бужские голендры оставались изолированной группой, сохранившей, пусть и не в полной мере, свой традиционный уклад жизни. К началу 1920-х гг. помимо «материнских» колоний Нейдорф и Нейбров (Домачевская гмина Брестского повета) существовало еще около десятка «дочерних» поселений как на территории Беларуси (Комаровские голендры) [13, с. 70], так и на территории Польши (Заньков, Саювка) и Украины (Забужские голендры, Свержские голендры и др.) [3, с. 3–7]. «Дочерние» колонии сохраняли связь с Нейдорфом и Нейбровом в религиозном плане (жители «дочерних» колоний были прихожанами лютеранского прихода) и через личные контакты между жителями [2, с. 51].

«Материнские» колонии состояли из ряда более мелких поселений (Нейдорф: Низ, Каролины, Грабовка, Горица, Кацы; Нейбров: Борек, Острово, Лашнево, Липинки) [14, л. 65]. Также бужские голендры являлись собственниками земли в иных населенных пунктах Полесского воеводства (например, голендры жили в д. Ирландке и д. Язвине Меднянской гмины Брестского повета) [15, л. 1–32].

Согласно Первой переписи населения в Польше, проведенной в 1921 г., в «материнских» колониях проживало 2 633 человека (в Нейброве – 233 дома и 1 381 жителей, а в Нейдорфе – 233 дома и 1 252 жителей) [16, с. 3]. Совместно с голендрами в Нейдорф и Нейбров проживало около 20 евреев [16, с. 3]. В колонии Комаровские голендры (Приборовская, а с конца 1920-х гг. – Домачевская гмина Брестского повета) в 1921 г.

проживало 172 человека и насчитывался 21 дом [16, с. 9].

По данным статистики в 1936 г. в колонии Нейдорф (Мостица-Горне) насчитывалось 324 дома и 2 136 жителей, а в колонии Нейбров (Мостица-Дольне) – 268 домов и 1 418 жителей [17]. Часть голендров проживала также в Домачево, в д. Новоселки и других населенных пунктах. В описании Домачевского района Брестской области БССР за 1940 г. указано, что в регионе проживало 3 279 «голландцев» (из 26 357 жителей района) [18, л. 1]. Таким образом, примерная численность бужских голендров на территории Полесского воеводства в межвоенное время составляла от 3 тыс. до 3,5 тыс. человек. Колонии Нейдорф и Нейбров занимали площадь 1 630 га [19, л. 10].

Само понятие «колония» не являлась чем-то нетипичным для данного региона. Колонией называли хозяйства, которые организовывались на разделенных частновладельческих землях. Е. И. Пашкович в своей статье указывает, что в 1921 г. на территории Полесья из 3 186 населенных пунктов 312 были колониями. На момент проведения первой переписи населения в Польше Нейдорф и Нейбров являлись самыми крупными колониями по численности населения в Полесском воеводстве [9, с. 46–52].

Общественно-политическое и социально-экономическое положение. В межвоенной Польше голендры обладали всей полнотой гражданских прав. Они участвовали в выборах, избирались, несли службу в армии и др. Впервые в истории общин представитель голендров был избран на должность руководителя сельского региона – войта Домачевской гмины. В ходе проводившихся в начале 1920-х гг. выборов этот пост занял Михаил Зелент-Павловский [12, с. 19]. Данный факт свидетельствует о включенности голендров в общественно-политическую жизнь Польши межвоенного времени и о доверии к ним со стороны государства. Еще во времена Российской империи каждая из «материнских» колоний управлялась войтом, который избирался из членов общества, у каждого войта был заместитель.

В межвоенное время колонии были разделены на шесть сельских обществ (Низ-Каролины, Грабовка, Горица-Кацы, Борек-Острово, Мостице-Лашнево, Дабровка),

в каждом из которых избирался солтыс и подсолтыс [14, л. 56].

В 20–30-е гг. XX в. основным занятием в общинах оставалось сельское хозяйство. Сохранились прежние проблемы: малоземелье и плохие условия для ведения сельского хозяйства, связанные с постоянными разливами реки. В отличие от предыдущих периодов в межвоенное время голендры перестали относиться к категории сельских чиншевиков. Незадолго до Первой мировой войны (в 1911–1912 гг.) вечные чиншовики колоний голендров в рамках реализации чиншевой реформы 1886 г. получили заем от государства на выкуп участков в имении Домачево и стали полноправными владельцами земли с условием внесения соответствующих платежей в казну в течение 49 лет [20, л. 1–15]. Сложная политическая ситуация (войны и революции) не позволила завершить эти выкупные операции, вследствие чего некоторые колонисты вынуждены были в 1920-е и 1930-е гг. подтверждать свои права на землю. Реализация чиншевой реформы привела к изменению социального статуса голендров (от крестьян-чиншевиков до землевладельцев).

Передача в собственность участков не решила проблемы с малоземельем в колониях. Часть земель Домачевской гмины была национализирована (имения Александрово, Александрово-Маслята и др.). Голендры вынуждены были выкупать в собственность государственные земли либо становиться арендаторами [21, л. 1–13].

Требовалось проведение интенсификации хозяйства на имеющихся в собственности колонистов землях. Жители колоний Нейдорф и Нейбров решили сделать ставку на животноводство. Представители общин создали молочный кооператив LAU, который изготавливал сыры [8, с. 189–190]. Стара́ниями пастора Эвальда Лодвиха из Нидерландов были привезены новые породы белоспальных коров, которые давали большие удои.

Также в общинах организовывалось обучение молодежи в сельскохозяйственных школах (например, в д. Дубица), приглашались специалисты для чтения лекций, проводились выставки и конкурсы сельскохозяйственной продукции [10, с. 187–190].

В общинах голендров действовал кредитный союз – «Евангельское кредитное

объединение с ограниченной ответственностью в Нейдорф-Нейбров», – выдававший микрозаймы для домохозяйств колоний Нейдорф и Нейбров [12, с. 22–23]. В правление Объединения в 1929 г. входили Ян Лодвих Матрос, Адольф Зелент Павловский, Ян Баум Капитан [22, с. 298].

Часть урожая голендры продавали в Домачево, где раз в две недели проходили ярмарки, а также в других населенных пунктах [12, с. 70–74].

Малоземелье вынуждало голендров искать другие источники доходов. Мужчины-голендры, а также мальчики и девочки старше 12 лет весной, после того как сходила «большая вода», уходили на заработки. В основном голендры занимались строительными работами [7, с. 72–74]. По воспоминаниям жительницы колоний Виеславы Лодвих-Яковяк, голендры участвовали в строительстве портов в г. Гдыня, укреплении берегов р. Висла и строительстве домов и заводов в Варшаве, принимали участие в строительстве объектов в Центральном индустриальном районе Польши [12, с. 22–23].

Еще одним важным видом заработка был извоз. На специальных телегах, запряженных лошадьми, жители колоний перевозили товары по всей стране. Заработки за пределами колоний длились несколько месяцев, и к зиме голендры возвращались домой [10, с. 46–52].

Духовная жизнь. Бужские голендры не были приверженцами одной конфессии. Большая часть голендров на территории Полесского воеводства исповедовала лютеранство (67,5 %), а меньшая – католицизм (30 %) и православие [16, с. 3].

Лютеранская парафия в Нейдорфе и Нейброве считалась одной из древнейших из всех протестантских приходов в Польше. В межвоенный период настоятелями кирхи Св. Троицы служили Ян Пиндор (1918–1924 гг.), Эвальд Лодвих (1925–1935 гг.) и Генрих Залевский (1935–1939 гг.) [2, с. 59–60]. В издании «Rocznik ewangelicki» за 1925 г. сохранились сведения, что парафия объединяла 3 500 прихожан не только из «материнских» колоний, но и из других населенных пунктов Полесья, Люблинщины и Волыни [23, с. 153]. Иная информация о численности лютеран Нейдорф-Нейбровской парафии дается в статистических данных Полесского воеводства за 1926 г.: парафия

объединяла 4 112 верующих [24, л. 3]. Такая разница объясняется тем, что в статистических данных 1926 г. к числу прихожан парафии были отнесены и верующие из Бреста и Пинска. Необходимо отметить, что парафия Нейдорф и Нейбров объединяла всех лютеран Полесского воеводства [25, л. 9]. Лишь в 1938 г. в г. Бресте появилась отдельная лютеранская община [2, с. 73]. В описании за 1924–1925 гг. указано, что в приходе Нейдорф-Нейбров есть одна кирха, три молитвенных дома, три кладбища, несколько хозяйственных построек и мельница [23, с. 153].

Католики из числа жителей колоний были прихожанами костела непорочного зачатия Девы Марии в Домачево. С 1922 г. у парафии появился отдельный ксендз (в прежние времена богослужения в костеле проводил священнослужитель из Бреста). Ксендзами костела в Домачево в межвоенное время были Болеслав Лещинский (1922–1927 гг.), Петр Татаринович (1927–1933 гг.), Константин Леонид Доленга-Цегельский (1933–1935 гг.) и Станислав Леонард Новак (1935–1942 гг.). Голендры активно участвовали в жизни парафии, занимались строительством приходского дома и восстановлением храма после пожара 1935 г. В межвоенное время наблюдалась тенденция перехода из лютеранства в католицизм представителей общин голендров, однако это явление не было массовым [26].

Одним из аспектов духовной жизни в колониях являлось образование. В межвоенное время насчитывалось шесть школ на территории Полесского воеводства (пять в колониях Нейдорф-Нейбров и одна в колониях Комаровские голендры). Все эти школы были начальными. Жители колоний стремились дать всем своим детям не только начальное, но и среднее образование. Поэтому после окончания начальной школы часть детей продолжала обучение в семилетней школе в Домачево [12, с. 19]. В 1924–1925 гг. ни одна из школ голендров не была лютеранской [24, с. 153]. В конце 1920-х гг. под влиянием проводимой в стране политики полонизации во всех школах работали исключительно католики. Последний преподаватель из числа лютеран Э. Рылъ был уволен в начале 1928 г. Также дети лютеран не могли посещать уроки Закона Божьего, т. к. их не разрешалось проводить

пастору. Родители были обеспокоены перспективой окатоличивания своих детей. Многократные обращения в школьные попечительские советы не давали результатов [28, л. 1–7]. В 1928 г. под руководством пастора Э. Лодвиха и его сторонников была организована т. н. «детская забастовка» [8]. Эти события происходили в период проведения выборов в Сейм и Сенат Польши. С 6 по 19 февраля учащиеся из пяти школ стали участниками забастовки. Ее организаторы требовали, чтобы в школах велось преподавание не только учителями-католиками. На седьмой день после вмешательства полиции забастовка прекратилась. На организаторов были наложены штрафы на общую сумму в 500 злотых. Пастора Лодвиха оштрафовали на 150 злотых. В последующем руководителя лютеранской общины допустили в Домачевскую школу, где еженедельно по средам он проводил занятия Закона Божьего для учеников-лютеран [28, л. 1–7]. Возможно, что занятия проводились и в других школах, но информации об этом пока не найдено.

Полонизация. Приведенные сведения показывают, что голендры, как и многие жители Западной Беларуси, в межвоенное время ощущали на себе последствия проводимой в Польше политики полонизации. Во время переписи 1921 г. абсолютное большинство колонистов были записаны как «поляки» [9, с. 48]. Основным критерием для определения этнического происхождения голендров стал польский язык, который использовался ими в повседневном общении и даже во время служб в кирхе.

Важным моментом в процессе полонизации голендров стал приезд Президента Польши Игнатия Мостицкого в колонии летом 1928 г. В ходе своего визита на Полесье 1 июля 1928 г. Игнатий Мостицкий прибыл в Домачево. Президента встречали представители местной власти, духовенство четырех конфессий местечка (православные, католики, иудеи и лютеране), члены общественных организаций. После непродолжительного пребывания в Домачево кортеж президента проследовал в колонии голендров. На въезде в Нейброф была поставлена арка с надписью на польском языке: «Добро пожаловать, почетный гость». Встречал главу польского государства пастор Э. Лодвих. Президент выступил с ре-

чью, в которой подчеркнул верность колонистов польскому государству. Затем И. Мостицкий побывал в кирхе Св. Троицы, где прошло таинство крещения (президент стал крестным отцом седьмого сына семьи голендров Рылей) [6, с. 75]. В межвоенной Польше существовала традиция, что каждый седьмой сын, рожденный в семье, становился крестником главы государства. Лишь в исключительных случаях президент присутствовал лично на крещении, чаще это «миссия» возлагалась на представителей местной администрации. По закону «крестники Мостицкого» получали значительные льготы: право на бесплатный проезд, бесплатное образование как в Польше, так и за рубежом, бесплатное социальное обслуживание [29]. В конце визита президент ознакомился с новыми приемами ведения сельского хозяйства среди голендров. На Борке (составная часть «материнской» колонии) была организована выставка достижений колонистов в этой сфере. Глава государства высоко оценил работу по интенсификации сельского хозяйства в колониях. В ходе визита президент Мостицкий наградил пастора Э. Лодвиха «Серебряным крестом» за его заслуги перед государством. В 1929 г. в ежегоднике «Евангелический календарь» была опубликована статья Лодвиха «Приезд господина президента в колонии Нейдорф и Нейбров» [6].

В 1928–1929 гг. Нейдорф и Нейбров были переименованы в честь польского президента и стали называться Мостица Дольне и Мостица Горне соответственно [7, с. 70–74]. Это шаг соответствовал общепольской тенденции по переименованию населенных пунктов и улиц на польский манер. Переименованию подверглась и колония Комаровские голендры, которая в 1930-м г. стала именоваться Станиславовка [13, с. 70]. По воспоминаниям потомков голендров, переименование происходило без согласия жителей колоний, что вызывало у них крайнее возмущение. Колонии голендров не были единственным примером переименования населенных пунктов на территории Западной Беларуси в межвоенное время.

Одним из элементов полонизации общин можно считать попытки пастора Э. Лодвиха доказать кашубское происхождение предков голендров. В межвоенной

Польше кашубы воспринимались как этнические поляки. Особенно активно идею «польскости» кашубов продвигал Бернард Хшановский – сенатор (с 1935 г.) и заместитель государственного секретаря в министерстве бывшего Прусского округа (ведомство просуществовало до 1922 г. и занималась интеграцией бывших территорий Германской империи – Познаньским и Поморскими воеводствами) [30, с. 56–58].

Пастор Э. Лодвих был убежден, что первые поселенцы Нейдорф и Нейбров прибыли с территории польского Поморья и являлись кашубами. Глава прихода неоднократно высказывал свои соображения на этот счет на страницах газет, выступал перед жителями колоний, представлял им доказательства их кашубского происхождения. Во время своей пасторской службы на Полесье Э. Лодвих всячески пытался укрепить контакты между общинами голендров и польским Поморьем, собирал средства для строительства кирхи в г. Гданьске, стал создателем общества «Круг друзей кашубов и Союза поляков в Гданьске» [31, л. 60б.]. Несмотря на активную деятельность пастора, многие голендры категорически отрицали свое кашубское происхождение и считали слово «кашуб» оскорбительным. В среде голендров постоянно делался акцент на их немецкое происхождение.

В середине 1930-х гг. в поселениях голендров неоднократно появлялись неизвестные люди, которые представлялись немцами с Волыни. Они останавливались в домах колонистов на несколько дней с официальной версией поиска работы. Однако во время своего пребывания «гости» интересовались происхождением колонистов, их самоидентификацией. После нескольких дней пребывания они покидали колонии [11, с. 69]. Впоследствии колонисты объясняли их визиты как разведку по сбору информации для Третьего рейха.

Заклучение

1. Особенностью расселения голендров на территории Полесского воеводства является их локализация. Они преимущественно проживали в «материнских» и «дочерних» колониях и лишь незначительное количество в иных населенных пунктах. Район проживания – южная часть Брестского повета (Домачевская гмина). Примерная численность голендров в 1920-е – 1930-е гг. на территории Полесья составляла от 3 тыс. до 3,5 тыс. человек. Наблюдалась положительная динамика населения.

2. В межвоенное время в общинах бужских голендрах проводилась работа по интенсификации сельского хозяйства с акцентом на культивацию новых видов растений и на развитие животноводства. Принятые меры способствовали экономическому росту в колониях. Помимо сельского хозяйства источниками доходов для бужских голендров были сезонные работы на стройках за пределами колоний, а также занятие перевозками и др.

3. Важной составляющей жизни колонистов оставалась религия. Большинство бужских голендров исповедовало лютеранство, около трети были католиками. В условиях пребывания колоний в составе Польши позиции католичества усилились. Колонисты из числа лютеран стремились защитить свои права на свободу вероисповедования. Лютеране организовывали забастовки. Важную роль в жизни общин в 1925–1935 гг. играл пастор Э. Лодвих.

4. Как и другие этноконфессиональные группы, проживающие на территории Западной Беларуси, голендры ощутили последствия проводимой властями Польши политики полонизации. Используя языковой критерий, власти стремились отнести голендров к представителям польского этноса. В конце 1920-х гг. немецкоязычные названия колоний были заменены на польские. Одним из элементов полонизации можно считать попытки пастора Э. Лодвиха доказать кашубское происхождение предков голендров.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Kuhn, W. Die Anfänge von Neudorf am Bug / W. Kuhn // Deutsche Monatshefte in Polen. – 1937/1938. – № 4 (14). – P. 538–544.
2. Bütow, E. Bug – Holländer – Holendry – Olendry – Golendry / E. Bütow - Schwerin : Bütow, 2016. – 372 s.

3. Бютов, Э. Происхождение и история Бужских голендров / Э. Бютов // Тальцы. – 2004. – № 4 (23). – С. 3–22.
4. Nadbużańskie Sławatycze: pismo Stowarzyszenia Rozwoju Gminy Sławatycze [Электронный ресурс] // Bialska Biblioteka Cyfrowa. – Режим доступа: <https://bbc.mbp.org.pl/dlibra/publication/2850?language=pl#description>. – Дата доступа: 02.10.2023.
5. Chorąży, A. O nadbuzanskich olendrach z Nejdorf-Nejbrowa – pozn. Moscic Dolnych i Górnych – w dawnej polskiej prasie religijnej i świeckiej. Wybrane publikacje z lat 1885–1935 / A. Chorąży // Nadbużańskie Sławatycze. – 2015. – R. XVI. – S. 33–56.
6. Chorąży, A. Prezydent Ignacy Mościcki wśród olędrów kolonii Nejdorf-Nejbrow. (od 1928 roku – Mościce Dolne i Górne) / A. Chorąży // Nadbużańskie Sławatycze. – 2015. – R. IX. – S. 70–77.
7. Chorąży, A. Nadbużańscy Olędrzy. Rys historyczny w 400. rocznicę założenia kolonii. Die Hauländer an dem Bug. Ein geschichtlicher Überblick zum 400-jährigen Jubiläum der Ansiedlung / A. Chorąży // Spadkobiercy Reformacji. Erben der Reformation. – Lublin : T-wo Nauk. KUL, 2017. – S. 79–102.
8. Розенблат, Е. С. «Вольные голендры» на Брестчине: история колоний Нейдорф и Нейбров / Е. С. Розенблат // Личность в истории: героическое и трагическое: сб. материалов Пятой междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию исторического факультета, Брест, 23–24 нояб. 2011 года ; редкол.: М. Э. Чесновский (гл. ред.) и др. – Брест: БрГУ, 2012. – С. 187–192.
9. Пашкович, Е. И. Сельские поселения Полесского воеводства в 1920-е годы: административно-территориальное устройство, демографическая структура / Е. И. Пашкович // Учен. зап. Брест. гос. техн. ун-та: гуманитар. науки. – 2021. – Вып. 3. – С. 46–52.
10. Zelent, E. Dzieje Kolonii Nejdorf i Nejbrow czyli Mościc Dolnych i Mościc Górnych (esej, czyli jak kto woli – krótka rozprawka) / E. Zelent // Nadbużańskie Sławatycze. – 2018. – R. XIX. – S. 46–56.
11. Srodka, K. Wojna, pamięć i próby zapomnienia / K. Srodka // Nadbużańskie Sławatycze. – 2015. – R. XVI. – S. 67–71.
12. Lodwich-Jackowiak, W. «Wierni po wsze czasy»: słowiańskie korzenie praojców / W. Lodwich-Jackowiak // Nadbużańskie Sławatycze. – 2002. – R. III. – S. 5–26.
13. Szczepański, A. Holendry-Stanisławówka – wieś lokowana na prawie «olęderskim» (prawo brzeg Bugu, na wysokości Włodawy) / A. Szczepański // Nadbużańskie Sławatycze. – 2007. – R. VIII. – S. 70–85.
14. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 93. Оп. 2. Д. 2223.
15. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в Гродно). – Ф. 1. Оп. 4. Д. 812.
16. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej opracowany na podstawie wyników pierwszego powszechnego spisu ludności z dnia 30.09.1921 r. i innych źródeł urzędowych. – Warszawa : GUS, 1924. – T. 3 : Województwo Poleskie. – 95 s.
17. ГАБр. – Ф. 93. Оп. 2. Д. 2218.
18. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 16884.
19. ГАБр. – Ф. 2. Оп. 3. Д. 29.
20. НИАБ в Гродно. – Ф. 18. Оп. 11. Д. 98.
21. ГАБр. – Ф. 2. Оп. 3. Д. 639.
22. Poradnik Spółdzielni: dwutygodnik dla spraw spółdzielczych : organ Unji Związków Spółdzielczych w Polsce. – 1929. – R. XXXVI. – 15 czerwca 1929. – № 12. – 26 s.
23. Rocznik ewangelicki. 1925. – Warszawa : Związek Polski Towarzystw i Zborów Ewangelickich w Państwie Polskiem, 1935. – 419 s.
24. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 2. Д. 2306.
25. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 2. Д. 1999.
26. Chorąży, A. Tam mieszkał ich Bóg... Rzymskokatolicka parafia w Domaczewie w latach 1919–1945 [Электронный ресурс] / A. Chorąży // Сайт г. п. Домачево. – Режим доступа: <http://surl.li/rzwbv>. – Дата доступа: 12.03.2024.
27. Powet Brzeski [Электронный ресурс] / Województwo Poleskie // Polska 1926. Portret zbirowy. – Режим доступа: <http://surl.li/rzwbh>. – Дата доступа: 12.03.2024.

28. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 4. Д. 2321.
29. Chżeśniacy prezydenta Mościckiego [Электронный ресурс] // Rzeczpospolita. – Режим доступа: <https://goo.su/mDbpK>. – Дата доступа: 25.03.2024.
30. Михин, О. В. Кашубская культура в пропаганде польской Морской и речной (колониальной) лиги в 1920-е – 1930-е гг. / О. В. Михин // Славянский мир: общность и многообразие : материалы конф. молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры, Москва, 23–24 мая 2023 г. / Отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2023. – С. 56–70.
31. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 2349.

REFERENCES

1. Kuhn, W. Die Anfänge von Neudorf am Bug / W. Kuhn // Deutsche Monatshefte in Polen. – 1937/1938. – № 4 (14). – P. 538–544.
2. Bütow, E. Bug – Holländer – Holendry – Olendry – Golendry / E. Bütow - Schwerin : Bütow, 2016. – 372 s.
3. Biutov, E. Proiskhozhdenije i istorija Buzhskikh goliendrov / E. Biutov // Tal'cy. – 2004. – № 4 (23). – S. 3–22.
4. Nadbużańskie Sławatycze: pismo Stowarzyszenia Rozwoju Gminy Sławatycze [Электронный ресурс] // Bialska Biblioteka Cyfrowa. – Режим доступа: <https://bbc.mbp.org.pl/dlibra/publication/2850?language=pl#description>. – Дата доступа: 02.10.2023.
5. Chorąży, A. O nadbuzanskich olendrach z Nejdorf-Nejbrowa – pozn. Mościc Dolnych i Górnych – w dawnej polskiej prasie religijnej i świeckiej. Wybrane publikacje z lat 1885–1935 / A. Chorąży // Nadbużańskie Sławatycze. – 2015. – R. XVI. – S. 33–56.
6. Chorąży, A. Prezydent Ignacy Mościcki wśród olędrów kolonii Nejdorf-Nejbrow. (od 1928 roku – Mościce Dolne i Górne) / A. Chorąży // Nadbużańskie Sławatycze. – 2015. – R. IX. – S. 70–77.
7. Chorąży, A. Nadbużańscy Olędrzy. Rys historyczny w 400. rocznicę założenia kolonii. Die Hauländer an dem Bug. Ein geschichtlicher Überblick zum 400-jährigen Jubiläum der Ansiedlung / A. Chorąży // Spadkobiercy Reformacji. Erben der Reformation. – Lublin : T-wo Nauk. KUL, 2017. – S. 79–102.
8. Rozienblat, Ye. S. «Vol'nyje goliendry» na Biełachinie: istorija kolonij Nejdorf i Nejbrow / Ye. S. Rozienblat // Lichnost' v istorii: gieroichieskoje i tragichieskoje: sb. matierialov Piatoj miezhdunar. nauch.-prakt. konf., posviashch. 20-lietiju istorichieskogo fakul'teta, Biełst, 23–24 nojab. 2011 goda ; riedkoll.: M. E. Chiesnovskij (gl. ried.) [i dr.]. – Biełst : BrGU, 2012. – S. 187–192.
9. Pashkovich, Ye. I. Siel'skije posielienija Polieśskogo vojevodstva v 1920-je gody: administrativno-teritorial'noje ustrojstvo, diemografichieskaja struktura / Ye. I. Pashkovich // Uchion. zap. Biełst. gos. tiekhn. un-ta: gumanitar. nauki. – 2021. – Vyp. 3. – S. 46–52.
10. Zelent, E. Dzieje Kolonii Nejdorf i Nejbrow czyli Mościc Dolnych i Mościc Górnych (esej, czyli jak kto woli – krótka rozprawka) / E. Zelent // Nadbużańskie Sławatycze. – 2018. – R. XIX. – S. 46–56.
11. Srodka, K. Wojna, pamięć i próby zapomnienia / K. Srodka // Nadbużańskie Sławatycze. – 2015. – R. XVI. – S. 67–71.
12. Lodwich-Jackowiak, W. «Wierni po wsze czasy»: słowiańskie korzenie praojców / W. Lodwich-Jackowiak // Nadbużańskie Sławatycze. – 2002. – R. III. – S. 5–26.
13. Szczepański, A. Holendry-Stanisławówka – wieś lokowana na prawie «olęderskim» (prawy brzeg Bugu, na wysokości Włodawy) / A. Szczepański // Nadbużańskie Sławatycze. – 2007. – R. VIII. – S. 70–85.
14. Gosudarstviennyj arhiv Biełstskoj oblasti (GABr). – F. 93. Op. 2. D. 2223.
15. Nacional'nyj istorichieskij arhiv Biełarusi v g. Grodno (NIAB v Grodno). – F. 1. Op. 4. D. 812.
16. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej opracowany na podstawie wyników pierwszego powszechnego spisu ludności z dnia 30.09.1921 r. i innych źródeł urzędowych. – Warszawa : GUS, 1924. – T. 3 : Województwo Poleskie. – 95 s.
17. GABr. – F. 93. Op. 2. D. 2218.

18. Nacional'nyj arhiv Rjespubliki Bielarus'. – F. 4p. Op. 1. D. 16884.
19. GABr. – F. 2. Op. 3. D. 29.
20. NIAB v Grodno. – F. 18. Op. 11. D. 98.
21. GABr. – F. 2. Op. 3. D. 639.
22. Poradnik Spółdzielni: dwutygodnik dla spraw spółdzielczych : organ Unji Związków Spółdzielczych w Polsce. – 1929. – R. XXXVI. – 15 czerwca 1929. – № 12. – 26 s.
23. Rocznik ewangelicki. 1925. – Warszawa : Związek Polski Towarzystw i Zborów Ewangelickich w Państwie Polskiem, 1935. – 419 s.
24. GABr. – F. 1. Op. 2. D. 2306.
25. GABr. – F. 1. Op. 2. D. .
26. Chorąży, A. Tam mieszkał ich Bóg... Rzymskokatolicka parafia w Domaczewie w latach 1919–1945 [Elektronnyj riesurs] / A. Chorąży // Сайт г. п. Домачево. – Riezhim dostupa: <http://surl.li/rzwbv>. – Data dostupa: 12.03.2024.
27. Powet Brzeski [Elektronnyj riesurs] / Województwo Poleskie // Polska 1926. Portret zbirowy. – Riezhim dostupa: <http://surl.li/rzwbh>. – Data dostupa: 12.03.2024.
28. GABr. – F. 1. Op. 4. D. 2321.
29. Chrześcianiacy prezydenta Mościckiego // Rzeczpospolita [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://goo.su/mDbpK>. – Data dostupa: 25.03.2024.
30. Mikhin, O. V. Kashubskaja kul'tura v propagandie pol'skoj Morskoj i riechnoj (kolonial'-noj) ligi v 1920-je – 1930-je gg. / O. V. Mikhin // Slavianskij mir: obshchnost' i mnogoobrazije : materialy konf. molodykh uchionykh v ramkakh Dniej slavianskoj pis'miennosti i kul'tury, Moskva, 23–24 maja 2023 g. / Otv. ried. Ye. S. Uzieniova, O. V. Khavanova. – M. : In-t slavianoviedienija RAN, 2023. – S. 56–70.
31. GABr. – F. 1. Op. 10. D. 2349.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 12.10.2024

УДК 903.2:685.341.14(476.5)

Вадим Игоревич Граф

магістр іст. наук, аспірант 2-го года обучения
отдела археологии Средних веков и Нового времени
Института истории Национальной академии наук Беларуси

Vadzim Hraf

Master of Historical Sciences, 2-nd Year Postgraduate Student
of the Department of Archaeology of the Middle Ages and Modern Times
of the Institute of History of National Academy of Sciences of Belarus
[e-mail: vadgraf2014@gmail.com](mailto:vadgraf2014@gmail.com)

**КОЖАНАЯ ОБУВЬ С ПОДОШВЕННЫМ ШВОМ:
ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК НА ВЕРХНЕМ ЗАМКЕ ПОЛОЦКА (2021–2022 гг.)
И НА ВЕРХНЕМ ЗАМКЕ ВИТЕБСКА (1978–1982 гг.)**

В коллекциях археологической кожи из Полоцка в большом количестве встречается необычная модель обуви с подошвенным швом, известная в археологической литературе как «домашние туфли». Модели подобной обуви встречаются на всей территории Древней Руси в XI–XIII вв., но остаются малоисследованными. Предлагается новая версия об использовании этой обуви в качестве повседневной и погребальной. Представлена версия о кавказском происхождении этих моделей. Приводятся данные о конструкции обуви по материалам из Восточного раскопа № 5 на Верхнем замке Полоцка (2021–2022 гг.) и раскопок на Верхнем замке Витебска в 1978–1982 гг.

Ключевые слова: Полоцк, Витебск, кожаная обувь, Древняя Русь.

**On the Issue of Shoes with a Sole Seam: Based on the Materials of Excavations
at the Upper Castle of Polotsk (2021–2022) and at the Upper Castle of Vitebsk (1978–1982)**

In the collections of archaeological leather from Polotsk, an unusual shoe model with a sole seam, known in archaeological literature as «house shoes», is found in large numbers. Models of such shoes are found throughout the territory of Ancient Russia in the XI–XIII centuries, but remain little explored. The article offers a new version about the use of these shoes as everyday and funeral. A version about the Caucasian origin of these models is presented. Data on the construction of shoes based on materials from the Eastern Excavation nr 5 at the Upper Castle of Polotsk (2021–2022) and excavations at the Upper Castle of Vitebsk in 1978–1982 are presented.

Key words: Polotsk, Vitebsk, leather shoes, Ancient Russia.

Введение

В белорусской археологии традиционно считается, что в номенклатуру обуви периода Древней Руси (IX–XIII вв.) входят поршни, мягкие туфли, полусапоги, сапоги [1, с. 411]. Исследования, проводимые на материалах из Новгорода, Старой Руссы, Твери и других городов, добавляют в этот список новую категорию древнерусской обуви, известную в литературе как «домашние туфли». Это выворотная обувь из кожи, отличительной конструктивной чертой которой является наличие на подошве

продольного выворотного шва. Впервые понятие «домашние туфли» было использовано А. В. Курбатовым. «Домашние туфли» также называются А. В. Курбатовым «рабочими туфлями» из-за отсутствия на них декора [2, с. 208]. Исследователь выделил их при раскопках Тверского кремля в слое конца XIII – первой половины XIV в., когда такая обувь была наиболее распространенной [3, с. 47, 48].

Эта модель встречается и в других древнерусских городах: Полоцке, Берестье, Новгороде, Пскове, Старой Руссе, Торопце. По мнению А. В. Курбатова, такую конструкцию можно считать исключительно древнерусской, т. к. в других регионах Европы аналогий ей не было найдено [2, с. 210]. Подробно этот тезис будет рассмотрен ниже.

Научный руководитель – Марат Васильевич Климов, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела археологии Средних веков и Нового времени Института истории Национальной академии наук Беларуси

Если изучать более ранние публикации, то обувь с подошвенным швом упоминается еще К. П. Шутом [4, с. 76]. Он выделял такую модель как тип детских башмаков без подошвы и отмечал редкость такой модели, что, по-видимому, повлияло на вывод о ее функции как детской обуви.

Использование терминов «мягкие» и «домашние туфли» по отношению к обуви времени Древней Руси довольно условно.

В настоящее время названия этих моделей неизвестны.

Для конструкции мягких туфель характерно наличие отдельной подошвы и невысоких халяв, закрывающих лодыжку. Мягкие туфли завязываются одним кожаным шнурком. В отличие от них обувь с подошвенным швом не имеет подошвы как отдельной детали, а верхняя часть может закрывать и икры в зависимости от модели. В настоящее время эта категория обуви не исследована (за исключением некоторых статей А. В. Курбатова и Д. О. Осипова) [5 с. 108; 6 с. 471; 11].

Изучение коллекции археологической кожи, собранной в ходе работ М. В. Климова в 2021–2022 гг. в восточном раскопе № 5 Верхнего замка Полоцка (далее – ВР № 5), открывает новые перспективы для изучения обуви с подошвенным швом.

С этой целью всего было рассмотрено 78 фрагментов (50 обрезков подошвенных швов, пять головок, 20 прокладок).

Кроме того, в коллекции археологической кожи из раскопок Л. В. Колединского также было несколько вещей, которые удалось идентифицировать как детали обуви с подошвенным швом (пять обрезков подошвенного шва, одна задняя деталь).

Основная часть

Впервые фрагмент подошвенного шва домашних туфель из Полоцка был опубликован еще Г. В. Штыховым в 1975 г. [7, рисунок 35:16], хотя тогда эта необычная деталь была идентифицирована им как обрезок кожи.

Следующее упоминание этой обуви было сделано А. В. Курбатовым по материалам раскопок М. К. Каргера на Верхнем замке Полоцка в 1957 г. Этот вид обуви был

идентифицирован исследователем по обрезкам подошвенных швов. По этому признаку было идентифицировано 28 фрагментов [5, с. 108].

В литературе известно два варианта такой обуви – ранний и поздний. Ранний вариант был найден во время раскопок Рюрикова городища и датируется концом XI – первой половиной XII в.

Обувь была скроена из очень тонкой кожи мелкого рогатого скота (толщина 0,8–1 мм). Полная модель представляет собой цельнокроеную форму низкой мягкой обуви, где основной шов лежал на продольной оси подошвы (рисунок 1г) [2, с. 210].

Ранний вариант «домашних туфель» можно найти и в докторской диссертации Д. О. Осипова (рисунок 5) [8, с. 30, ил. 48].

Поздний вариант существенно отличается от раннего. Кроме продольного шва на подошве для него характерны поперечные подошвенные швы и достаточно высокие голенища, закрывающие до трети голени. Ниже представлено описание конкретной модели.

В Полоцке в пределах ВР № 5 эта обувь встречается только в слое, датируемом XIII в. Чаще всего попадают обрезки швов на подошвенной части и шовные прокладки (рисунки 3а, 2в).

Головки присутствуют реже и, как правило, без швов. Они представляют собой достаточно большие куски кожи треугольной формы, где ширина больше длины (рисунок 3б).

Это может свидетельствовать о том, что их часто использовали повторно.

В девятом пласте ВР № 5, предварительно датируемом 50-гг. XIII в., была найдена полная модель позднего варианта этой обуви. Судя по размеру, обувь принадлежала ребенку.

Она представляет собой детально кроеную обувь, закрывающую нижнюю половину икр. Здесь следует оговориться, что применение термина «туфли» к данной обуви весьма условно.

Эта модель по обувной классификации ГОСТ соответствует типу «ботинок», т. к. обувь закрывает лодыжку [9, с. 5].

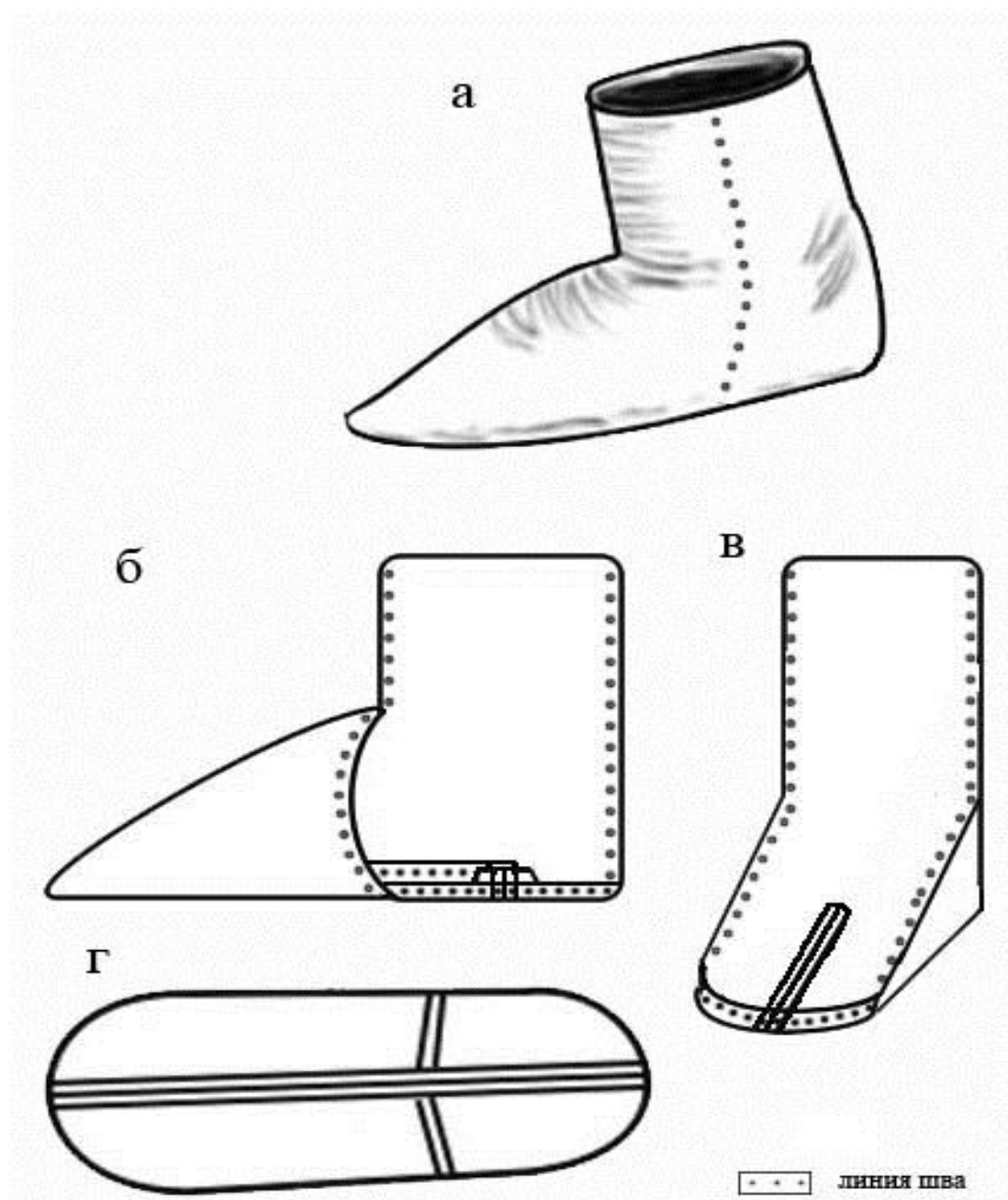

Рисунок 1 – Реконструкция обуви с подошвенным швом

а) общий вид; б) передняя деталь; в) задняя деталь; г) вид сверху на подошвенную часть

Найденная модель была скроена из трех деталей, где первая представляет собой переднюю часть, закрывающую носок, стопу и нижнюю часть голени (рисунок 2а). Задняя часть состоит из двух деталей (рисунок 2б). Большая из них закрывает пятку и начало икр. Третья деталь не конструктивная (рисунок 2б), дополняет верхнюю часть второй и закрывает внутреннюю часть икры. Эта модель была скроена из

кожи толщиной 1 мм молодого крупного рогатого скота.

Такая же задняя деталь была идентифицирована при изучении коллекций археологической кожи из Витебска из материалов раскопок Л. В. Колединского. В Витебске обрезков и деталей обуви с подошвенным швом найдено не так много, что, скорее всего, связано с выборочным сбором артефактов из кожи.

Все детали соединяются выворотным швом. Диаметр отверстий швов в верхней части детали 0,5 мм. Подошвенный шов в такой обуви существенно отличается от швов, соединяющих верх. Диаметр его отверстия составляет 2–3 мм.

В подошвенный шов вставлялась дополнительная деталь в виде двойной полоски кожи, обеспечивавшей, по-видимому, герметичность шва (рисунок 2в).

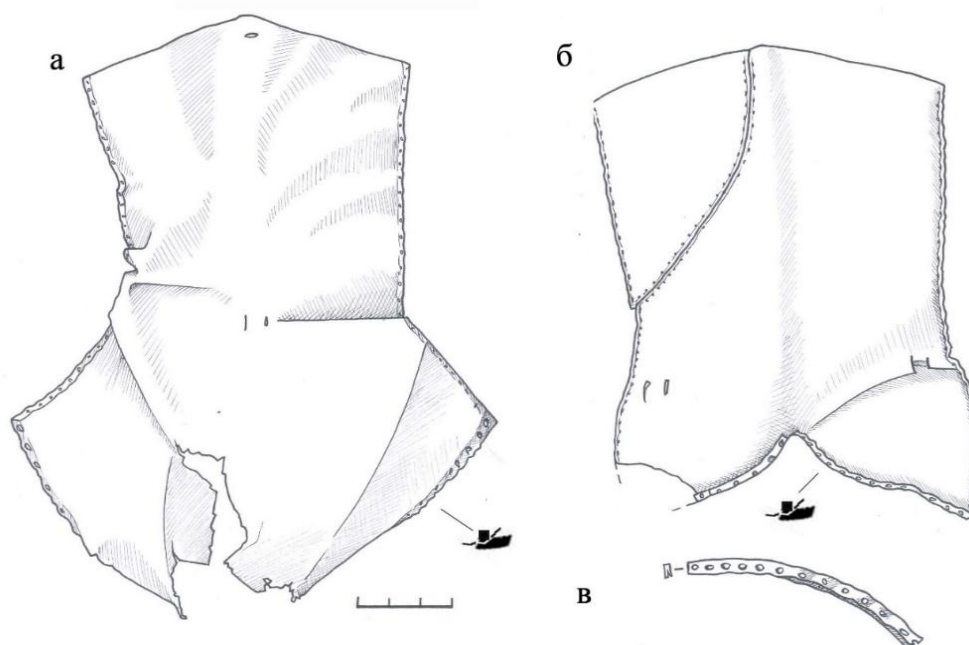

Рисунок 2 – Детали обуви с подошвенным швом из ВР № 5 в Полоцке
а) передняя деталь; б) задняя деталь; в) прокладка (рисунок Т. В. Зинченко)

Кроме этого, прокладка обеспечивала дополнительную износостойкость при носке, т. к. шов без такой прокладки изнашивался гораздо быстрее из-за постоянного взаимодействия со стопой. Угол на подошвенной части, образуемый из швов, может быть разный, больше или меньше 90° (рисунок 1г). Это значит, что пошив, несмотря на большое количество найденных моделей, не был окончательно стандартизирован.

На голенище передней части сверху находится отверстие. Точно узнать его назначение пока не представляется возможным. Вероятно, оно служило для дополнительного крепления к ноге или войлочной ноговице.

В археологической литературе сложились разные мнения о назначении обуви с подошвенным швом. Их функциональное назначение, определенное А. В. Курбатовым как «домашняя», или «комнатная» обувь, автор никак не объясняет. Какие-либо свидетельства о существовании в Средневековье домашней обуви не известны. Домашняя, или «внутрипокойная», обувь

XVIII в. типа бархатных сапог, принадлежавших Николаю Шереметьеву, отличалась от уличной обуви богатством отделки, мягкостью и комфортом [10, с. 52].

Другой автор, исследовавший «домашние туфли», – это Д. О. Осипов. Он высказал новую гипотезу, предполагающую иную трактовку этого типа обуви [10]. На наш взгляд, необходимо подробно рассмотреть ее положения.

Как отмечает Д. О. Осипов, А. В. Курбатов, описывая конструкцию туфель, упоминает вшиваемую в подошву уплотнительную прокладку, которая, по его мнению, служила для герметизации нижнего соединения, что характерно именно для уличной обуви. Кроме того, своеобразный крой туфель с продольным швом, детали которых одновременно были и верхом, и низом, нецелесообразен с точки зрения раскроя и сборки по следующим причинам:

1) для изготовления такой обуви требуются более крупные детали, что противоречит практике экономии сырья;

2) такая конструкция непрактична, поскольку подошвенная часть одной и той же детали изнашивается быстрее;

3) наличие жесткого шва требует дополнительных приспособлений для устранения неудобства при ходьбе [10, с. 52].

Выше нами уже было указано, что прокладка обеспечивала еще и дополнительную защиту шва от стопы.

Из-за конструктивных особенностей обуви с подошвенным швом Д. О. Осипов

выдвинул гипотезу, что такая обувь могла принадлежать монахам [10, с. 52]. Вот один из аргументов, приведенных Д. О. Осиповым: такое конструкторское решение, как подошвенный шов, создавалось намеренно с целью доставления неудобства носящему эту обувь. По его версии, вызываемый дискомфорт мог восприниматься как форма монашеской аскезы.

Рисунок 3 – обрезки деталей обуви с подошвенным швом

а) обрезок подошвенного шва; б) обрезанная головка передней детали

Следует сказать, что Д. И. Соловьевым был проведен эксперимент в отношении этой обуви. Столкнувшись с моделью необычного кроя, он самостоятельно изготовил такие туфли. По его свидетельству, носить их оказалось очень болезненно, поскольку шов, усиленный кожаной вставкой, сильно резал ногу. Неудобство и неприятные ощущения не устраняли ни кожаные, ни войлочные стельки. Между тем характерные потертости на подошвах староладожских туфель указывают на их активный износ. Следы износа имеются и на тверских туфлях [10, с. 52].

Принимая во внимание результаты эксперимента Д. И. Соловьева, следует учитывать, что у кожаной обуви есть период разноски. Д. О. Осипов не указывает, сколько длился этот эксперимент. За неимением достаточных данных мы можем только предположить, что, когда человек надевал и начинал носить новую пару обуви с

подошвенным швом, ему требовалось некоторое время, возможно, несколько недель, чтобы привыкнуть к подошвенному шву. Следует отметить, что на рассмотренных нами обрезанных фрагментах шва одна из сторон чаще всего более поврежденная и изношенная. Это свидетельствует о том, что во время ношения этой обуви у человека менялась походка.

По версии А. В. Курбатова, для ходьбы могли использоваться стельки из кожи, войлока или ткани. В раскопках Твери было найдено 16 таких стелек [6, с. 472].

Далее Д. О. Осиповым приводятся результаты исследования материалов Троицкого раскопа Новгорода. Остатки «домашних туфель» были обнаружены на территории шести усадеб в слоях, датируемых XI–XIII вв. Факт проживания в них монашества устанавливался по таким находкам, как берестяные грамоты и гривна с надписью «попова». Сам автор указывает, что из шести

усадеб, где были обнаружены фрагменты «домашних туфель», только в четырех были найдены предметы, связанные с проживанием монахов. Общее количество деталей этой обуви, найденные в четырех усадьбах, составляет десять единиц. В двух усадьбах, чья принадлежность к монашеству или духовенству не установлена (усадьбы «К» и «Г»), общее количество деталей составляет 70 единиц [10, с. 53]. Из приведенных данных можно сделать, скорее, прямо противоположный вывод: монахи использовали эту обувь реже, чем широкие слои населения.

Итак, можно прийти к заключению, что версия о том, что обувь с подошвенным швом была исключительно монашеской, является маловероятной.

Необходимо отметить, что описание обуви похожей конструкции было приведено еще в работе В. Б. Антоновича по результатам раскопок курганов древлян рядом с местечком Вчорайше и села Минины в Украине: «Она состояла из тонкой вычищенной кожи, сложенной в два пласта. Имела вид небольших полусапог, достигавших немного выше лодыжки, с широкими отворотами, спускавшимися до стопы. Подошвы не было, и сапог состоял из четырех пластин, сшитых четырьмя продольными швами: две по бокам, одна вдоль и одна посередине поверхности стопы. Спереди сапоги оканчивались острыми носками» [11, с. 16].

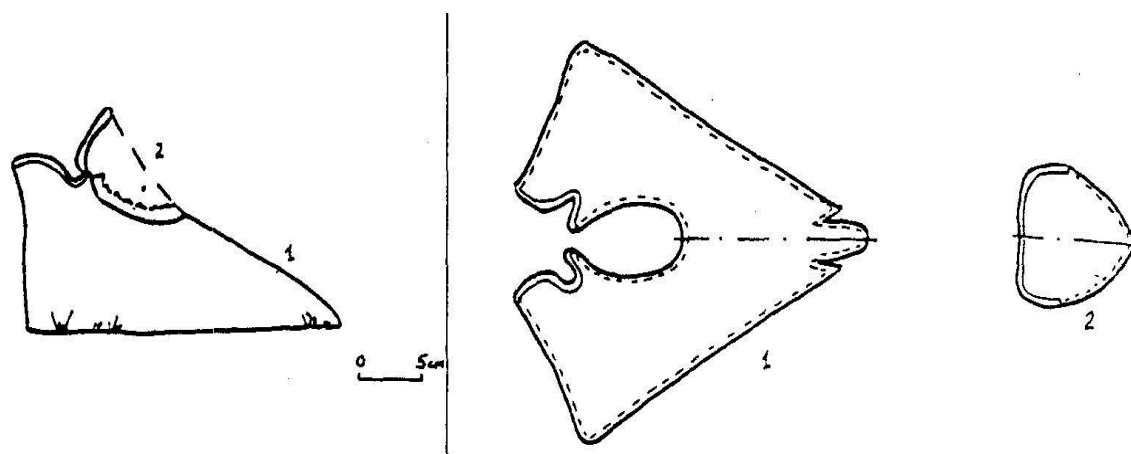

Рисунок 4 – Башмак из коллекции Карачаево-Черкесского музея

1) стопа; 2) язычок, закрывающий подъем (по О. В. Орфинской)

Такая обувь была найдена на Волыни в лучанских курганах Е. Н. Мельник. «Это были те же высокие башмаки с острыми носками и отворотами вверх, доходившие немного выше щиколотки и сшитые наподобие современных татарских из двух кусков кожи с одним продольным швом посередине подошвы, какие уже встречены в курганах Подольской земли и подробно описаны В. Б. Антоновичем в его древлянских раскопках» [12, с. 496]. В исследованных могилах обувь этого типа найдено преимущественно на женских скелетах.

Существенны материалы из раскопок в Давид-Городке, где обувь из погребений также характеризуется большим разнообразием пошива. Вся она из мягкой кожи; большая часть скроена из одного куска кожи со швом на подошве, другая часть имеет шов на подъеме; есть обувь, сшитая из двух

частей, – головки и подошвы [13, с. 18–19]. К сожалению, точная датировка этих захоронений отсутствует. Но из этого описания можно сделать вывод, что в эпоху Древней Руси обувь с похожей конструкцией использовалась еще и как погребальная.

Размерные характеристики, полученные в ходе исследования коллекции ВР № 5, включают в себя как взрослые, так и детские размеры. Это свидетельствует, скорее, в пользу всеобщепотребительного использования обуви с подошвенным швом.

Вернемся к утверждению А. В. Курбатова, что обувь с продольным швом можно считать исключительно древнерусской. Так как в других регионах Европы не было найдено аналогичных моделей [2, с. 210], то их следует искать за пределами Европы.

Так, обувь с подошвенным швом встречается у народов Северного Кавказа.

В могильнике Мощевая Балка (VIII–IX вв.) большая часть найденной обуви была изготовлена с использованием подошвенного шва [14, с. 229]. Этот элемент использовался для изготовления как низкой обуви, закрывающей только ступню, так и для более высокой, закрывающей щиколотку. Общий термин, используемый для обозначения такой обуви, – «чувяки» [14, с. 232]. Чувяки носились с войлочными ноговицами, часто снизу подкладывался слой травы [14, с. 229]. Так же, как и в древнерусских моделях, в северокавказских моделях для усиления подошвенного шва использовались кожаные прокладки.

А. А. Иерусалимская отмечает, что центральный шов на подошвенной части характерен для адыгских народов, а для ираноязычных осетин, напротив, шов делали вдоль верха, на носке [14, с. 232–233]. В коллекции Карачаево-Черкесского музея-

заповедника также присутствуют подобные модели обуви (рисунок 4) [15, с. 40–41]. О. В. Орфинская определяет принадлежность этой обуви к населению западнокавказской Алании VIII–IX вв. [15, с. 5].

Единственным существенным отличием поздних древнерусских моделей от кавказских является то, что они конструировались из двух деталей: передней, закрывающей носок, и задней, закрывающей пятку. Ранние древнерусские модели конструировались практически идентично кавказским моделям. Можно выдвинуть предположение, что обувь с продольным швом могла попасть на территорию Древней Руси с Кавказа или из других регионов Азии через контакты со степными народами – хазарами, печенегами и половцами.

Под влиянием местных традиций конструкция обуви могла измениться, однако это не отменяет их генетической связи.

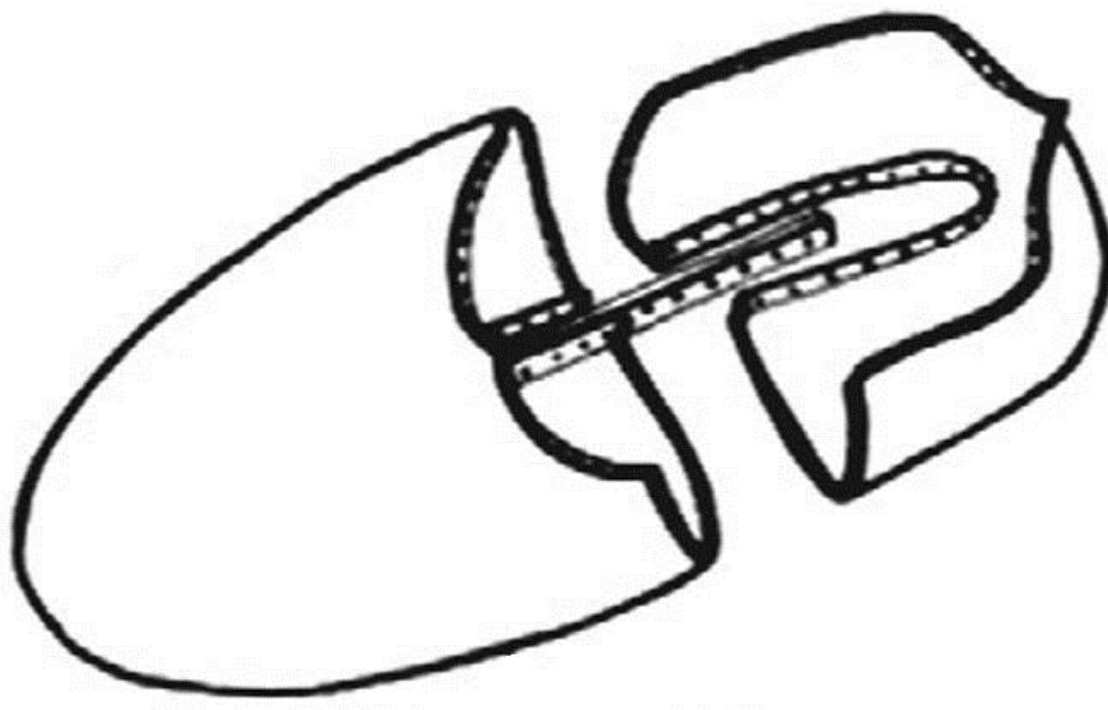

Рисунок 5 – Туфля с продольным швом (ранний вариант по А. В. Курбатову)

Заключение

1. На Верхнем замке Полоцка в XIII в. обувь с подошвенным швом была одним из основных видов обуви наряду с мягкими туфлями, сапогами и поршнями. О распространности этой обуви в Витебске трудно

судить из-за малочисленности имеющихся деталей.

2. Обувь с подошвенным швом имела широкое географическое распространение от Новгорода до Волыни. Возможно, обувь с подошвенным швом появилась на территории Древней Руси в ходе куль-

турных и экономических связей с народами Кавказа.

3. Эта модель использовалась широкими слоями населения: мужчинами, женщинами и детьми. Пока нет объективных данных, подтверждающих ее принадлежность к какой-либо узкой группе людей. Кроме того, в научной литературе есть сведения об использовании обуви с подошвенным швом в качестве погребальной.

4. Ношение обуви с подошвенным швом предполагало использование войлочного носка или укладку внутрь небольшого слоя травы. Поэтому можно допустить, что ее носили не внутри избы, а снаружи, как это делали народы Кавказа.

5. В Полоцке и Витебске обувь с подошвенным швом имела высокие голенища, закрывающие треть икр, что относит ее к модели полусапожек или высоких ботинок.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Археалогія Беларусі : у 4 т. – Мінск : Беларус. навука, 2000. – Т. 3 : Сярэдневяковы перыяд (IX–XIII стст.) / Я. Г. Звяруга [і інш.]. – 554 с.
2. Курбатов, А. В. Рабочая одежда и обувь средневековых горожан / А. В. Курбатов // Археол. вес. – 2011. – № 17. – С. 203–215.
3. Курбатов, А. В. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.) / А. В. Курбатов. – СПб. : Петерб. востоковедение, 2004. – 312 с.
4. Шут, К. П. Обувь древнего Минска / К. П. Шут // Материалы IX конф. молодых ученых / АН БССР ; ред.: Т. С. Горбунов. – Минск, 1965. – С. 72–81.
5. Курбатов, А. В. Наследие М. К. Каргера: коллекция кожаных предметов из раскопок 1957 г. на Верхнем замке Полоцка / А. В. Курбатов // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. – СПб. : ИИМК РАН, 1999. – С. 100–117.
6. Курбатов, А. В. Обувная мода в средневековой Руси / А. В. Курбатов // ТАС. – 2015. – Вып. 10, т. II. – С. 467–495.
7. Штыхов, Г. В. Древний Полоцк (IX–XIII вв.) / Г. В. Штыхов. – Минск : Наука и техника, 1975. – 136 с.
8. Осипов, Д. О. Кожвенно-сапожное ремесло Великого Новгорода X–XVIII вв. (комплексное исследование) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.06 / Д. О. Осипов. – М., 2012. – 260 л.
9. Обувь: термины и определения : ГОСТ 23251-83 ; введ. СССР 01.01.85. – М., 2007. – 15 с.
10. Осипов, Д. О. К вопросу о так называемых «комнатных туфлях» (по материалам Троицкого раскопа Великого Новгорода) / Д. О. Осипов // Вестн. Новгор. гос. ун-та. – 2011. – № 63. – С. 51–54.
11. Антонович, В. Б. Древности Юго-Западного края. Раскопки в стране древлян / В. Б. Антонович. – СПб. : Императ. Археол. комис., 1893. – 78 с. (Материалы по археологии России; № 11).
12. Мельник, Е. Н. Раскопки в земле лучан произведенные в 1897 и 1998 гг. / Е. Н. Мельник // Тр. 11-го археол. съезда в Киеве ; под ред. графини Уваровой. – М., 1901. – Т. 1. – С. 479–576.
13. Jakimowicz, R. Davidgródek / R. Jakimowicz. – Pińsk : Oddz. Polskiego T-wa Krajoznawczego w Dawidgródku i Pińsku, 1939. – 45 s.
14. Иерусалимская, А. А. Мошечная Балка: необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути / А. А. Иерусалимская. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. – 384 с.
15. Орфинская, О. В. Текстиль VIII–IX вв. из коллекции Карачаево-Черкесского музея: технологические особенности в контексте культуры раннесредневековой Евразии : дис. ... канд. ист. наук : 24.00.03. / О. В. Орфинская. – М., 2001. – 268 л.

REFERENCES

1. Arkhiealohija Bielarusi : u 4 t. – Minsk : Bielarus. navuka, 2000. – T. 3 : Siarednieviakovy pieryjad (IX–XIII stst.) / Ja. H. Zviaruha [i insh.]. – 554 s.
2. Kurbatov, A. V. Rabochaja odiezhda i obuv' sriednieviakovykh gorozhan / A. V. Kurbatov // Archieol. vies. – 2011. – № 17. – S. 203–215.

3. Kurbatov, A. V. Kozheviennoje proizvodstvo Tvieri XIII–XV vv. (po materialam raskopok Tviorskogo kramlia 1993–1997 gg.) / A. V. Kurbatov. – SPb. : Pietierb. vostokoviedienije, 2004. – 312 s.
4. Shut, K. P. Obuv' drevniogo Minska / K. P. Shut // Materialy IX konf. molodykh uchionykh / AN BSSR ; ried.: T. S. Gorbunov. – Minsk, 1965. – S. 72–81.
5. Kurbatov, A. V. Nasledije M. K. Kargiera: kollekcija kozhanykh predmetov iz raskopok 1957 g. na Vierkhniem zamkie Polocka / A. V. Kurbatov // Ranniesriednieviekovyje drevnosti Sieviernoj Rusi i jejo sosiediej. – SPb. : IIMK RAN, 1999. – S. 100–117.
6. Kurbatov, A. V. Obuvnaja moda v sriednieviekovoj Rusi / A. V. Kurbatov // TAS. – 2015. – Vyp. 10, t. II. – S. 467–495.
7. Shtykhov, G. V. Drevnij Polock (IX–XIII vv.) / G. V. Shtykhov. – Minsk : Nauka i tiekhnika, 1975. – 136 s.
8. Osipov, D. O. Kozhviennno-sapozhnoje riemieslo Vielikogo Novgoroda X–XVIII vv. (komplieksnoje issliedovanie) : dis. ... d-ra ist. nauk : 07.00.06 / D. O. Osipov. – M., 2012. – 260 l.
9. Obuv': tierniny i opriedielienija : GOST 23251-83 ; vvied. SSSR 01.01.85. – M., 2007. – 15 s.
10. Osipov, D. O. K voprosu o tak nazyvajemykh «komnatnykh tufliakh» (po materialam Troickogo raskopa Vielikogo Novgoroda) / D. O. Osipov // Viestn. Novgor. gos. un-ta. – 2011. – № 63. – S. 51–54.
11. Antonovich, V. B. Drevnosti Jugo-Zapadnogo kraja. Raskopki v strane drevlian / V. B. Antonovich. – SPb. : Impierat. Arkhieol. komis., 1893. – 78 s. (Materialy po arkhieologii Rossii; № 11).
12. Miel'nik, Ye. N. Raskopki v ziemle luchan proizviedionnyje v 1897 i 1998 gg. / Ye. N. Miel'nik // Tr. 11-go arkhieol. sjezda v Kijevie ; pod ried. grafini Uvarovoj. – M., 1901. – T. 1. – S. 479–576.
13. Jakimowicz, R. Dawidgródek / R. Jakimowicz. – Pinsk : Oddz. Polskiego T-wa Krajoznawczego w Dawidgródku i Pinsku, 1939. – 45 s.
14. Ijerusalimskaja, A. A. Moshchievaja Balka: nieobychnyj arkhieologichieskij pamiatnik na Sievierokavkazskom shelkovom puti / A. A. Ijerusalimskaja. – SPb. : Izd-vo Gos. Ermitazha, 2012. – 384 s.
15. Orfinskaja, O. V. Tiekstil' VIII–IX vv. iz kollekcii Karachajevo-Cierkiesskogo muzieja: tiekhnologichieskie osobiennosti v kontiektie kul'tury ranniesriednieviekovoj Jevrazii : dis. ... kand. ist. nauk : 24.00.03. / O. V. Orfinskaja. – M., 2001. – 268 l.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 26.07.2024

УДК 271.22(476):069

Надежда Олеговна Якушева

*магистр ист. наук, аспирант 3-го года обучения
каф. этнологии, музеологии и истории искусств
Белорусского государственного университета*

Nadezda Yakusheva

*Magister of Historical Sciences, 3-d Year Postgraduate Student
of the Department of Ethnology, Museology and Art History
of Belarusian State University
e-mail: nadyayakusheva84@gmail.com*

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ МУЗЕЙНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ МИНСКОЙ МИТРОПОЛИИ БЕЛОРУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В НАЧАЛЕ XXI в.

Прослеживается обзор основных событий возникновения сети музейных учреждений Белорусской Православной Церкви на территории Минской митрополии, которая была образована в пределах Минской области в 2014 г. и по настоящее время территориально объединяет Минскую, Борисовскую, Молодечненскую и Слуцкую епархии. Церковные музейные учреждения, находящиеся в пределах Минской митрополии, рассматриваются в соответствии с принадлежностью к вышеуказанным епархиям с 2014 по 2021 г. Рассмотрены основная цель создания данных учреждений в начале XXI в., вопросы классификации, впервые была сделана попытка определения основных особенностей возникновения музейных учреждений в контексте церковной истории. По результатам исследования делается вывод, что создание музейных учреждений Минской митрополии Белорусской Православной Церкви было направлено в первую очередь на сохранение истории православия на территории Беларуси.

Ключевые слова: *церковно-археологический кабинет, церковно-исторический кабинет, церковные музеи, православная епархия, Белорусская Православная Церковь, Минская митрополия, история православной церкви, музееведение.*

History of the Emergence of the Museum Institutions of the Minsk Mitropoliary of the Belarusian Orthodox Church at the Beginning of the XXI Century

Provides an overview of the main events in the history of the formation of the network of museum institutions of the Belarusian Orthodox Church on the territory of the Minsk Mitropoliary, which was formed within the Minsk region in 2014 and currently territorially unites the Minsk, Borisov, Molodechno and Slutsk dioceses. Church museum institutions located within the Minsk Mitropoliary are considered in accordance with their affiliation with above dioceses from 2014 to 2021. Shows the main reasons and purpose of the creation of the institutions at the beginning of the 21st century, classification issues, and, for the first time, an attempt was made to determine the main stages of the emergence of museum institutions in the context of church history. Based on the results of the study, it is concluded that the creation of museum institutions of the Minsk Mitropoliary of the Belarusian Orthodox Church was aimed primarily at preserving the history of Orthodoxy in Belarus.

Key words: *the church-archaeological cabinet, the church-historical cabinet, church museums, Orthodox diocese, Belarusian Orthodox Church, Minsk Mitropoliary, history of the Orthodox Church, museology.*

Введение

История возникновения музейных учреждений Минской митрополии Белорусской Православной Церкви в начале XXI в. в целом не изучена, поэтому автор последовательно рассматривает этот процесс. Именно это время было обусловлено замет-

ным ростом численности таких учреждений на территории Беларуси, а на территории Минской митрополии возникло наибольшее их количество, что послужило развитию музейной деятельности Белорусской Православной Церкви с 2014 г. по настоящее время. Изучение истории создания музейных учреждений Минской митрополии будет способствовать более полному раскрытию их потенциала в различных сферах церковно-государственного взаимодействия

Научный руководитель – Наталья Яковлевна Трифонова, кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры этнологии, музеологии и истории искусств Белорусского государственного университета

и составит основу для дальнейшего изучения их деятельности.

Цель статьи – определить особенности возникновения и классификации музейных учреждений Минской митрополии.

Задача статьи – рассмотреть процесс возникновения и развития музейных учреждений Минской митрополии в начале XXI в. в контексте церковной истории.

Статья основана на материалах периодических изданий Белорусской Православной Церкви, интернет-ресурсов и данных из архива Минской духовной семинарии (АМинДС).

Несмотря на актуальность исследования, необходимо отметить отсутствие фундаментальных работ по заявленной проблеме. Научная разработка темы статьи не представлена в отечественной и зарубежной историографии.

Необходимо отметить, что данную тематику освещали в своих публикациях на страницах церковных периодических изданий сотрудники музейных учреждений Минской митрополии и исследователи Минской духовной академии и семинарии Белорусской Православной Церкви.

В основу статьи легли обзор, анализ, систематизация и обобщение материала. При подготовке исследования были использованы сравнительный и табличный методы отображения информации.

На основе проанализированных источников впервые предпринята попытка обозначить особенности возникновения и классификацию музейных учреждений Минской митрополии в начале XXI в.

Основная часть

9–11 октября 1989 г. решением Архиерейского Собора Русской Православной Церкви (далее – РПЦ) были учреждены Белорусский Экзархат Московского Патриархата в границах БССР [1, с. 12] и Минская духовная семинария как закрытое учебное заведение по образцу московских духовных школ [2, с. 81], которая начала свою работу в д. Жировичи Гродненской области. 16 октября Священный Синод РПЦ назначил Патриаршим Экзархом митрополита Филарета (Вахромеева) с титулом «митрополит Минский и Гродненский, Патриарший Экзарх всея Белоруссии».

Следует отметить, что в 1990-х гг. шло возрождение институтов Православной Церкви в Беларуси. По инициативе и благословению митрополита Филарета началась церковно-научная работа по исследованию истории православия в Беларуси, была организована издательская деятельность Белорусской Православной Церкви (далее – БПЦ), возрождены и основаны газеты, журналы и альманахи. С 1992 г. в связи с возрождением на территории Гродненской области самостоятельных епархий Жировичский монастырь стал подчиняться Патриаршему Экзарху всея Беларуси. С 1978 г. до 25 декабря 2013 г. священноархимандритом Жировичского монастыря был митрополит Минский и Слуцкий Филарет, с 25 декабря 2013 г. был назначен Патриарший Экзарх всея Беларуси митрополит Минский и Слуцкий Павел [3, с. 64].

Особое внимание митрополита Филарета к духовным школам привело к тому, что Жировичи стали широко известны не только как духовный центр БПЦ, но и как центр научной и общественной жизни [2, с. 83]. 4 августа 1996 г. на территории Свято-Успенского Жировичского монастыря начала свою работу Минская духовная академия имени святителя Кирилла, епископа Туровского [1, с. 18]. В академии постепенно стала развиваться научно-исследовательская работа [2, с. 83].

Таким образом, возобновление церковного краеведения и церковной научно-исследовательской деятельности в 1990-х гг. послужило предпосылкой для создания в 2001 г. первого музейного учреждения Минской епархии Белорусского Экзархата – церковно-археологического кабинета в д. Жировичи Гродненской области [4, с. 57]. Это была первая попытка создания музейной экспозиции на базе Минской духовной семинарии. Церковный кабинет был открыт с целью сохранения истории православия в Беларуси и включал в свое собрание отдельные образцы старопечатных книг и предметов церковной утвари. В 2005 г. кабинет прекратил свое существование в связи с реконструкцией учебного корпуса, а после 2007 г. деятельность церковно-археологического кабинета при Минской духовной семинарии не возобновилась [5, л. 1, 2].

26 февраля 2014 г. решением Синода БПЦ был учрежден Духовно-

административный центр – Минская Экзархия как учреждение по управлению Белорусским Экзархатом. 22 сентября 2014 г. Синод БПЦ, а 23 октября 2014 г. Синод РПЦ благословили учредить в границах Минской области Минскую митрополию в составе Минской, Борисовской, Молодечненской и Слуцкой епархий [1, с. 29].

2 октября 2014 г. в Минской духовной семинарии состоялось официальное открытие церковно-археологического музея. В то время экспозиция была расположена на первом этаже учебного корпуса семинарии и состояла из трех залов: первый зал был посвящен истории Минской духовной семинарии и важнейшим этапам ее становления; второй – истории церковного искусства на территории Беларуси XI–XX вв.; третий – рукописным и старопечатным книгам XVI–XVIII вв. На стенах второго и третьего залов можно было увидеть уникальную иконостасную резьбу XVIII в., а также иконы XVIII – начала XX в., антиминсы XIX – первой половины XX в. и др. [6].

12 февраля 2016 г. в Минской духовной семинарии была открыта мемориальная аудитория, посвященная жизненному пути профессора Д. П. Огицкого (1908–1994), где были представлены его личные вещи и рукописи. Профессор Дмитрий Петрович Огицкий окончил Виленскую духовную семинарию и Православное богословское отделение Варшавского университета, в 1947–1949 и 1960–1963 гг. преподавал в Минской духовной семинарии в Жировичах, а также был профессором и заведующим аспирантурой Московской духовной академии.

В мемориальной аудитории была организована фотовыставка, отражающая его сложный жизненный путь, и экспозиция с рукописями и личными вещами профессора. В 2015/2016 учебном году в мемориальной аудитории проходили занятия студентов второго курса [6].

12 февраля 2018 г. в Минской духовной семинарии состоялось торжественное открытие зала, посвященного истории Жировичского Успенского монастыря. В экспозиции были представлены материалы археологических раскопок, которые были проведены в 2007 г. Институтом истории Национальной академии наук Беларуси, а также иконы и элементы декора монастырских храмов XVIII в. и др. [6].

С февраля 2019 г. начал свою работу экспозиционный зал, посвященный истории духовного образования и просвещения на белорусских землях в XIX – первой половине XX в. [7, л. 12]. В отдельной витрине экспозиции зала были представлены научные и учебные издания Санкт-Петербургской духовной академии дореволюционного периода, поскольку с XIX в. история образования на белорусских землях была тесно связана с бывшей столицей Российской империи. В 1809 г. Санкт-Петербургская духовная академия стала административным центром учебного округа, осуществлявшего контроль за духовным образованием, в т. ч. и на территориях Витебской и Могилевской губерний. В новом зале музея были представлены также дореволюционные издания белорусских церковных писателей, богословов, историков, публицистов и научные исследования, посвященные истории БПЦ. Стены экспозиционного зала украшали литографические портреты и фотографии знаменитых выпускников белорусских духовных семинарий XIX – первой половины XX в. [8, с. 52].

В рамках торжественных мероприятий, посвященных 550-летию обретения Жировичской иконы Божией Матери и 500-летию основания Жировичского Успенского ставропигиального мужского монастыря, 25 октября 2020 г. были открыты Паломнический центр и музей в монастыре, посвященный истории и современности Жировичской обители [9, с. 6, 7].

Таким образом, первым музейным учреждением Минской митрополии стал «Церковно-археологический музей Минской духовной семинарии», созданный в 2014 г. по инициативе ректора, архиепископа Новогрудского и Слонимского Гурия. По состоянию на 2021 г. музейная экспозиция включала пять экспозиционных залов, посвященных истории Минской духовной семинарии, Жировичского монастыря, церковному искусству XI–XX вв., рукописным и старопечатным книгам XVI–XVIII вв. и истории духовного образования и просвещения на белорусских землях в XIX – первой половине XX в. [10, с. 41].

Следует отметить, что здание Монастырского комплекса в агрогородке Жировичи Слонимского района Гродненской области, где территориально расположился

с 2014 г. и по настоящее время существует Церковно-археологический музей Минской духовной семинарии, внесено в список историко-культурного наследия республиканского значения [11].

Монастырь является духовным центром Белорусского Экзархата, активно занимается духовно-просветительской деятельностью и несет социальное служение.

При обители действуют Духовно-просветительский и паломнический центры, Минская духовная семинария [3, с. 64–67].

В 2014 г. Синод Белорусского Экзархата постановил образовать Духовно-административный центр – Минскую Экзархию по управлению БПЦ, в состав которого был включен Духовно-образовательный центр, и разместить по адресу: г. Минск, ул. Зыбицкая, дом № 27. До этого времени функции административного центра выполняло Минское епархиальное управление. Это было необходимо для того, чтобы координировать жизнь и деятельность в епархиях БПЦ [12]. В 2015 г. в здании Духовно-административного и образовательного центра разместились также Минская духовная академия, которая была переведена в Минск из агрогородка Жировичи Слонимского района Гродненской области [1, с. 29]. Официальное открытие центра состоялось 20 июня 2015 г. [13, с. 74].

25 октября 2015 г. при Духовно-образовательном центре был официально открыт церковно-исторический музей [1, с. 29]. Экспозиция музея была размещена в залах, которые назывались по той цветовой гамме, в которой были оформлены: Синий, Красный и Зеленый. Музейная экспозиция залов освещала историю православной церкви на белорусских землях. Синий и Красный залы были посвящены истории церковного искусства и БПЦ в целом, а Зеленый – жизни и служению митрополита Филарета. Выставленные в Синем зале художественные произведения иллюстрировали то, как в иконе и архитектуре храма отражены богословие, замысел заказчика и общепринятый художественный стиль. Здесь также можно было увидеть уникальную коллекцию нательных крестов, которую собирал Владыка Филарет, образцы книгопечатания, когда оно только зарождалось, различные виды церковного облачения. В Синем зале история церкви заканчи-

вается 1917 г. и продолжается в Красном, который посвящен истории церкви XX в. В нем были представлены предметы и фотоматериалы, которые рассказывали о подвиге мученичества и исповедничества в период гонений на церковь. На стендах были размещены фотографии разрушенных храмов, церковные награды. В зале также экспонировались духовные книги и материал, свидетельствующий о жизни церкви в годы Великой Отечественной войны.

Зеленый зал был посвящен жизни и служению Владыки Филарета и истории его семьи. Почетный Патриарший Экзарх всея Беларуси жил в здании Минского епархиального управления [13, с. 74].

Следует отметить, что музейные фонды формировались на основе коллекции церковных древностей, переданной митрополитом Минским и Слуцким Филаретом, Патриаршим Экзархом всея Беларуси. Участие в создании музея принимали также прихожане, которые передали экспонаты, связанные с определенным периодом истории церкви, а также с жизнью их родных и близких. Разработка концепции музея проводилась при содействии кафедры истории и теории христианского искусства факультета церковных художеств православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета и кафедры церковных искусств и археологии общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия [13, с. 74].

21 марта 2021 г. в день рождения митрополита Филарета состоялось открытие его мемориального кабинета после реконструкции. Экспозиция также была размещена на базе Церковно-исторического музея Белорусской Православной Церкви в Минске в здании Духовно-образовательного центра в храме святителя Кирилла Туровского при Минской духовной академии [14, с. 40]. В кабинете была воспроизведена обстановка, в которой трудился Филарет. Здесь были представлены его личные вещи и награды, ранее переданные музеем митрополитом, книги отзывов с записями, оставленные ему почетными гостями, рукописные документы, облачение, иконы и предметы декоративно-прикладного искусства из коллекции архипастыря [15, с. 42].

Таким образом, при Минской епархии по состоянию на 2021 г. были открыты

следующие музейные учреждения: Церковно-археологический музей Минской духовной семинарии (2014); Церковно-исторический музей Белорусской Православной Церкви (2015); мемориальная аудитория, посвященная жизненному пути профессора Д. П. Огицкого (2016); музей, посвященный истории и современности Жировичского монастыря (2020); мемориальный кабинет митрополита Филарета (2021).

7 сентября 2015 г. решением Епархиального совета был образован Церковно-исторический музей Слуцкой епархии, располагавшийся до 2021 г. в здании Духовно-образовательного центра на втором этаже при приходе храма Покрова Пресвятой Богородицы д. Чижевичи Солигорского района [16, с. 23]. В рамках визита 21 сентября 2015 г. Патриаршего Экзарха всея Беларуси митрополита Минского и Заславского Павла в Слуцкую епархию состоялось открытие епархиального церковно-исторического кабинета. Его экспозиция при открытии и до 2021 г. была представлена в одном экспозиционном зале. Среди экспонатов его коллекции – старопечатные книги, богослужебная утварь, антиминсы, самые древние из которых датируются XVIII в., облачения священнослужителей, старопечатные книги Священного Писания. Отдельные экспонаты были переданы в музей из храмов Слуцкого благочиния, разрушенных в годы гонений [17, с. 33].

Покровская церковь была построена в 1795 г. В 1913 г. настоятелем был иерей Иоанн Панкратович – последний перед закрытием храма в 1937 г. советскими властями. В октябре 1937 г. он был расстрелян в Слуцке и причислен к лику местночтимых святых постановлением Синода Белорусского Экзархата от 28 октября 1999 г., прославлен для общецерковного почитания Архиерейским юбилейным Собором РПЦ в 2000 г.

Согласно постановлению Министерства культуры № 76 от 22.10.2020 Покровская церковь в д. Чижевичи Солигорского района Минской области является недвижимой материальной историко-культурной ценностью Республики Беларусь, памятником деревянного зодчества республиканского значения и входит в число древнейших деревянных храмов на территории Беларуси [11].

6 октября 2017 г. состоялось открытие экспозиции, которая была посвящена жизненному пути Иоанна Панкратовича. Здесь были представлены его фотографии, иконы из домашнего иконостаса отца Иоанна, документы, подписанные его рукой, Новый Завет и др. [18, с. 28].

Таким образом, на территории Слуцкой епархии с 2014 по 2021 г. было учреждено и функционировало два музейных учреждения: Церковно-исторический музей (2015) и Дом-музей священномученика Иоанна Панкратовича (2017).

24 мая 2015 г. при Борисовской епархии в день памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия по благословению епископа Борисовского и Марьиногорского Вениамина в храме в честь Архангела Михаила агрогородка Зембин Борисовского района был открыт после реставрации Церковно-археологический музей [19, с. 88]. Церковь была построена еще в 1904 г. из кирпича по проекту архитектора В. И. Струева на месте деревянного храма (1811) и является памятником архитектуры ретроспективно-русского стиля [20, с. 33]. С 2015 по 2021 г. в экспозиции музея была представлена церковная утварь, богослужебные книги прошлых веков, иконы, экспонаты, относящиеся к Отечественной войне 1812 г. и Великой Отечественной войне, предметы быта, факсимильное издание древнего Остромирова Евангелия, написанного в середине XI в. и др. Фонды музея были сформированы благодаря волонтерам, прихожанам и всем, кто трудился над возрождением храма [21].

В ходе исследования истории Минской митрополии БПЦ с 2014 по 2021 г. автором удалось выявить следующие музейные учреждения:

1) при Минской епархии: Церковно-археологический музей Минской духовной семинарии (2014); Церковно-исторический музей Белорусской Православной Церкви (2015); мемориальная аудитория, посвященная жизненному пути профессора Д. П. Огицкого (2016); музей, посвященный истории и современности Жировичского монастыря (2020); мемориальный кабинет митрополита Филарета (2021);

2) при Слуцкой епархии: Церковно-исторический музей Слуцкой епархии (2015); Дом-музей священномученика Иоанна Панкратовича (2017);

3) при Борисовской епархии: Церковно-археологический музей Борисовской епархии (2015).

История их возникновения отражена в таблице.

Таблица – Музейные учреждения Минской митрополии в начале XXI в. (2014–2021)

№	Название	Регион	Дата открытия	Статус учреждения
1.	Церковно-археологический музей Минской духовной семинарии	а/г Жировичи Смолевичский р-н Гродненская обл.	2 октября 2014 г.	Структурное подразделение Минской духовной семинарии Минской епархии БПЦ
2.	Церковно-археологический музей Борисовской епархии	а/г Зембин Борисовский р-н Минская обл.	24 мая 2015 г.	Структурное подразделение Борисовской епархии БПЦ
3.	Церковно-исторический музей Слуцкой епархии	д. Чижевичи Солигорский р-н Минская обл.	7 сентября 2015 г.	Структурное подразделение Слуцкой епархии БПЦ
4.	Церковно-исторический музей Белорусской Православной Церкви	г. Минск	25 октября 2015 г.	Структурное подразделение Минской епархии БПЦ
5.	Мемориальная аудитория, посвященная жизненному пути профессора Д. П. Огицкого (1908–1994)	а/г Жировичи Смолевичский р-н Гродненская обл.	12 февраля 2016 г.	Структурное подразделение Минской духовной семинарии Минской епархии БПЦ
6.	Дом-музей священномученика Иоанна Панкратовича	д. Чижевичи Солигорский р-н Минская обл.	6 октября 2017 г.	Структурное подразделение Слуцкой епархии БПЦ
7.	Музей, посвященный истории и современности Жировичского монастыря	а/г Жировичи Смолевичский р-н Гродненская обл.	25 октября 2020 г.	Структурное подразделение Минской духовной семинарии Минской епархии БПЦ
8.	Мемориальный кабинет митрополита Филарета; мемориальная аудитория, посвященная Первому Патриаршему Экзарху всея Беларуси митрополиту Филарету (Вахромееву)	г. Минск	21 марта 2021 г.	Структурное подразделение Минской епархии БПЦ

Заключение

История возникновения музейных учреждений Минской митрополии в начале XXI в. связана с возрождением христианской жизни на белорусских землях в начале 1990-х гг. и вниманием государства к сохранению исторической памяти и приумножению историко-культурного наследия Беларуси. Поэтому создание музейных учреждений Минской митрополии Белорусской Православной Церкви было направлено в первую очередь на сохранение истории православия в Беларуси.

В 2014–2021 гг. создавались музейные учреждения различного профиля: церковно-исторического, церковно-археологического, мемориального. Однако характерной особенностью их возникновения является то,

что тематика экспозиции связана не только с церковной историей и культурой. Например, часть экспозиции Церковно-археологического музея Борисовской епархии имеет военно-исторический профиль.

Музейные учреждения Минской митрополии имеют статус епархиальных, а их учредителями являются епархии и Минская духовная семинария Белорусской Православной Церкви.

Полученные результаты могут быть использованы при дальнейших исследованиях в области музееведения, истории церкви и образовательном процессе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Хронология событий за 30 лет существования Белорусского Экзархата // Вед. Мин. митрополии. – 2019. – № 9. – С. 11–33.
2. Архимандрит Сергей (Акимов). Богословское образование в Белорусской Православной церкви в 1988–2019 годах / Архимандрит Сергей (Акимов) // Вед. Мин. митрополии. – 2019. – № 9. – С. 80–85.
3. Ставропигиальный мужской монастырь в честь Успения Пресвятой Богородицы в агрогородке Жировичи Слонимского района Гродненской области // Вед. Мин. митрополии. – 2016. – № 11. – С. 60–67.
4. Гужалоўскі, А. А. Музеі – важны кампанент турыстычнай інфраструктуры / А. А. Гужалоўскі // Историческое наследие Беларуси: выявление, сохранение и изучение : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию Гос. архив. службы Респ. Беларусь и 20-летию каф. источниковедения БГУ, Минск, 17–18 мая 2012 г. : в 2 ч. ; редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск, 2013. – Ч. 1. – С. 50–59.
5. Архив Минской духовной семинарии (АМинДС). – Д. Годовые отчеты проректора по научной работе. Отчет о научной работе Минских духовных академии и семинарии в первом семестре 2014/2015 учебного года.
6. Церковно-археологический музей и мемориальные аудитории [Электронный ресурс] // Минская духовная семинария. – Режим доступа: <https://minds.by/museum>. – Дата доступа: 23.09.2024.
7. АМинДС. – Д. Годовые отчеты проректора по научной работе. Отчет о научной работе Минской духовной семинарии в 2018/2019 учебном году.
8. Духовные школы // Вед. Мин. митрополии. – 2019. – № 4. – С. 52–54.
9. Служения Высокопреосвященного Вениамина, митрополита Минского и Заславского, Патриаршего Экзарха всея Беларуси // Вед. Мин. митрополии. – 2020. – № 12. – С. 3–13.
10. В музей Минской духовной семинарии передан уникальный экспонат XVIII века // Вед. Мин. митрополии. – 2019. – № 3. – С. 41.
11. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gosspisok.gov.by/>. – Дата доступа: 22.09.2024.
12. Журналы заседания Синода Белорусского Экзархата от 26 февраля 2014 года. Журнал № 16 [Электронный ресурс] // Белорусская православная церковь. – Режим доступа: <https://church.by/sinod/zhurnaly-zasedaniya-sinoda-belorusskoj-pravoslavnoj-cerkvi-ot-26-fevralja-2014-goda>. – Дата доступа: 22.09.2024.
13. Слесарев, А. В. Минская духовная академия на современном этапе / А. В. Слесарев // Вед. Мин. митрополии. – 2017. – № 1. – С. 71–74.
14. Журналы заседания Синода Белорусского Экзархата от 20 апреля 2021 года. Журнал № 18 // Вед. Мин. митрополии. – 2021. – № 7. – С. 39–48.
15. Минская епархия // Вед. Мин. митрополии. – 2021. – № 5. – С. 41–49.
16. Служения Высокопреосвященного Вениамина, митрополита Минского и Заславского, Патриаршего Экзарха всея Беларуси // Вед. Мин. митрополии. – 2021. – № 9. – С. 3–23.
17. Служения Преосвященного Антония, епископа Слуцкого и Солигорского // Вед. Мин. митрополии. – 2017. – № 8. – С. 27–33.
18. Служения Преосвященного Антония, епископа Слуцкого и Солигорского // Вед. Мин. митрополии. – 2017. – № 11. – С. 25–30.
19. Текущие события // Вед. Мин. митрополии. – 2015. – № 3–5. – С. 86–93.
20. Зембинская Михайловская церковь // Регионы Беларуси (Минская область) : энциклопедия : в 7 т. / редкол. : В. В. Андриевич (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2017. – Т. 5. – С. 33.
21. Открыт первый в Борисовской епархии церковно-археологический музей [Электронный ресурс] // Белорусская православная церковь. – Режим доступа: <https://church.by/news/-otkryt-pervyj-v-borisovskoj-eparhii-cerkovno-arheologicheskij-muzej>. – Дата доступа: 23.09.2024.

REFERENCES

1. Khronologija sobytij za 30 liet sushchiestvovaniya Bieloruskogo Ekzarkhata // Vied. Min. Mitropolii. – 2019. – № 9. – S. 11–33.
2. Bogoslovskoje obrazovanie v Bieloruskoj Pravoslavnoj Cerkvi v 1988–2019 godakh // Vied. Min. Mitropolii. – 2019. – № 9. – S. 80–85.
3. Stavropigial'nyj muzhskoj monastyr' v chiest' Uspeniia Priesviatoy Bogorodicy v agrogorodkie Zhirovichi Slonimskogo rajona Groznienskoj oblasti // Vied. Min. Mitropolii. – 2016. – № 11. – S. 60–67.
4. Huzhalouski, A. A. Muziei – vazhny kampanient turystychnaj infrastruktury / A. A. Huzhalouski // Istorichieskoje nasledije Bielarusi: vyjavlienije, sokhranienije i izuchienije : materialy Miezhdunar. nauch. konf., posviashch. 90-lietiju Gos. arkhiv. sluzhby Rjespubliki Bielarus' i 20-lietiju kaf. istochnikoviedienija BGU, Minsk, 17–18 maja 2012 g. : v 2 ch. ; riedkol.: V. I. Adamushko [i dr.]. – Minsk, 2013. – Ch. 1. – S. 50–59.
5. Arkhiv Minskoj dukhovnoj sieminarii (AMinDS). – D. Godovyje otchioty proriekatora po nauchnoj rabotie. Otchiot o nauchnoj rabotie Minskikh dukhovnykh akademi i sieminarii v piervom siemiestrie 2014/2015 uchiebnogo goda.
6. Cerkovno-arkhieologichieskij muziej i miemorial'nyje auditorii [Elektronnyj riesurs] // Minskaja dukhovnaja sieminarija. – Riezhim dostupa: <https://minds.by/museum>. – Data dostupa: 23.09.2024.
7. AMinDS. – D. Godovyje otchioty proriekatora po nauchnoj rabotie. Otchiot o nauchnoj rabotie Minskoj dukhovnoj sieminarii v 2018/2019 uchiebnom godu.
8. Dukhovnyje shkoly // Vied. Min. mitropolii. – 2019. – № 4. – S. 52–54.
9. Sluzhenija Vysokoprieosviashchiennogo Vieniamina, mitropolita Minskogo i Zaslavskogo, Patriarshego Ekzarkha vsieja Bielarusi // Vied. Min. mitropolii. – 2020. – № 12. – S. 3–13.
10. V muziej Minskoj dukhovnoj sieminarii pieriedan unikal'nyj eksponat XVIII veka // Vied. Min. mitropolii. – 2019. – № 3. – S. 41.
11. Dziarzhauny spis historyka-kul'turnykh kashtounasciej Respubliki Bielarus' [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <http://gossapisok.gov.by/>. – Data dostupa: 22.09.2024.
12. Zhurnaly zasiedanija Sinoda Bieloruskogo Ekzarkhata ot 26 fievralia 2014 goda. Zhurnal № 16 [Elektronnyj riesurs] // Bieloruskaja Pravoslavnaja Cerkov'. – Riezhim dostupa: <https://church.by/sinod/zhurnaly-zasedanija-sinoda-beloruskoj-pravoslavnoj-cerkvi-ot-26-fevralja-2014-goda>. – Data dostupa: 22.09.2024.
13. Sliesariev, A. V. Minskaja dukhovnaja akademiija na sovriemiennom etapie / A. V. Sliesariev // Vied. Min. mitropolii. – 2017. – № 1. – S. 71–74.
14. Zhurnaly zasiedanija Sinoda Bieloruskogo Ekzarkhata ot 20 aprielia 2021 goda. Zhurnal № 18 // Vied. Min. mitropolii. – 2021. – № 7. – S. 39–48.
15. Minskaja eparkhija // Vied. Min. mitropolii. – 2021. – № 5. – S. 41–49.
16. Sluzhenija Vysokoprieosviashchiennogo Vieniamina, mitropolita Minskogo i Zaslavskogo, Patriarshego Ekzarkha vsieja Bielarusi // Vied. Min. mitropolii. – 2021. – № 9. – S. 3–23.
17. Sluzhenija Prieosviashchiennogo Antonija, jepiskopa Sluckogo i Soligorskogo // Vied. Min. mitropolii. – 2017. – № 8. – S. 27–33.
18. Sluzhenija Prieosviashchiennogo Antonija, jepiskopa Sluckogo i Soligorskogo // Vied. Min. mitropolii. – 2017. – № 11. – S. 25–30.
19. Tiekushchije sobytija // Vied. Min. mitropolii. – 2015. – № 3–5. – S. 86–93.
20. Ziembinskaja Mikhajlovskaja cerkov' // Rieiony Bielarusi (Minskaja oblast') : encyklopedija : v 7 t. / riekol.: V. V. Andrijevič (gl. ried.) [i dr.]. – Minsk, 2017. – T. 5. – S. 33.
21. Otkryt piervyj v Borisovskoj jeparkhii cerkovno-arkhieologichieskij muziej [Elektronnyj riesurs] // Bieloruskaja Pravoslavnaja Cerkov'. – Riezhim dostupa: <https://church.by/news/-otkryt-pervyj-v-borisovskoj-eparhii-cerkovno-arheologichieskij-muzej>. – Data dostupa: 23.09.2024.

УДК 94:332.1:336.22:630(476+438) «1921/1939»

Богдан Григорьевич Кучик

учитель истории Лукской средней школы Кобринского района,
соискатель каф. истории славянских народов

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Bahdan Kuchyk

History Teacher of the Luka Secondary School of Kobrin District,

Applicant of the Department of History of Slavic Peoples

of Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: eastman.kbr@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ВЗИМАНИЯ ЛЕСНОЙ ДАНИ В ПОЛЕССКОМ ВОЕВОДСТВЕ

Впервые в отечественной исторической науке рассмотрена лесная дань как один из важнейших факторов социально-экономической жизни. Для достижения данной цели были решены задачи по изучению особенностей ее расчета, взимания и причин достигнутых результатов, взаимодействия различных органов по этому поводу. На основе вводимых в научный оборот документов администрации Полесского воеводства представлены количественные характеристики лесной дани: площадь лесных владений, количество деловой древесины, налоговые ставки, фактические и планируемые сборы. Предпринята попытка проанализировать эффективность лесной дани как с фискальной, так и с социально-экономической стороны. На основании установленных исторических фактов сделаны выводы как о влиянии дани на экономическую и социальную сферы, так и о эффективности частного лесовладения на территории Полесского воеводства.

Ключевые слова: Западная Беларусь, Полесское воеводство, экономическая история, лесная дань, налогообложение, эффективность налогообложения, лесное хозяйство.

Features of Collection of Forest Tribute in Polesie Voivodeship

For the first time in Belorussian historiography, forest tribute is considered as one of the most important factors in socio-economic life. To achieve this goal, tasks were set to study the features of its calculation, collection and reasons for the results achieved, and the interaction of various bodies of authority in this regard. Based on the documents of the administration of Polesie Voivodeship introduced into scientific circulation as historical sources, the quantitative characteristics of forest tribute are presented: the area of forest holdings, the amount of commercial timber, tax rates, actual and planned fees. An attempt has been made to analyze the effectiveness of forest tribute from both fiscal and socio-economic aspects. Based on established historical facts, conclusions were drawn both about the influence of tribute on the economic and social spheres, and about the effectiveness of private forest ownership in the territory of the Polesie voivodeship.

Key words: Western Belarus, Polesie Voivodeship, economic history, forest tribute, taxation, tax efficiency, forestry.

Введение

Закон Польши от 6 июля 1923 г. «О сборе лесной дани на цели возрождения страны» стал одним из основных правовых аспектов социально-экономической жизни в богатой лесом Западной Беларуси. Во время мирового экономического кризиса, ударившего по Польше в первой половине 1930-х гг., важность леса для сельского населения проявилась наиболее ярко. Так, в конце 1931 г. экономическое состояние населения Хотев-

шовской гмины Камень-Каширского повета характеризовалось как катастрофическое: староста просил дирекцию государственных лесов о его продаже по самым минимальным ценам [1, л. 10].

Все это подтверждает и польская историческая наука. Попытки урегулировать распределение лесоматериалов и дров предпринимались с 1918 г. ввиду больших военных разрушений и последующего роста социального напряжения.

Проблемы с лесом сильно влияли на настроения сельское население и становились предметом политической борьбы [2].

Данный сбор фактически не был рассмотрен в белорусской исторической науке как из-за особенностей методологии иссле-

Научный руководитель – Александр Александрович Савич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории славянских народов Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

дований советского периода (лесная дань напрямую затрагивала не эксплуатируемых, а эксплуататоров), так и по причине относительно небольшого интереса современных исследователей к социально-экономической истории Западной Беларуси. Однако А. А. Савич приходит к выводу, что наличие нормативно-правовой базы, большого массива архивных источников и высокой степени разработанности проблематики в польской исторической науке позволяет осуществить предметное осмысление проблемы [3].

Основная часть

Расчет сбора. Лесную дань (налог) необходимо было выплачивать с частных лесовладений площадью более 50 га, при этом заранее. Сбором облагалась деловая древесина, которую было запланировано заготовить до 1932/1933 хозяйственного года включительно.

Сервитуты (леса совместного использования лесовладельцем и крестьянами) облагалась налогом только на 5 лет [4].

Таблица 1 – Леса Полесского воеводства площадью более 50 га и объем деловой древесины в них (объект налогообложения) по состоянию на 1927 г. [5, л. 112]

Повет	Общая площадь лесов, в которых находился объект налогообложения, га		Объем деловой древесины, м ³	
	Свободные от сервитутов	Имеющие сервитуты	Период налогообложения, лет	
			10	5
Брестский	24 165,45	5 842,93	6 1956,70	3 1695
Кобринский	6 259,24	2 070	46 864,9	–
Дрогичинский	14 571,94	–	102 521,44	–
Пинский	51 755,18	55 139,62	709 564,96	39 006,4
Лунинецкий	20 903,54	156 592,6	1 064 235,5	30 192,3
Сарненский	71 429,93	101 140,16	969 211,69	104 837,43
Камень-Каширский	12 680,29	29 173,96	201896,76	–
Столинский	110 696,96	–	555 370,2	–
Коссовский	478,95	61 780,84	290 014	3 3971
Пружанский	8 101,19	4 169,88	91 229,55	–
Всего	32 1042,67	415 909,99	4 092 865,7	239 702,13

Расчет суммы платежа требовал учета многих факторов. Налоговая ставка лесной дани зависела как от хозяйственного региона, так и от удаленности от путей сообщения. На определение ставки налогообложения пытались повлиять лесовладельцы, которые добивались ее снижения, утверждая, что экономическая статистика в поветах ведется неподготовленными людьми, а частные леса по запасам товарной древесины значительно уступают государственным [6, л. 8об.].

Приводились аргументы и об актуальном положении рынка древесины.

Упоминалось распоряжение брестской дирекции общественных работ от 10.11.1925, которое предписывало государственным организациям и органам самоуправления покупать лес только из правительственных владений, что негативно сказывалось на сбыте древесины из частных лесов [6, л. 9].

Лесовладельцы в 1924 г. даже предлагали сделать налоговые ставки на 40 % ниже, чем было установлено правительством, однако это было невозможно сделать по закону [6, л. 51об.].

Занимавший в середине 1920-х гг. должность воеводы Казимеж Млодзиановский знал и уважал Полесье, поэтому шел на диалог с местными жителями, но талантливых руководителей его уровня в администрации было мало.

Для плательщиков лесной дани был сделан ряд уступок, определены критерии, по которым определялись деревья, не имеющие хозяйственного значения.

Цены в 1926 г. были снижены на 15 % относительно планируемых [6, л. 53].

Таблица 2 – Налоговая ставка для лесоматериала среднего диаметра в Полесском воеводстве в конце 1929 – начале 1934 г., злотых за 1 м³ [7, л. 24об; 8, л. 36]

Порода	Стрефа	Расстояние от места заготовки до начальной точки транспортировки, км					
		до 5	6–10	11–15	16–20	21–25	более 25
Дуб	1	33/27	31/25	27/23	25/21	21/17	19/16
	2	30/25	28/23	24/20	23/19	19/16	17/15
	3	27/23	25/21	22/18	20/17	17/16	15/13
Сосна	1	26/19	22/16	19/15	16/13	14/11	12/9
	2	23/17	20/15	17/13	14/11	13/10	11/8
	3	20/15	18/14	15/13	13/10	12/9	10/7
Ель	1	28/18	24/15	21/13	19/12	15/9	12/7
	2	25/15	22/14	19/12	17/11	14/9	11/7
	3	22/14	20/12	17/11	15/9	13/8	10/6
Береза, граб, липа	1	23/20	21/18	17/15	15/12	12/10	10/9
	2	20/17	19/16	15/12	13/11	10/9	9/8
	3	18/16	17/15	13/11	12/10	9/8	8/7

Мировой экономический кризис существенно повлиял на стоимость товарной древесины в сторону ее понижения. При вычислении размера налоговой ставки необходимо было учитывать расходы на транспортировку: ее стоимость составляла более половины цены, если расстояние от места заготовки до места погрузки составляло свыше 25 км.

Особенности взимания. Закономерно, что поветовые администрации испытывали огромные трудности при расчетах. Например, воеводский контролер Николай Маличук в конце 1930 г. наряду с неточностями при заполнении финансовых книг служащими Столинского староства обнаружил факт неправильных расчетов для имения Чертёжик. Из-за игнорирования наличия сплавного канала в 5 км от леса размеры дани оказались занижены на 224,1 злотых [9, л. 86–86об.]. По той же причине с имения Городно владельца Мойжешовича было недополучено 465,13 злотых [9, л. 87]. В имении Семигостици лесовладелец неоднократно просил изменить ему форму оплаты с натуральной в денежную и наоборот: из-за перерасчетов по изменяющимся ставкам образовалась неучтенная задолженность в сумме 4 905,42 злотых [9, л. 88об.].

Всего недобор с девяти имений составил 10 185,14 злотых без учета пени. Была выявлена недоплата и с громады (наи-

меньшая административно-территориальная единица, как правило, в пределах населенного пункта) деревни Велемичи – 615 злотых. Этот факт подтверждает системный характер ошибок в расчетах. При этом за просроченный платеж лесной дани этой же громаде был назначен штраф в 1 575 злотых [9, л. 87об.–88]. В целом Полесское воеводское управление (ПВУ) строго относилось к учету налоговых платежей со стороны староств, выявлялись малейшие отклонения (даже шесть неучтенных злотых столинского лесовладельца Шевченко [5, л. 37]). ПВУ предписывало кобринскому старосте прислать документы на сумму сбора 402,43 злотых: в воеводских книгах учета платежей не фигурировал [5, л. 121].

ПВУ постоянно указывало на многочисленные ошибочные зачисления в ситуациях, когда плательщик живет в одном повете, а лесами владеет в другом: дань должна быть оплачена в повете, где располагался лес. Отмечались случаи, когда поступления от лесного налога фигурировали как другой вид сбора или платежа, что вносило путаницу в статистику; определенные платежи по каким-то причинам не учитывались Брестской skarбовой избой (орган Министерства финансов) [7, л. 9об.]. Наиболее весомая причина расхождения данных ПВУ и skarбовой избы – особенности ведения статистики этими органами власти [5, л. 2].

ПВУ в своих документах признавало, что в 1928 г. не имело статистики по лесной дани в Столинском повете за 1924 г. А причины несоответствий в документации Лунинецкого повете не могут быть установлены. Незначительные отклонения были отмечены при переводе сумм, подсчитанных в марках, в злотые [7, л. 9об.].

Стремясь нивелировать погрешности в статистике, служащие ПВУ тратили значительные человеческие и временные ресурсы, что негативно сказывалось на работе всех уровней местной власти. Необходимо было тратить время и на рассмотрение многочисленных жалоб, апелляций, просьб, адресованных воеводе, об отсрочках по платежам со стороны лесовладельцев.

При сборе лесной дани систематически фиксировались задолженности на высоком уровне: только в одном Лунинецком повете она составляла 688 646,97 злотых (01.01.1929). Отметим Альбрехта и Леона Радзивиллов, сарненского лесовладельца Витольда Броель-Плятера и др., на которых приходилась значительная сумма задолженностей и пени [10, л. 2–2об., 64, 70; 11, л. 11].

Максимальное значение задолженности в воеводстве было зафиксировано на начало 1927/28 финансового года: по состоянию на 1 апреля она составила 2 007 702,94 злотых. Через год этот показатель равнялся 1 182 985,03 злотым. Сумма пени и назначенных штрафов составила 307 595,84 злотых [11, л. 89]. Задолженность, измеренная

в денежном выражении, по состоянию на 01.01.1929 составляла примерно 1 153 222 злотых [11, л. 6–53].

ПВУ, основываясь на распоряжении Минфина, 21.12.1934 разослало письма старостам с требованием принятия безотлагательных мер по ликвидации задолженностей по лесной дани [12, л. 12]. В августе 1935 г. сумма задолженностей в воеводстве составляла 254 995,06 злотых. Почти 78 % этой суммы приходилось на упомянутого А. Радзивилла. В последующем его долг был реструктурирован и составил 147 537 злотых [8, л. 37]. В 1937 г. полесский воевода в письме Министерству финансов подтвердил, что задолженность составляет около 200 тыс. злотых и при этом является безнадежным долгом, а ее взыскание потребует длительного времени [13, л. 2].

Что касается сборов лесной дани в денежном эквиваленте, то, по данным ПВУ, к началу календарного 1928 г. было собрано 2 774 430,42 злотых, по данным Брестской окружной скарбовой избы – 2 796 132,91 злотых [5, л. 2; 7, л. 9об.]. По состоянию на 31.03.1930 – 3 509 344,36 злотых. Всего же к уплате подлежало 3 938 930,91 злотых. После того как по распоряжению Президента Польши от 29.11.1930 Сарненский повет был передан в состав Волынского воеводства, сумма сборов на 31.03.1931 составила 2 757 699,14 злотых; всего же к уплате подлежало 3 020 457,24 злотых [14, л. 1, 4].

Таблица 3 – Данные ПВУ о сборе лесной дани по поветам по состоянию на 31.03.1930 [15, л. 1]

Повет	Всего собрано, злотый	Взыскано пени и штрафов, злотый	Пеня и штрафы к сумме сбора дани, %
Брестский	71 542,2	16 620,55	23,23
Кобринский	21 476,11	3 979,3	18,52
Дрогичинский	84 747,96	10 506,4	12,40
Пинский	596 830,31	85 332,26	14,30
Лунинецкий	1 178 535,99	335 943,74	28,51
Сарненский	739 315,83	282 893,68	38,26
Камень-Каширский	171 018,63	29 301,45	17,13
Столинский	447 548,68	143 674,51	32,10
Коссовский	131 949,61	27 009,89	20,47
Пружанский	52 065,86	9 595,04	18,43
Всего	3 495 031,18	944 856,82	27,03

Из таблицы 3 видно, что по прошествии шести финансовых лет на менее чем четыре злотых собранной дани приходился один злотый пени и штрафов. Констатируем высокие налоговые издержки как государства, так и плательщиков, в частности, издержки, связанные с ненадлежащим исполнением налоговых обязательств. Это более чем 27 % относительно уплаченной суммы лесной дани, что является очевидным доказательством низкой эффективности данного сбора в Полесском воеводстве.

Проблемы взимания дани. Причины описанной ситуации имели как объективный, так и субъективный характер. В отчете от 18.02.1929 староста Пинского повета прямо указывал, что взыскание лесной дани древесиной из-за болотистых лесных массивов может быть реализовано только во время морозной зимы, взимание в весенне-осенний период совершать почти невозможно [11, л. 40].

Аналогичная ситуация отмечалась и в Коссовском повете [11, л. 73]. Из десяти лесных имений, облагаемых данью в Кобринском повете, только одно было на расстоянии 6–10 км от ж/д станции, остальные же располагались значительно дальше. В Дрогичинском повете из 14 имений всего одно было на расстоянии менее 5 км от ж/д станции, семь – на расстоянии более 25 км [16, л. 2, 4]. Такие логистические особенности отрицательно способствовали как сбору дани, так и экономической эффективности лесного хозяйства. Предполагаем, что описанные выше факторы влияли на хищническую эксплуатацию Беловежской пуши, откуда вывоз леса был значительно удобнее.

Так как лес являлся одной из важнейших статей экспортных бюджетных поступлений межвоенной Польши, а белорусское сырье составляло около 80 % объема по этой статье, то закономерным было создание в отрасли крупных монополистических предприятий. По причине господства на территории Западной Беларуси предприятия «Государственные леса» и акционерных компаний с иностранным капиталом не выдержали конкуренции и были ликвидированы 40 % мелких лесозаготовительных частных фирм. Данный факт также негативно сказывался на выплатах лесной дани. Нерешительные действия властей в предоставлении налоговых льгот и отсро-

чек платежей создавали ситуацию, когда налоговое бремя вместе с пеней по лесной дани еще больше подрывало конкурентоспособность небольших компаний [17, с. 37–38]. Показателен пример фирмы «Невель» (Лунинецкий повет): Министерство общественных работ в конце 1926 г. просило ПВУ отнестись к компании более лояльно по предоставлению льгот ввиду больших усилий руководства фирмы по ликвидации своей задолженности. Но на фирму постоянно накладывались новые санкции, староста даже установил над ней скрытый полицейский надзор, который так и не смог выявить незаконного вывоза дерева. Выплата задолженностей продолжилась до 1929 г. включительно [10, л. 18, 38; 18, л. 18].

Огромное значение для лесного хозяйства Польши имел «немецкий фактор». Именно в период до 1927 г., когда отсутствовало торговое соглашение с Германией, в воеводстве была зафиксирована максимальная сумма задолженности по лесной дани. Но с 1927 по 1930 г. в Германию из Польши было экспортировано около 2 млн т пиломатериалов. С окончанием действия договора о поставках леса и обострением двухсторонних отношений [17, с. 40], а также из-за разрушительных последствий мирового экономического кризиса экспорт леса в Германию практически прекратился. Отсутствие сбыта лесоматериалов привело к значительному снижению цен на них, что сказывалось на выплате лесного налога.

Сложности создавали и конкуренция со стороны СССР, который благодаря низким железнодорожным тарифам поставлял пиломатериалы по более низким ценам, и тяжелые кредитные условия для небольших фирм [17, с. 40].

Очень часто затруднения при сборе лесной дани имели бюрократический характер. Отчеты поветовых старост, адресованные ПВУ, содержат многочисленные упоминания о промедлении либо отсутствии ответов на письма со стороны ведомств, а также ответственных за взимание налога [10, л. 47; 11, л. 40–40об.].

24.06.1927 на фоне начала увеличения экспорта леса в Германию появилось распоряжение Президента Польши, которое требовало не допускать рубки леса без согласованных хозяйственных планов. Взыскание задолженностей еще больше

усложнилось, ведь многие лесовладельцы полностью вырубали предусмотренные планом лесные площади, из-за чего нужно было ждать несколько лет, чтобы изъять дерево на покрытие дани без нанесения ущерба лесу [19, л. 6–7].

Последний полесский воевода Вацлав Костек-Бернацкий в 1937 г. предложил вести лесные сборы силами Министерства финансов, потому что прежний порядок предполагал «случайное распределение функций» между различными органами, что вело к низкой эффективности и большому напряжению сил администрации [13, л. 2, 9–11]. Но к тому времени оставшаяся задолженность имела характер безнадежного долга, а органы Министерства финансов испытывали затруднения при сборе других налогов и были не готовы взять на себя дополнительные функции [20].

Эффективность лесной дани. Существуют два основных подхода к оценке эффективности налогообложения, которые ввиду их объективного характера можно применять вне зависимости от времени или локализации объекта изучения, – фискальный и социально-экономический. В первом случае происходит сосредоточение на показателях, которые отражают уровень собираемости налогов и их влияние на экономическое развитие государства (макроуровень) и финансовое состояние плательщиков (микроуровень). Социально-экономический подход требует анализа развития экономики и социальной сферы [21].

Несмотря на то, что к 1937 г. сбор лесной дани в Полесском воеводстве был практически завершен, а сумма недоимок составила только примерно 7 % от изначально планируемого (в то же время всего в Польше было собрано почти 57 млн злотых, что составило только 56 % от запланированных поступлений [2]), такой показатель был достигнут с помощью большого распыления усилий различных ведомств, сопровождался большими издержками как государственных органов, так и плательщиков и негативно сказался на работе администрации всех уровней.

Что касается социально-экономической стороны вопроса, то есть все основания предполагать, что главный эффект от взимания лесной дани проявился не в помощи пострадавшим от военных действий,

а в содействии вытеснению с рынка лесозаготовок небольших предприятий и хозяйств в интересах монополий. Это подтверждается необходимостью оплаты сбора заранее и упомянутыми нами промедлениями в предоставлении отсрочек и льгот.

Более того, по информации на 01.09.1931 Пинского отдела Государственного земледельческого банка с начала 1920-х гг. в рамках государственной акции пострадавшим от войны в воеводстве было выдано льготных ссуд древесными строительными материалами на сумму 2 271 203,62 злотых. Доля дерева, собранного в качестве лесной дани, составила всего 287 115,98 злотых (12,6 %), а остальное было взято из государственных лесов. Было также выплачено 8 584 516,24 злотых наличными, т. е. планируемый сбор дани в воеводстве не смог бы покрыть и половину этой суммы [22, л. 18].

Массовые просьбы об отсрочках по платежам за ссуды на восстановление хозяйства также косвенно подтверждают низкую социально-экономическую эффективность лесной дани [23, л. 4, 14, 16–16об.], в то время как крупные лесовладельцы имели возможность компенсировать свои издержки оплаты сбора путем проведения сомнительных финансовых операций при попустительстве государственных органов [24, л. 5–8, 13–14, 67].

Заклучение

Лесная дань имела довольно сложную процедуру расчета, в которой были задействованы многие польские государственные органы. Процесс взимания сопровождался многочисленными трудностями, что негативно отразилось как на фискальной, так и на социально-экономической эффективности налога. Социальная функция помощи пострадавшим от военных действий в значительной мере осталась нереализованной.

Несмотря на высокие показатели сбора дани в Полесском воеводстве, издержки, связанные с ненадлежащим исполнением налоговых обязательств, были значительны, а сроки получения платы были сдвинуты на несколько лет. Лесная дань была налогом, который нужно было платить вперед, что само по себе являлось серьезной издержкой. Нерешительные действия властей по предоставлению льгот и финансовые проблемы небольших лесозаготовительных

фирм и их массовое банкротство подтверждают вывод о выгодах лесного сбора для монополий вследствие ликвидации конкурентов из числа небольших фирм. С другой стороны, процедура расчета и взимания лесной дани была настолько несовершенной, что это затрудняло адекватную реакцию госорганов на нужды плательщиков.

Приведенные нами факты позволяют также сделать вывод о неэффективности частного лесовладения как такового на территории Полесья.

Тяжелые природные условия, отсутствие развитой сети путей сообщения, низкая хозяйственная и налоговая культура у крупных лесовладельцев из числа дворян-

ских фамилий были определяющими факторами многих затруднений в отрасли, недоступности значительной части древесной массы для рынка.

Возникла угроза непоправимого ущерба для лесов при попытке увеличить прибыль или исправить финансовые трудности, в т. ч. для Беловежской пуши.

При этом государственно-частное партнерство развивалось весьма медленно и было связано с деятельностью лишь отдельных чиновников. Мелиорация и строительство дорог требовали огромных капиталовложений, планы по которым так и не были реализованы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 323.
2. Autoreferat d-ra Marka Tkaczuka w postępowaniu o nadanie stopnia d-ra hab. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bip.usz.edu.pl/attachments/download/9547>. – Дата доступа: 24.04.2024.
3. Савіч, А. А. Падаткі ў Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. у адлюстраванні айчынай гістарыяграфіі / А. А. Савіч // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2020. – № 4 (121). – С. 56–61.
4. Ustawa z dnia 6 lipca 1923 r. o poborze daniny lasowej na cele odbudowy kraju [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inlnk.ru/yOJy8o>. – Дата доступа: 30.04.2024.
5. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 449.
6. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 830.
7. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 3. Д. 1214.
8. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 3. Д. 1215.
9. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 445.
10. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 3. Д. 1222.
11. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 3. Д. 1223.
12. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 459.
13. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 456.
14. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 853.
15. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 450.
16. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 2. Д. 3896.
17. Лаўрэнка, Л. В. Прамысловасць, рамесніцтва і гандаль на тэрыторыі Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / Л. В. Лаўрэнка. – Брэст, 2021. – 230 арк.
18. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 3. Д. 1221.
19. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 829.
20. Кучик, Б. Г. Информационный потенциал документов Государственного архива Брестской области как источников по истории становления налоговой системы на территории Западной Беларуси (1919–1939 гг.) / Б. Г. Кучик // Актуальные проблемы источниковедения : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 27–29 апр. 2023 г. : в 2 т. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А. Н. Дулов и М. Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2023. – Т. 2. – С. 165–167.
21. Оценка эффективности налогообложения прибыли в банковском секторе стран ЕАЭС и Евросоюза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/bv/pdf/articles/-10795.pdf>. – Дата доступа: 24.04.2024.
22. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 823.

23. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 825.
24. ГАБр. – Ф. 1. Оп. 3. Д. 1248.

REFERENCES

1. Gosudarstviennyj arkhiv Briestsoj oblasti (GABr). – F. 1. Op. 1. D. 323.
2. Autoreferat d-ra Marka Tkaczuka w postępowaniu o nadanie stopnia d-ra hab. [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://bip.usz.edu.pl/attachments/download/9547>. – Data dostupa: 24.04.2024.
3. Savich, A. A. Padatki u Zakhodniaj Bielarusi 1921–1939 hh. u adliustravanni ajchynnaj historyjahrafi / A. A. Savich // Izv. Gomiel. gos. un-ta im. F. Skoriny. – 2020. – № 4 (121). – S. 56–61.
4. Ustawa z dnia 6 lipca 1923 r. o poborze daniny lasowej na cele odbudowy kraju [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://inlnk.ru/yOJy8o>. – Data dostupa: 30.04.2024.
5. GABr. – F. 1. Op. 1. D. 449.
6. GABr. – F. 1. Op. 1. D. 830.
7. GABr. – F. 1. Op. 3. D. 1214.
8. GABr. – F. 1. Op. 3. D. 1215.
9. GABr. – F. 1. Op. 1. D. 445.
10. GABr. – F. 1. Op. 3. D. 1222.
11. GABr. – F. 1. Op. 3. D. 1223.
12. GABr. – F. 1. Op. 1. D. 459.
13. GABr. – F. 1. Op. 1. D. 456.
14. GABr. – F. 1. Op. 1. D. 853.
15. GABr. – F. 1. Op. 1. D. 450.
16. GABr. – F. 1. Op. 2. D. 3896.
17. Laurejenka, L. V. Pramyslovasc', ramiesnictva i handal' na terytorii Zakhodniaj Bielarusi (1921–1939 hh.) : dys. ... kand. hist. navuk : 07.00.02 / L. V. Laurejenka. – Brest, 2021. – 230 ark.
18. GABr. – F. 1. Op. 3. D. 1221.
19. GABr. – F. 1. Op. 1. D. 829.
20. Kuchik, B. G. Informacionnyj potencial dokumientov Gosudarstviennogo arkhiva Briestsoj oblasti kak istochnikov po istorii stanovljenija nalogovoj sistiemy na tierritorii Zapadnoj Bielarusi (1919–1939 gg.) / B. G. Kuchik // Aktual'nyje problemy istochnikoviedienija : materialy VII Miezhdunar. nauch.-prakt. konf., Vitiebsk, 27–29 apr. 2023 g. : v 2 t. / Vitiebsk. gos. un-t ; riedkol.: A. N. Dulov i M. F. Rumianceva (otv. ried.) [i dr.]. – Vitiebsk : VGU im. P. M. Masherova, 2023. – T. 2. – S. 165–167.
21. Ocenka effiektivnosti nalogooblozhenija pribyli v bankovskom siektore stran JeAES i Jevrosojuza [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://www.nbrb.by/bv/pdf/articles/-10795.pdf>. – Data dostupa: 24.04.2024.
22. GABr. – F. 1. Op. 1. D. 823.
23. GABr. – F. 1. Op. 1. D. 825.
24. GABr. – F. 1. Op. 3. D. 1248.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 19.11.2024

УДК 930 (476)

Елена Иосифовна Пашикович¹, Сергей Михайлович Чернякевич²

¹канд. ист. наук, доц., зав. каф. всеобщей истории

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

²магистр, руководитель по военно-патриотическому воспитанию
средней школы № 4 г. Бреста

Alena Pashkovich¹, Sergei Chernyakevich²

¹Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History
of Brest State A. S. Pushkin University

²Master, Head of Military-Patriotic Education of the Secondary School nr 4 of Brest

e-mail: ¹pashkovich_elena@tut.by; ²tschaes@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УКРАИНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛЕССКОГО ВОЕВОДСТВА В 1920-е – 1930-е гг.

Рассматриваются истоки украинского национального движения на территории Западного Полесья в начале XX в. и его дальнейшее развитие на примере деятельности украинских политических организаций в 1920-е – 1930-е гг. в контексте национальной политики польских властей.

Ключевые слова: Западная Беларусь, Полесское воеводство, Украинское социалистическое объединение «Селянский Союз», Украинское крестьянско-рабочее социалистическое объединение «Сельроб», Украинское национально-демократическое объединение, Украинский Центральный Комитет, Организация украинских националистов.

Activities of Ukrainian Political Organizations in the Territory of the Polesie Voivodeship in the 1920s – 1930s

The article examines the origins of the Ukrainian national movement in the territory of Western Polesie in the early 20th century and its further development using the example of the activities of Ukrainian political organizations in the 1920s – 1930s in the context of the national policy of the Polish authorities.

Key words: Western Belarus, Polesie Voivodeship, Ukrainian Socialist Association «Peasant Union», Ukrainian Peasant-Worker Socialist Association «Selrob», Ukrainian National Democratic Association, Ukrainian Central Committee, Organization of Ukrainian Nationalists.

Введение

В недавнем прошлом Беларусь была местом пересечения различных национальных проектов. Среди них одним из наименее известных является национальное движение украинского населения Западного Полесья. Изучение этого вопроса не только служит цели сохранения исторической памяти, но и позволяет лучше понять специфику этнокультурного развития региона.

На историческом факультете Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина изучение украинского вопроса осуществляется в рамках исследований по истории, культуры и религии западно-белорусских земель.

Среди работ брестских историков прежде всего следует выделить монографию А. Н. Вабищевича «Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.)», в которой рассмотрены определяющие компоненты национально-

культурной жизни этнических сообществ, в т. ч. украинцев, Западной Беларуси в 1920-е – 1930-е гг.: государственно-правовые механизмы, образование, национальные и религиозные движения, историко-культурные исследования, художественные ценности. В частности, освещается культурно-просветительская деятельность украинских общественных организаций: «Просвіта на Поліссі», «Украинский центральный комитет» и др. [1]. Теме национальных движений, в т. ч. украинскому, уделяется внимание в работах А. А. Савича [2], А. Н. Свирида [3], Н. В. Самосюк [4]. Так, Н. В. Самосюк прослеживает процесс распространения на территории Полесской епархии украинского национально-церковного движения, которое осуществлялось благодаря новому поколению священников, которые проходили обучение в Кременецкой духовной семинарии [4, с. 173].

А. Н. Свирид, исследуя вопрос создания Католической церкви Византийско-славянского обряда (неоунии) как ответа на угрозу распространения греко-католического вероисповедания и роста украинских национальных настроений, приходит к выводу, что в течение 1930-х гг. отношение правительства к ней менялось в отрицательную сторону, в т. ч. по причине препятствования полонизации «Крэсов» и усиления украинского элемента [3, с. 92].

Нельзя не упомянуть публикации брестского историка В. С. Мисиюка, посвященные истории украинцев на территории Брестчины в межвоенный период, в частности деятельности «Просвиты на Полесье», украинских театров, УЦК [5; 6].

Истории украинского национального движения в Полесском воеводстве посвящены работы выпускника исторического факультета БрГУ имени А. С. Пушкина С. С. Лисовского [7; 8]. Однако до сих пор в отечественной исторической науке отсутствует комплексная научная работа по теме украинского национального движения в Западной Беларуси и на Полесье, в частности в 1920-е – 1930-е гг.

Польские авторы в исследованиях украинского национального движения опираются на архивные материалы (отчеты воеводских и поветовых администраций, распоряжения МВД и др.), а также официальные статистические данные (Е. Миронович, П. Цихорацкий, В. Слешинский, Р. Высоцкий, Г. Халупчак, Т. Броварэк, М. Сырнык) [9–15]. В частности, П. Цихорацкий придерживается такой концепции: хотя Полесье оставалось самым «непольским» районом Польской Республики, деятельность украинских и белорусских группировок здесь в основном завершилась в начале 1930-х гг. Интерес представляет подробное рассмотрение П. Цихорацким вооруженного выступления летом – осенью 1932 г. на пограничье Камень-Каширского и Ковельского поветов [11, с. 23–139].

Украинские авторы, как правило, придерживаются концепции генетического и культурного родства между населением Украины и Полесья [16–18].

Основная часть

Истоки украинского национального движения на территории Западного Полесья

можно найти еще на рубеже XIX и XX вв. В 1905 г. в селе Кобыляны Брестского уезда была основана библиотека-читальня имени Тараса Шевченко [18, с. 354]. В 1905–1914 гг. в Брест-Литовске украинский писатель и публицист Оноприй Василенко (Охрим Варнак) проводил украинские культурные акции, из солдат и офицеров создал украинский хор и самодеятельный театр, организовывал «шевченковские» вечера [18, с. 354]. По данным всеобщей переписи 1897 г., только в Кобринском и Брестском уездах проживало 287,4 тыс. жителей, разговаривавших на украинском языке, и они составляли большинство местного населения (до 80 % в Кобринском уезде и до 65 % в Брестском). Но стоит отметить, что программа переписи 1897 г. относилась западно-полесский говор к украинскому языку, а у самих жителей Полесья не было устойчивого национального самоопределения [19].

В годы Первой мировой войны в 1915–1918 гг. во время немецкой оккупации на Западное Полесье стало проникать более организованное украинское движение. Сначала в Бяло-Подляске, а впоследствии в Бресте стал издаваться еженедельник «Рідне слово» [18, с. 354]. В сельской местности были открыты украинские начальные школы, в частности в деревнях Лисовичи, Новый Двор, Черняны, Новоселки, Бельское, где обучалось 327 детей [16, с. 35]. Через некоторое время в украинской прессе указывалось о действовавшей в регионе 21 украинской школе, в которых обучалось 1 250 детей [16, с. 37]. Немецкие оккупационные власти не препятствовали их возникновению с целью ослабления польского влияния на местное население.

Еще большие возможности для украинского движения появились после заключения 3 марта 1918 г. Брестского мирного договора, согласно которому земли к югу от Полесской железной дороги формально были переданы Украинской Народной Республике. Фактически же, поскольку регион являлся стратегически важным для Германии и Австро-Венгрии, он находился под их военным управлением.

Белорусское Полесье рассматривалось украинским национальным движением как часть Великой Украины, а полешуки Брестчины были идентичны полешукам Волыни, что давало основание считать

Западное Полесье этнически украинской территорией. Согласно данным переписи 1918 г., украинцы составляли в Брестском уезде 68,3 % населения, Березовском – 76,6 %, Дрогичинском – 72,8 %, Ивановском – 67,8 %, Кобринском – 69,9 %, Пружанском – 71,4 % [20, с. 1].

При содействии украинских государственных структур в 1918 г. в Бресте были организованы курсы украиноведения для учителей, украинская школа, открыт книжный магазин, а 1 декабря было основано общество «Просвита», непосредственным инициатором создания которого стал холмский комиссар образования Карпо Дмитриук [21, с. 15]. Всего на Полесье планировали открыть 320 украинских школ [16, с. 43]. Развертывание на этой территории структурами УНР деятельности по украинизации края не было позитивно оценено местным населением. На экспансию УНР полешуки ответили просоветским вооруженным восстанием, известным как Полесское, Дреговицкое, или Столинское, в ходе которого в начале февраля 1919 г. на некоторое время белорусскими повстанческими отрядами был занят Пинск.

Однако украинские учреждения существовали недолго. Еще 13 ноября 1918 г. ВЦИК РСФСР аннулировал Брестский мир, а в феврале – июне 1919 г. Брестско-Пинское Полесье оккупировала Польша. После оккупации региона польские власти подавили восстание, арестовали проукраинских деятелей и членов украинской администрации (в частности А. Скоропис-Йолтуховского – видного деятеля украинской эмиграции, губернского комиссара УНР в Холмской губернии в марте – ноябре 1918 г.) [18, с. 26]. В 1920 г. для содержания пленных солдат УНР польские власти открыли в Бресте лагерь для военнопленных [18, с. 360]. Но в том же 1920 г. в Бресте под польским контролем в составе Войска Польского во время польско-советской войны была сформирована украинская дивизия полковника Безручко, интернированного польскими властями в ноябре 1920 г. после прекращения боевых действий, а впоследствии возглавлявшего военную миссию и интернированный штаб армии УНР в Варшаве [6].

По Рижскому миру 18 марта 1921 г. Брестчина вошла в состав Польши. После

этого события условия для украинского национального движения на Полесье резко изменились. По мнению П. Эберхарда, который ссылается на данные всеобщей переписи населения, в 1921 г. численность украинцев в Полесском воеводстве была около 156 тыс. человек, при этом украинцы составляли существенную часть жителей в Сарненском, Камень-Каширском, Кобринском и Брестском поветах [22]. Польские власти на Полесье всеми средствами желали ограничить влияние на местное население украинского национального движения, вынашивая собственные планы его колонизации. С. Довнар-Вич, министр внутренних дел Польши в 1921–1922 гг., а в 1922–1924 гг. – полесский воевода, утверждал, что именно Полесье является важнейшим звеном для успешной ассимиляции непольского населения. С. Довнар-Вич считал, что наихудшим вариантом развития событий для польских государственных и национальных интересов будет, «если эти два национализма подадут друг другу руку над Припятью». Поэтому Полесье предполагалось превратить в своеобразный буферный регион, изолированный от влияний «враждебных национализмов». «Полесье необходимо использовать таким образом, чтобы вбить польский клин между белорусским движением с севера и украинским движением с юга», – писал воевода [23, л. 4]. Показательным фактом реализации такой политики является то, что уже в 1922/23 учебном году из 2 996 украинских школ по всей Польше в Полесском воеводстве было только 22 [1, с. 221].

В 1922 г. на первых выборах в Сейм Польши от Полесского воеводства были избраны три украинских депутата: Василь Дмитриук, Сергей Хруцкий и Иван Пастернак; всего по итогам выборов в Сейм украинцы получили 20 посольских мандатов [18, с. 355]. В своей депутатской деятельности С. Хруцкий и В. Дмитриук «соприкасались» с русским движением в воеводстве. Украинские послы старались найти союзника в лице православной церкви, обещая взамен поддержку в Сейме [24, л. 7]. Вскоре украинские послы создали Украинский клуб, большинство участников которого придерживались социалистических взглядов. Необходимо отметить значительную работу послов в развитии украинского

движения на Полесье. Основной формой их деятельности была организация митингов, на которых давался отчет о проделанной работе и дальнейших планах Украинского клуба, а также заслушивались жалобы местного населения на многочисленные злоупотребления польской администрации.

Зимой 1924 г. Украинский клуб раскололся, у оставшихся в нем социалистов возникла идея создания легальной партии. Такая организация была создана 5 августа 1924 г. на съезде в Бресте и получила название *Украинского социалистического объединения «Селянский Союз» («Сель-Союз»)*. В программе организации утверждалось, что «Сель-Союз» является «классовой партией украинского крестьянства» и что в его задачи входит борьба за передачу церковных и помещичьих земель крестьянству, национализацию природных богатств, введение обязательного светского образования, 8-часового рабочего дня, страхования рабочих. Таким образом, «Сель-Союз», консолидовав леворадикальное направление украинского национального движения на Полесье, стал рассматриваться КПЗБ как легальная площадка продвижения своих целей. Это послужило причиной отказа от сотрудничества с «Сель-Союзом» целого ряда «умеренных» украинских деятелей, в т. ч. посла В. Дмитриюка.

К концу 1924 г. на Полесье действовали два окружных комитета «Сель-Союза» (в Кобрине и Дрогичине), а также несколько десятков сельских комитетов в южной части Брестского повета, в Кобринском, Дрогичинском и Пинском поветах [25, л. 24]. Руководителем Окружного комитета в Дрогичине был Григорий Яроц, житель д. Староселье Дрогичинской гмины.

Успехам «Сель-Союза» в значительной мере способствовала деятельность посла С. Макивки и двух руководителей Кобринского окружного комитета – В. Пархотика и Д. Рафаловича. Как указывалось в донесениях полиции, В. Пархотик ездил по деревням Дрогичинского повета и агитировал население создавать кружки «Сель-Союза». В августе 1926 г. перед собравшимися жителями Мотоля, Стрельно и Дружилович выступили депутаты Макивка и Пастернак. В полицейских донесениях обращалось внимание на то, что местное население охотно вступало в сельские комитеты

«Сель-Союза», которых в сентябре 1926 г. в гминах Вороцевичи, Дружиловичи, Мотоль, Иваново насчитывалось 18. С целью привлечения в свои ряды «Сель-Союз» практиковал раздачу ячменя (16 000 кг), доставленного из УССР в июне 1926 г. при участии Макивки на имя Григория Яроца [25, л. 24, 28; 26, л. 12]. Жителям Мотольской, Дружиловичской, Яновской гмин выдавали по 1 пуду зерна при условии вступления в организацию [25, л. 33]. Агитация проходила также путем распространения таких изданий, как «Наше життя» и «Воля народа», и содержала коммунистические идеи. На страницах этих газет говорилось, что правительство, насаждая осадничество, стремится к полонизации края и не считает местное население украинцами, что оно совсем не заботится об улучшении материального благосостояния местного населения, что на плечи крестьян целиком легла выплата налогов, которые идут на содержание армии, чиновников, полиции [25, л. 33].

Деятельность «Сель-Союза» была привлекательной и для жителей, разделявших украинские национальные идеи, среди которых были православные священники. Как указывалось в отчете поветового старосты, настоятель церкви в Лясковичах Гавриил Федосюк и священник храма в Стрельно агитировали вступать в ряды организации. Они якобы собирали по вечерам на беседы местную молодежь, читали газеты «Воля народа» и «Наше життя». 6 июня 1926 г. в церкви в Лясковичах служили панихиду по убитому в Париже атаману Петлюре. Настоятель церкви Гавриил Федосюк проводил богослужение на украинском языке [25, л. 28об.]. Священник Малеша в Сочивках Дружиловичской гмины вел занятия в школе на украинском языке, при этом часто отходил от религиозных тем и рассказывал детям историю Украины [25, л. 33].

10 октября 1926 г. во Львове произошло объединение волынского-холмской национально-социалистической партии «Сель-Союз» и галицкой партии «Народная воля» в одну организацию – *Украинское крестьянско-рабочее социалистическое объединение «Сельроб» («Сель-Роб»)*. Структуры «Сель-Союза» на Полесье автоматически получили названия созданной партии.

В программу объединения входили следующие положения: борьба за социализм,

ликвидация империализма и войн, создание рабоче-крестьянского правительства, реализация права украинского народа на самоопределение, передача всей земли крестьянам без выкупа, прогрессивное налогообложение, обобществление средств производства, 8-часовой рабочий день [27, с. 110]. В своей деятельности «Сельроб» придерживался явной просоветской ориентации и был чрезвычайно популярен на Полесье. На территории Полесского воеводства действовал окружной комитет объединения, семь повтовых комитетов, более 100 кружков (объединяли около 1,5 тыс. человек). Особенно популярен «Сельроб» был в Брестском, Кобринском и Пинском поветах. По данным полиции, число сочувствующих «Сельробу» в Полесском воеводстве достигало 50 тыс. человек [28, с. 110].

«Сельроб», являясь легальной левой партией, поддерживал связь с КПЗУ и КПЗБ. В июле 1927 г. во время арестов членов КПЗБ в Дрогичинском повете выяснилось, что некоторые из них были членами «Сельроба». Что касается коммунистов, то Полесское воеводство являлось преимущественно сферой влияния КПЗБ. На территории воеводства в июне 1933 г. ячейки КПЗУ, в которые входили 82 человека, действовали только в Камень-Каширском повете, [10, с. 288].

Руководствуясь инструкциями Коминтерна, деятели «Сельроба» для ведения собственной агитации с конца 1926 г. использовали кружки и библиотеки-читальни крупнейшей украинской культурно-просветительской организации «Просвіта на Поліссі», опираясь на ее легальный статус [1, с. 223]. Под влиянием «Сельроба» находились и отделения просветительской организации «Рідна хата».

Успешное участие «Сельроба» в выборах в 1928 г. еще больше обеспокоило польские власти. Активизация левых украинских партий привела к пристальному вниманию польских властей к любым инициативам украинских политиков. Эта подозрительность была продемонстрирована в процессе легализации *Червільсько-Руської організації «Згода»* в 1929 г. Эта организация декларировала стремление достигнуть взаимопонимания между поляками и украинцами, и в целом ее программа была написана в крайне лояльном к Польской Респуб-

лике тоне. Но воевода сомневался в целесообразности легализации и поинтересовался об активности «Згоды» в других воеводствах. Только из Кракова позитивно отозвались об этой организации. Однако уже через несколько месяцев краковский воевода изменил свое мнение после беспорядков, вспыхнувших вследствие митинга «Згоды» [29, л. 17].

На основании всеобщей переписи 1931 г. численность украинцев в Полесском воеводстве, по мнению демографов, составляла 53 578 человек (4,8 %), из которых 22 258 (19,6 %) проживало в Кобринском повете, 8 437 (8,9 %) – в Камень-Каширском, 17 100 (8 %) – в Брестском. Сокращение численности украинского населения по сравнению с 1921 г. объясняется так: в 1930 г. Сарненский повет с многочисленным украинским населением вошел в состав Волынского воеводства, местное население в условиях санации старалось уйти от возможных конфликтов с государством и относилось к «туземцам». На 1 января 1929 г. в самоуправлении и государственном управлении Полесского воеводства насчитывалось 197 граждан украинской национальности, из них 100 – в Сарненском повете, 47 – в Кобринском, 24 – в Брестском, 12 – в Столинском [24, л. 2].

С конца 1920-х гг. украинское движение на Полесье из-за отсутствия единства переживало в своем развитии кризисные явления. Противостояние умеренных и леворадикальных украинских активистов привело к расколу «Сельроба» и сворачиванию украинской культурно-просветительской деятельности в регионе. В 1932 г. во всей Польской Республике деятельность партии «Сельроб» была запрещена, на этом же закончилась и ее история на Полесье. Некоторые предшествующие запрету события разворачивались в Полесском воеводстве и привели к ухудшению отношения польских властей ко всем украинским национальным организациям.

Летом – осенью 1932 г. на границе Камень-Каширского и Ковельского поветов происходили беспорядки, в ходе которых двое полицейских погибли и один был ранен. Были жертвы и среди гражданского населения: в ходе этих беспорядков был убит войт гмины Боровно Камень-Каширского повета (центр – село Великий Обзыр, ныне

Волынская область Украины) Максим Смолярчук.

На протяжении 1932 г. вооруженная группировка совершила несколько нападения на полицейских. Согласно официальным данным, диверсионная группа насчитывала около 100 человек. В основном это была политизированная сельская молодежь. Только после привлечения полиции и регулярных частей польской армии (около 1 000 человек) группу удалось ликвидировать. И хотя размах беспорядков не был широким, а население в целом отнеслось к ним пассивно, в некоторых случаях даже помогая полиции в преследовании, реакция из-за рубежа на эти события сильно взволновала польские власти. Беспорядки в Польше упоминались в 14 иностранных газетах, в некоторых из которых число повстанцев доводили до 400 000 человек [30, л. 3–6]. Полесский воевода в отчете для МВД напрямую обвинял национальные организации в связях с коммунистами: «Как только произошел съезд (Коминтерна), сразу началась активизация “Просвіты”» [30, л. 5].

Описанные выше события стали еще одним поводом для запрета «Сельроба». 26 сентября 1932 г. прошли аресты ее лидеров, которые впоследствии были осуждены за антиправительственную агитацию и коммунистическую пропаганду. Таким образом, на Полесье перестала существовать единственная легальная украинская политическая партия [31, л. 25].

Не нашла достаточной поддержки среди местного населения и *Украинская народная партия*, которая пробовала создать на Полесье местные отделы еще в 1924 г. В 1934 г. неудачей закончилась попытка организовать здесь Украинскую крестьянскую партию и Украинское крестьянское объединение [12, s. 289]. В ответ на активизацию политического движения действия польских служб безопасности были решительными. С сентября 1931 г. по март 1934 г. в Польше из 270 вынесенных смертных приговоров 132 были в северо-восточных воеводствах [12, s. 317].

В 1934 г. член *Украинского национально-демократического объединения* (Українське національно-демократичне об'єднання – УНДО), журналистка, писательница, сенатор Елена Киселевская (1928–1935) осуществила ряд путешествий

по Полесью. Е. Киселевская посещала Пинск, Дрогичинский и Коссовский поветы. Во время своих путешествий она общалась не только с хозяевами гостиниц и местными украинскими активистами, но и с населением. У людей она спрашивала о ценах, жизни местного населения, фотографировала народные костюмы и раздавала украинские газеты, не только «Свободу», официальную газету УНДО, но и другие издания. Например, она активно распространяла газету «Жіноча воля», в которой размещались советы для женщин по ведению хозяйства и сохранению здоровья [32, л. 45]. Она же распространяла газету «Відродження» – иллюстрированный орган антиалкогольного движения [32, л. 32]. Разумеется, даже такие издания можно назвать элементом «мягкой силы» украинского движения, т. к. в дальнейшем Е. Киселевская распространяла номера «Рідної школи», где рассказывалось про организацию украинского образования на Волыни. В одном из номеров «Свободы» были статьи в защиту кооперативного движения [32, л. 55]. Интересным является то, что Е. Киселевская местному населению рекомендовала себя как представитель украинской и белорусской общественности [32, л. 3].

Общественно-политический отдел Полесского воеводства искал глубинные причины путешествий Киселевской, ссылаясь на то, что после разгрома «Сельроба» это была первая за несколько лет попытка проникновения в воеводство украинской политической партии [32, л. 10].

УНДО пыталась распространить свое влияние на территории Полесья значительно раньше – еще во второй половине 1920-х гг. Хотя формальных структур эта партия в регионе тогда так и не создала, но приобрела последователей. Под влиянием этой партии находился Украинский кооперативный банк в Бресте над Бугом, украинский кооператив потребителей «Єдність» в Орхове [12, s. 289].

Под бдительным контролем польских властей находился также *Украинский Центральный Комитет* (Український Центральний Комітет – УЦК) – организация украинской политической эмиграции, которая с начала 1920-х гг. занималась опекой над бывшими солдатами армии УНР.

Первые попытки создать организацию украинских эмигрантов на Полесье

предпринял Виктор Соловей (Віктор Соловій) – руководитель юридического отдела при Верховном атамане С. Петлюре в 1920–1922, с августа 1924 – полномочный представитель Украинского центрального комитета в Бресте [6, с. 6]. Отделения УЦК на территории Полесского воеводства были зарегистрированы в 1922 г. в Сарненском и Камень-Каширском поветах. Немногочисленные группы украинских эмигрантов были зафиксированы в Пинске, Кобрине, Янове, Лесной, Миловидах, Столбцах. Отделения УЦК организовывали для бывших солдат УНР лекции, курсы украиноведения, вели другую культурно-просветительскую работу [1, с. 228]. Со временем УЦК начал работать не только с бывшими солдатами УНР, но и с другими эмигрантами украинской национальности.

Когда в 1928 г. было создано Бюро проекта мелиорации Полесья, для работы в нем в Брест направили выпускников Украинской хозяйственной академии (Українська господарська академія), которая располагалась в Подебрадах (Чехословакия). Эти молодые инженеры стали активными деятелями «Просвіты»; в частности, в отчетах воеводского управления указывается на их попытки «в украинском духе» агитировать крестьян [31, л. 46, 48]. Для связи с такими приезжими УЦК создавал отделы на местах, которые часто закрывались, как только эмигранты покидали воеводство [31, л. 48].

С 1929 г. деятельности УЦК на Полесье активизировалась, что выразилось в вербовке в свои ряды бывших солдат украинской армии (в воеводстве их насчитывалось около 2 000 человек) [6, с. 7]. В 1929 г. отделения УЦК были организованы в Бресте над Бугом (76 человек, председатель – Михаил Шевченко), в Блудене Пружанского повета (председатель – Филип Шульга), в Ивацевичах, где насчитывалось 150 украинских эмигрантов (председатель – Александр Гребенюк) [33, л. 31; 6, с. 7]. Брестский отдел УЦК являлся одним из самых крупных в межвоенной Польше; в 1931 г. он открыл стационарную библиотеку, позже – детский сад. После приобретения в 1935 г. собственного помещения (ныне Пушкинская, 85) там разместилась «Хата казака» – своеобразный украинский культурный центр.

Отдел УЦК в Слониме, созданный также в 1929 г., объединял украинских рабо-

чих деревообрабатывающих предприятий в Слонимском повете [1, с. 229]. С конца 1920-х гг. ежегодно проводились мероприятия в честь С. Петлюры, Т. Шевченко, лекции по истории Украины. Библиотеки выписывали «Тризуб» (Париж), «Дорогой независимости» (орган УЦК), «За независимость», альманах «Днепр», «Вести УЦК» и другие печатные издания украинских эмигрантов [1, с. 228].

В УЦК попадали радикалы, но, как правило, комитет сам от них избавлялся. Так, в 1932 г. из рядов УЦК были исключены около 30 человек, которые отличались радикальной политической активностью [31, л. 46]. Активистов комитета польские власти подозревали в сепаратизме и, хотя до открытых репрессий дело не доходило, подробно фиксировали мероприятия внутри УЦК, наблюдали за отделами организации в поветах, а также держали на контроле их связь с другими украинскими партиями и активистами [33, л. 18–32]. УЦК приходилось сотрудничать с польскими властями. В отчетах о деятельности национальных меньшинств упоминается, что среди украинских организаций именно УЦК первым отреагировал на смерть Ю. Пилсудского и принял участие в траурных мероприятиях [35, л. 66].

В 1938 г. в составе брестского отделения УЦК числилось только 23 человека, основная деятельность которых выражалась в сборе пожертвований на помощь нуждающимся, помощи в трудоустройстве, опеке над детьми [33, л. 15–17].

В 1930-х гг. начинается проникновение на территорию Полесского воеводства *Организации украинских националистов* (Організація українських націоналістів – ОУН). Особенную настороженность по отношению к этой ультраправой украинской националистической организации можно наблюдать в 1935 г., когда на основе агентурного доклада МВД было разослано сообщение воеводам и старостам. В этой переписке говорится о конференции ОУН, на которой обсуждался план засылки 24 ее боевиков на Волынь и Полесье [3, л. 9–13]. Эти опасения были небезосновательны. В 1935 г. в рамках партийной структуры ОУН была создана новая организационная единица – Исполнительное бюро Краевой Организации украинских националистов на

северо-восточных украинских землях. В ее задачи входила координация деятельности ОУН на Полесье и Подляшье. На Полесье были направлены тайные эмиссары, которые под видом хозяйственной деятельности изучали регион и занимались вербовкой. В результате проведенной работы ОУН достаточно быстро распространила определенное влияние в Бресте и Кобрине. В Кобрине планировалось даже создать Кобринское поветовое исполнительное бюро.

В 1936 г. внимание властей привлёк сбор средств на Подляшье в помощь голодающим крестьянам Полесья. Воеводские власти приказывали старостам следить за украинским движением и не допустить его возможной активизации [36, л. 9]. До конца 1930-х гг. общественно-политический отдел Полесского воеводского управления настоятельно рекомендовал обращать пристальное внимание на возможность проведения акций ОУН на территории Полесья [12, с. 289].

Страх перед радикальным украинским движением приводил к репрессиям не только против украинцев. В отчетах воеводского управления за июль 1938 г. фигурирует факт появления в еврейских магазинах батареек с изображением Т. Шевченко и украинскими надписями [37, л. 64]. В декабре того же года упоминается об изъятии тиража украинских календарей, напечатанных русским издательством «Добро» в Варшаве [37, л. 2]. Власти пытались контролировать, кто обучается в украинских учреждениях образования вне зависимости от их активности. Борьба с украинским влиянием принимала формы административного давления: изымалась почта, посылки отправлялись отправителю под видом отказа получателя их принимать. В отчетах упоминается и о задержании под предлогом подозрения в незаконной торговле путешествующих по Полесью молодых украинцев из других регионов, [37, л. 1].

Таким образом, хотя на первый взгляд кажется, что на протяжении 1930-х гг. количественно и качественно украинское национальное движение год от года становилось все слабее, репрессии польских властей против украинских активистов со временем усиливались.

Эти процессы во многом были связаны с приходом к руководству Полесским воеводством после Я. Крахельского, кото-

рый придерживался относительно либеральных методов в осуществлении национальной политики, Вацлава Костек-Бернацкого (1932–1939), сторонника радикального крыла лагеря пилсудчиков и курса на ускорение полонизации Полесья. Он выступал за активное использование административно-полицейских методов. В конце 1936 г. собственный план относительно полонизации Полесья предложили военные круги – руководство IX Корпуса охраны пограничья. Предлагалось применять самые жесткие меры, вплоть до запрета деятельности и удаления нежелательных «единиц». На заседании поветовых старост, которое состоялось 25–26 января 1938 г. в г. Бресте над Бугом, полесский воевода В. Костек-Бернацкий среди главных задач внутренней политики Польского государства наряду с проблемой защиты страны назвал полонизацию Полесья [38, с. 283]. 5 апреля 1938 г. В. Костек-Бернацкий разослал всем органам местного управления негласное указание о принципах проведения ими национальной политики в отношении жителей Полесья: «Полешуков, которые не признают себя положительно украинцами, белорусами или русскими, надо признавать поляками, несмотря на вероисповедание и народный говор» [38, с. 283].

Заклучение

Первоначально польские власти лояльно отнеслись к украинскому национальному движению, хотя в первой половине 1920-х гг. оно было практически полностью дезорганизовано и не представляло какой-либо угрозы. Терпимая политика польской администрации позволила возникнуть новым украинским организациям. Уже в первой половине 1920-х гг. в Полесском воеводстве начали появляться украинские социалистические кружки. Вслед за появлением культурно-просветительской организации «Просвіта» возник «Украинский кооперативный банк в Бресте над Бугом», Украинский центральный комитет. Наивысший подъем этих организаций пришелся на 1928–1929 гг. Украинским политическим силам в ходе выборов удалось быть представленными в Сейме.

Энергичная работа культурно-просветительских организаций совпала с периодом политической активности социа-

листических партий, которые привлекали население идеями социальной справедливости и объединения с республиками СССР. Единственной легальной украинской политической организацией в Полесском воеводстве длительный период оставался «Сельсоюз», преобразованный в 1926 г. в «Сельроб». Активизация украинского левого движения вызвала опасение польских властей перед растущим коммунистическим влиянием. Усилились контроль и репрессии, а малейшее подозрение в приверженности коммунистическим идеям могло привести к установлению полицейского надзора.

Партия УНДО (в отличие от социалистов) вела более осмотрительную деятельность. Со второй половины 1930-х гг. все большую настороженность у польских

служб безопасности стала вызывать угроза распространения на территории Полесского воеводства радикальной украинской националистической организации ОУН. Власти перешли к массовым задержаниям подозреваемых в связях с этой организацией. В Полесском воеводстве ОУН не смогла наладить активной деятельности или осуществить какую-либо значительную акцию.

Наблюдая картину разгрома организованного украинского движения, в отчетах начала 1939 г. общественно-политический отдел все равно с опасением докладывал о возможности его возрождения на Полесье, хотя влияние украинских организаций (особенно националистических) на политическую жизнь региона было незначительным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Вабішчэвіч, А. М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. М. Вабішчэвіч. – Брэст, 2008. – 319 с.
2. Савіч, А. А. Нацыянальна-вызваленчы рух у Заходняй Беларусі (1921–1939 гады): гістарыяграфія праблемы : манаграфія / А. А. Савіч. – Брэст : БрДУ, 2012. – 296 с.
3. Свирид, А. Н. Униатская церковь в Западной Беларуси (1921–1939 гг.) / А. Н. Свирид. – Брест : Изд-во БрГУ, 2012. – 230 с.
4. Самосюк, Н. В. Деятельность Православной церкви как фактор развития культурной идентичности населения Западной Беларуси (1921–1939 гг.) / Н. В. Самосюк. – Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина, 2020. – 210 с.
5. Мисиюк, В. С. Деятельность украинских театров на территории Полесского воеводства [Электронный ресурс] / В. С. Мисиюк. – Режим доступа: <https://rep.bstu.by/bitstream/handle/-data/33059/148-151.pdf?sequence=1&isAllowed=y>. – Дата доступа: 20.01.2024.
6. Мисиюк, В. С. Организация украинских эмигрантов в Полесском воеводстве (1921–1939 гг.) / В. С. Мисиюк // Моладзь Берасцейшчыны : зб. студэнц. навук. пр. ; навук. рэд. І. І. Акінчыц. – Брэст, 1998. – С. 6–9.
7. Лисовский, С. С. Культурно-просветительская деятельность украинских национальных организаций на юго-западных белорусских землях в 1921–1926 гг. / С. С. Лисовский // Трансфармацыя культуры і грамадства беларускага Полесся: мінулае, сучаснасць і перспектывы : матэрыялы Міжнар. навук. канф. студэнтаў і аспірантаў, Брэст, 15–16 сак. 2002 г. / Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна. – Брэст : БрДУ імя А. С. Пушкіна, 2003. – С. 96–103.
8. Лисовский, С. С. Украинское национальное движение на белорусских землях Полесского воеводства в 1921–1925 гг. / С. С. Лисовский // Берасцейскі хранограф : зб. навук. пр. ; рэд. рада: М. Э. Часноўскі [і інш.]. – Брэст : Академия, 2004. – Вып. 4. – С. 182–186.
9. Mironowicz, E. Białorusini i ukraińcy w polityce obozu pilsudczykowskiego / E. Mironowicz. – Białystok : Trans Humana, 2007. – 294 s.
10. Cichoracki, P. Województwo Poleskie 1921–1939. Z dziejów politycznych Polesia / P. Cichoracki. – Łomianki, 2014. – 488 s.
11. Cichoracki, P. Polesie nieidyliczne. Zaburzenia porządku publicznego w województwie Poleskim w latach trzydziestych XX w. / P. Cichoracki. – Łomianki, 2007. – 295 s.
12. Śleszyński, W. Bezpieczeństwo wewnętrzne w polityce Państwa Polskiego na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej / W. Śleszyński. – Warszawa : Rytm, 2007. – 400 s.
13. Browarek, T. Mniejszości narodowe w Polsce 1918–1995 / T. Browarek, H. Chalupczak. – Lublin : UMCS, 1998. – 233 s.

14. Wysocki, R. Organizacja Ukraińskich Nacjonalistów w Polsce 1929–1939 / R. Wysocki. – Lublin : UMCS, 2003. – 433 s.
15. Syrnyk, M. Ukraińcy w Polsce 1918–1939. Oświata i szkolnictwo / M. Syrnyk. – Wrocław : Krynica desing studio, 1996. – 186 s.
16. Винниченко, І. Українці Берестейщини, Підляшшя й Холмщини в першій половині ХХ століття. Хроніка подій / І. Винниченко. – Київ, 1997. – 288 с.
17. Павлюк, І. Хрестоматія української легальної преси Волині, Полісся, Холмщини та Підляшшя 1917–1939, 1941–1944 рр. / І. Павлюк, М. Мартинюк. – Луцьк : Твердиня, 2005. – 428 с.
18. Леонюк, В. Г. Словник Берестейщини / В. Г. Леонюк. – Львів : Афіша, 1996. – 360 с.
19. Первая всеобщая перепись населения Российской империи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://istmat.org/files/uploads/15771/perepis_1897_vypusk_7.pdf. – Дата доступа: 14.03.2023.
20. Климчук, Ф. Этническая структура населения Брестской области (к вопросу о «скрытых» этносах) / Ф. Климчук // Гістарычная брама : гіст.-краязн. часоп. – 1999. – № 2–3 (12–13). – С. 1.
21. Квартирук, Л. Організація учительської спілки на Підляшшю та інші події / Л. Квартирук // Літопис Волині : наук.-популяр. зб. Волинезнавства. – Вінніпег, 1966. – Ч. 8. – С. 14–19.
22. Эберхард, П. Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі: 1897–1989 / П. Эберхард ; пер. з пол. У. Люкевіча. – Брэст : Belfort : БФС, 1997. – 282 с.
23. Общий план программы государственных работ на Полесье (1 марта 1923 г.) // Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 1. Оп. 2. Д. 157.
24. Сообщения Полесского воеводского управления об общественно-политической ситуации в воеводстве за 1923 г. // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 9. Д. 48.
25. Отчеты, сообщения и информация полиции об общественно-политическом движении на территории Дрогичинского повета, 1926–1933 гг. // ГАБр. – Ф. 2004. Оп. 3. Д. 2.
26. Отчеты полесского воеводы и поветовых старост о состоянии и деятельности украинских политических партий и общественных организаций на территории Полесского воеводства (1930 г.) // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 9. Д. 1181.
27. Мисюк, В. С. Сельроб / В. С. Мисюк // Брест. Брэст. Brest. 1000 / сост. А. Н. Вабишевич. – Минск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2019. – С. 81.
28. Пушук, І. А. Берестійщина у міжвоєнний час. 1919–1939 рр. / А. І. Пушук. – Луцьк : Волин. обл. друк., 2006. – 264 с.
29. Донесения поветовых старост, переписка с краковским, львовским и другими воеводами об организации и деятельности украинских политических организаций в воеводстве // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 9. Д. 853.
30. Отчеты украинской организации «Просвита» (1928–1932 гг.) // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 9. Д. 457.
31. Отчеты об общественно-политической ситуации в Полесском воеводстве // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 138.
32. Доклад, отчеты и сведения Полесского воеводского управления об украинском политическом движении на территории Полесья за 1918–1934 гг. // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 9. Д. 45.
33. Сообщения общественно-политического отдела Полесского воеводского управления о деятельности украинской организации «Просвита», Украинского центрального комитета (1936–1939 гг.) // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 1055.
34. Месячные и недельные отчеты полесского воеводы о движении национальных меньшинств в воеводстве за 1930 г., 1932 – 1936 гг. // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 9. Д. 1022.
35. Сообщения общественно-политических отделов Полесского, Волынского воеводских управлений и донесения пинского поветового старосты о деятельности организаций украинских националистов с приложением журнала «Батьківщина», 1935 г. // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 745.
36. Сообщения общественно-политического отдела Полесского воеводского управления и следственных органов об украинском движении за оказание голодающему населению Полесья (1936 г.) // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 1056.
37. Отчет общественно-политического отдела Полесского воеводского управления и сообщения поветовых старост об украинском политическом движении на Полесье (1936–1939 гг.) // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 997.

38. Этнокультурные процессы Западного Полесья (Брестчины) в прошлом и настоящем / А. В. Гурко [и др.] ; науч. ред. А. В. Гурко ; Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорус. культуры, яз. и лит., Ин-т этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы. – Минск : Беларус. навука, 2020. – 621 с.

REFERENCES

1. Vabishchevich, A. M. Nacyjanal'na-kul'turnaje zhyccio Zakhodniaj Bielarusi (1921–1939 hh.) / A. M. Vabishchevich. – Brest, 2008. – 319 s.
2. Savich, A. A. Nacyjanal'na-vyzvalienchy rukh u Zakhodniaj Bielarusi (1921–1939 hady): histaryjahrafija prabliemy : manahrafija / A. A. Savich. – Brest : BrDU, 2012. – 296 s.
3. Svirid, A. N. Uniackaja cerkov' v Zapadnoj Bielarusi (1921–1939 gg.) / A. N. Svirid. – Brest : Izd-vo BrGU, 2012. – 230 s.
4. Samosiuk, N. V. Diejatiel'nost' Pravoslavnoj cerkvi kak faktor razvitija kul'turnoj identichnosti nasielienija Zapadnoj Bielarusi (1921–1939 gg.) / N. V. Samosiuk. – Brest : BrGU im. A. S. Pushkina, 2020. – 210 s.
5. Misijuk, V. S. Diejatiel'nost' ukrainskikh tieatrov na tierritorii Poliesskogo vojevodstva [Elektronnyj riesurs] / V. S. Misiiuk. – Riezhim dostupa: <https://rep.bstu.by/bitstream/handle/data/-33059/148-151.pdf?sequence=1&isAllowed=y>. – Data dostupa: 20.01.2024.
6. Misijuk, V. S. Organizacija ukrainskikh emigrantov v Poliesskom vojevodstvie (1921–1939 gg.) / V. S. Misijuk // Moladz' Bierasciejshchyny : zb. studenc. navuk. pr. ; navuk. red. I. I. Akinchyc. – Brest, 1998. – S. 6–9.
7. Lisovskij, S. S. Kul'turno-prosvietitel'skaja diejatiel'nost' ukrainskikh nacional'nykh organizacij na jugo-zapadnykh bieloruskikh ziemliakh v 1921–1926 gg / S. S. Lisovskij // Transformacija kul'tury i hramadstva bieloruskaha Paliessia: minulaje, suchasnasc' i pierspiektyvy : materyjaly Mizhnar. navuk. kanf. studentau i aspirantau, Brest, 15–16 sak. 2002 h. / Bresc. dziarzh. un-t imia A. S. Pushkina. – Brest : BrDU imia A. S. Pushkina, 2003. – S. 96–103.
8. Lisovskij, S. S. Ukrainskoje nacional'noje dvizhenje na bieloruskikh ziemliakh Poliesskogo vojevodstva v 1921–1925 gg. / S. S. Lisovskij // Bierasciejski khranohraf : zb. nauk. pr. ; red. rada: M. E. Chasnouski [i insh.]. – Brest : Akademija, 2004. – Vyp. 4. – S. 182–186.
9. Mironowicz, E. Białorusini i ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego / E. Mironowicz. – Białystok : Trans Humana, 2007. – 294 s.
10. Cichoracki, P. Województwo Poleskie 1921–1939. Z dziejów politycznych Polesia / P. Cichoracki. – Łomianki, 2014. – 488 s.
11. Cichoracki, P. Polesie nieidyliczne. Zaburzenia porządku publicznego w województwie Poleskim w latach trzydziestych XX w. / P. Cichoracki. – Łomianki, 2007. – 295 s.
12. Śleszyński, W. Bezpieczeństwo wewnętrzne w polityce państwa polskiego na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej / W. Śleszyński. – Warszawa : Rytm, 2007. – 400 s.
13. Browarek, T. Mniejszości narodowe w Polsce 1918–1995 / T. Browarek, H. Chalupczak. – Lublin : UMCS, 1998. – 233 s.
14. Wysocki, R. Organizacja Ukraińskich Nacjonalistów w Polsce 1929–1939 / R. Wysocki. – Lublin : UMCS, 2003. – 433 s.
15. Syrnyk, M. Ukraińcy w Polsce 1918–1939. Oświata i szkolnictwo / M. Syrnyk. – Wrocław : Krynica desing studio, 1996. – 186 s.
16. Vinnichenko, I. Ukrajinci Berestejschchiny, Pidliashshia i Kholmshchiny v pershij polovyni XX stolittia. Khronika podij / I. Vinnichenko. – Kyjiv, 1997. – 288 s.
17. Pavliuk, I. Khrestomatija ukrajins'koji lehal'noji presy Volyni, Polissia, Kholmshchiny ta Pidliashshia 1917–1939, 1941–1944 rr. / I. Pavliuk, M. Martyniuk – Luc'k : Tverdynia, 2005. – 428 s.
18. Leoniuk, V. G. Slovyk Berestejschchyny / V. G. Leoniuk : L'viv : Afisha, 1996. – 360 s.
19. Piervaja vseobshchaja pieriepis' nasielienija Rossijskoj impierii [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: https://istmat.org/files/uploads/15771/perepis_1897_vypusk_7.pdf. – Data dostupa: 14.03.2023.
20. Klimchuk, F. Etnichieskaja struktura nasielienija Briestskoj oblasti (k voprosu o «skrytykh» etnosakh) / F. Klimchuk // Histarychnaja brama : hist.-krajazn. chasop. – 1999. – № 2–3 (12–13). – S. 1.

21. Kvartiruk, L. Organizacyja uchytel's'kij spilky na Pidliashshiu ta inshi podiji / L. Kvartiruk // Litopis Volyni : nauk.-popular. zb. Volyneznavstva. – Vinnipeh, 1966. – Ch. 8. – S. 14–19.
22. Eberkhard, P. Demahrafichnaja situacyja na Bielarusi: 1897–1989 / P. Eberkhard ; pier. z pol. U. Liukievicha. – Brest : Bielfort : BFS, 1997. – 282 s.
23. Obshchij plan programmy gosudarstviennykh rabot na Polies'je (1 marta 1923 g.) // Gosudarstviennyj arkhiv Briestskoj oblasti (GABr). – F. 1. Op. 2. D. 157.
24. Soobshchienija Poliesskogo vojevodskogo upravlienija ob obshchiestvienno-politichieskoj situacii v vojevodstvie za 1923 g. // GABr. – F. 1. Op. 9. D. 48.
25. Otchioty, soobshchienija i informacija policii ob obshchiestvienno-politichieskom dvizhenii na tierritorii Drogichinskogo povietu, 1926–1933 gg. // GABr. – F. 2004. Op. 3. D. 2.
26. Otchioty poliesskogo voievody i povietovykh starost o sostojanii i diejatiel'nosti ukrainskikh politichieskikh partij i obshchiestviennykh organizacij na tierritorii Poliesskogo vojevodstva (1930 g.) // GABr. – F. 1. Op. 9. D. 1181.
27. Misijuk, V. S. Siel'rob / V. S. Misijuk // Briest. Brest. Brest. 1000 / sost. A. N. Vabishchievich. – Minsk : Bielarus. Encykl. imia P. Brouki, 2019. – S. 81.
28. Pushchuk, I. A. Berestijshchyna u mizhvojennyj chas. 1919–1939 rr. / A. I. Pushchuk. – Luc'k : Volyn. obl. druk., 2006. – 264 s.
29. Doniesienija povietovykh starost, pieriepiska s krakovskim, l'vovskim i drugimi vojevodami ob organizacii i diejatiel'nosti ukrainskikh politichieskikh organizacij v vojevodstvie // GABr. – F. 1. Op. 9. D. 853.
30. Otchioty ukrainskoj organizacii «Prosvita» (1928–1932 gg.) // GABr. – F. 1. Op. 9. D. 457.
31. Otchioty ob obshchiestvienno-politichieskoj situacii v Poliesskom vojevodstvie // GABr. – F. 1. Op. 10. D. 138.
32. Doklad, otchioty i sviedienija Poliesskogo vojevodskogo upravlienija ob ukrainskom politichieskom dvizhenii na tierritorii Polies'ja za 1918–1934 gg. // GABr. – F. 1. Op. 9. D. 45.
33. Soobshchienija obshchiestvienno-politichieskogo otdiela Poliesskogo vojevodskogo upravlienija o diejatiel'nosti ukrainskoj organizacii «Prosvita», Ukrainskogo central'nogo komiteta (1936–1939 gg.) // GABr. – F. 1. Op. 10. D. 1055.
34. Mesiachnyje i niediel'nyje otchioty poliesskogo voievody o dvizhenii nacional'nykh mien'shinstv v vojevodstvie za 1930 g., 1932–1936 gg. // GABr. – F. 1. Op. 9. D. 1022.
35. Soobshchienija obshchiestvienno-politichieskikh otdielov Poliesskogo, Volynskogo vojevodskikh upravlienij i doniesienija pinskogo povietovogo starosty o diejatiel'nosti organizacii ukrainskikh nacionalistov s prilozenijem zhurnala «Bat'kivshchyna», 1935 g. // GABr. – F. 1. Op. 10. D. 745.
36. Soobshchienija obshchiestvienno-politichieskogo otdiela Poliesskogo vojevodskogo upravlienija i sledstviennykh organov ob ukrainskom dvizhenii za okazaniye golodajushchiemu nasielieniju Polies'ja (1936 g.) // GABr. – F. 1. Op. 10. D. 1056.
37. Otchiot obshchiestvienno-politichieskogo otdiela Poliesskogo vojevodskogo upravlienija i soobshchienija povietovykh starost ob ukrainskom politichieskom dvizhenii na Polies'je (1936–1939 gg.) // GABr. – F. 1. Op. 10. D. 997.
38. Etnokul'turnyje processy Zapadnogo Polies'ja (Briestchiny) v proshlom i nastojashchiem / A. V. Gurko [i dr.] ; nauch. ried. A. V. Gurko ; Nac. akad. nauk Bielarusi, Centr issled. bielorus. kul'tury, jaz. i lit., In-t etnografii i fol'klora im. Kondrata Krapivy. – Minsk : Bielarus. navuka, 2020. – 621 s.

УДК 658.567.1

Наталья Генриховна Кот

*ст. преподаватель каф. бухгалтерского учета, анализа и аудита
Брестского государственного технического университета*

Natalya Kot

*Senior Lecturer of the Department of Accounting, Analysis and Audit
of Brest State Technical University
e-mail: kotofeika1981@mail.ru*

РЕЦИКЛИНГ – НОВАЯ ФОРМА ЦИРКУЛЯРНОЙ ЭКОНОМИКИ

В Республике Беларусь в настоящее время действует стратегия развития циркулярной экономики. Суть концепции циркулярной экономики состоит в том, чтобы извлечь выгоду из повторного использования материальных потоков и сбалансировать экономический рост и развитие осуществлением природопользования. Циркулярная экономика направлена на обеспечение максимальной эффективности каждого процесса в жизненном цикле товара или услуги. В статье рассматривается рециклинг как один из инструментов ресурсоэффективного производства на предприятиях страны. Проведенный анализ образующихся отходов производства на территории Республики Беларусь свидетельствует о необходимости принятия кардинальных мер по сокращению количества их образования. Одним из способов сокращения объемов отходов производства можно рассматривать рециклинг. В основу технологии рециклинга заложено безотходное производство и потребление, многократное использование продукции отходов, образующихся в процессе жизненного цикла.

Ключевые слова: отходы, рециклинг, экономика замкнутого типа, ресурсоэффективное производство.

Recycling – a New Form of Circular Economy

A circular economy development strategy is currently in effect in the Republic of Belarus. The essence of the circular economy concept is to benefit from the reuse of material flows and balance economic growth and development with the implementation of environmental management. The circular economy is aimed at ensuring maximum efficiency of each process in the life cycle of a product or service. The article considers recycling as one of the tools of resource-efficient production at the enterprises of the country. The analysis of the generated production waste on the territory of the Republic of Belarus indicates the need to take drastic measures to reduce the amount of their formation. Recycling can be considered one of the ways to reduce the volume of production waste. The recycling technology is based on waste-free production and consumption, and the reuse of waste generated during the product life cycle.

Key words: waste, recycling, closed-type economy, resource-efficient production.

Введение

Объемы промышленного производства в мире возрастают из года в год, что сопряжено с увеличением количества образования отходов. Проблеме обращения с отходами уделяется большое внимание как на уровне отдельных граждан и предприятий, так и на уровне государств и их объединений.

Грамотное обращение с отходами является одной из актуальных и основных проблем во всем мировом сообществе. Одним из инструментов, позволяющим минимизировать отходы предприятия, является рециклинг. При внедрении инструмента рециклинга предприятия смогут минимизиро-

вать свои издержки, увеличить доходы, т. е. выбрать прогрессивный вектор развития своей деятельности.

Основная часть

В качестве одной из возможностей уменьшения количества отходов является их повторное использование. Переработка – основной фактор, который заложен в понятие «рециклинг».

В связи с принятием Национальной стратегии развития экономики замкнутого цикла (циркулярной экономики) Республики Беларусь на период до 2035 г. в настоящее время в нашей стране уделяется большое внимание развитию рециклинга [1].

Согласно определению, предоставленному в вышеназванном документе, циркулярная экономика позволит обеспечить экономический рост за счет полного восстановления утраченных природных ресурсов, более эффективного использования сырья, материалов, запасов.

В качестве одного из приоритетных направлений экономики замкнутого типа выступает ресурсоэффективное производство. Переходу к рациональным моделям потребления и производства особенное внимание стали уделять внимание с 2015 г. после принятия Программы устойчивого развития, в которой рациональное потребление и производство зафиксировано в цели 312 [2]. К рациональному потреблению и производству, согласно Национальной стратегии развития экономики замкнутого типа, первыми должным приступить развитые страны.

В соответствии с Национальной стратегией развития циркулярной экономики рациональное потребление сводится к эффективному использованию природных ресурсов, уменьшению потерь продовольствия в производственно-сбытовых цепочках, экологически рациональному использованию химических веществ и всех отходов

на протяжении всего их жизненного цикла.

Исследованию жизненного цикла ресурсов посвящены работы И. Адизеса, Л. Грейнера, Р. Канна, Д. Каца, Р. Куинна, Д. Миллера, Дж. Кимберли, Д. Лестера, У. Шмидта, В. Б. Акулова, Е. П. Гариной, Е. Емельянова, Ю. Д. Мироненко, С. Поварницыной, Г. В. Старченко, А. К. Тереханова, С. Р. Филоновича, Г. В. Широковой [3; 4].

Практическое применение концепции жизненного цикла связано прежде всего с необходимостью определения, на какой стадии развития находится объект строительства в данный период времени.

Модель развития современных строительных объектов предстает как последовательный переход от одного состояния к другому путем использования и воспроизводства ресурсов.

Смена фаз жизненного цикла актива находится под воздействием внешней среды хозяйственной деятельности, однако инициируется она внутренними процессами [3; 4].

Существует большое количество моделей, характеризующих жизненный цикл актива (таблица).

Таблица – Модели жизненного цикла актива

Автор	Название модели	Год разработки
А. Даун	Движущие силы роста	1967
Г. Липпитт и У. Шмидт	Управленческое участие	1967
Б. Скотт	Стратегия и структура	1971
Л. Грейнер	Проблемы лидерства на стадиях эволюции и революции	1972
У. Торберт	Ментальность членов организации	1974
Ф. Лиден	Функциональные проблемы	1975
Д. Кац и Р. Кан	Организационная структура	1978
И. Адизес	Теория жизненных циклов организации	1979
Дж. Кимберли	Внешний социальный контроль, структура работы отношения с окружающей средой	1979
Р. Куинн и К. Камерон	Интегративная модель	1983

Примечание – Источник – собственная разработка автора.

Особенностью использования концепции жизненного цикла в управлении активом заключается в том, что она позволяет определить, какие проблемы являются ключевыми для данной стадии и применять адекватные меры для их устранения [3]. Чем меньше будет шаг квантования про-

блем, тем больше будет вероятность их решения.

Обращаясь к модели жизненного цикла, рассмотрим наличие на том или ином этапе жизненного цикла вопросов, которые возможно решить с помощью стоимостного инжиниринга (рисунок 1).

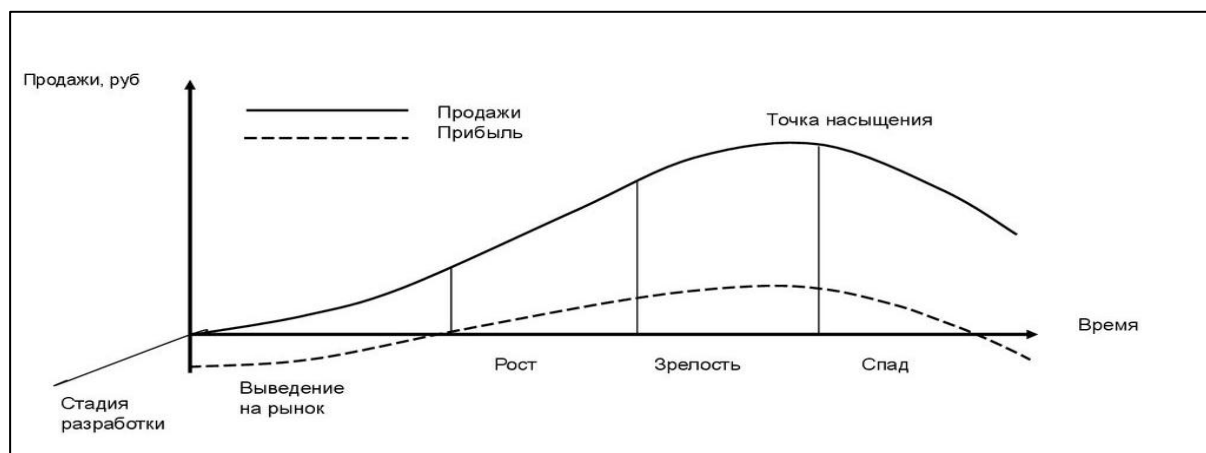

Рисунок 1 – Жизненный цикл актива в строительстве

Источник – Собственная разработка автора.

Первый этап – зарождение актива. На этом этапе у создателей только начинают появляться идеи о производстве строительного продукта.

Этот период эволюции продукта основывается на мечтах и способностях, а основной задачей управляющего является создание и развитие глубочайшей приверженности идее.

На этапе зарождения необходимо организовать производство, скрыть от конкурентов и других пользователей информацию, сопоставить прогнозируемую стоимость с конкурентами, что невозможно осуществить без планирования затрат на разрабатываемый актив.

Однако зачастую планируемая величина затрат не соответствует фактически сложившимся расходам предприятия, в результате чего может наблюдаться несоответствие реальных данных прогнозируемой стоимости объекта.

Второй этап – выход на рынок. На этом этапе создатели уже не просто выдвигают идеи – они начинают действовать.

Данный этап начинается в того, что собственник идеи берет на себя денежные опасности и обязательства. Мысль трансформируется в определенные действия, время для обсуждения завершается, а от компании уже требуют практических результатов.

Стоит отметить, что для жизненного цикла «выведение на рынок» характерно не единовременное финансирование, а периодическое вливание оборотного капитала.

Организации на стадии выхода на рынок больше всего нужен рост продаж

(не производства, а продаж), которые могут стабилизировать финансовый поток.

Для определения того объема, который позволит организации получить положительный финансовый результат, целесообразно определить критический актив (это тот актив, который обладает потенциалом существенно влиять на достижение финансовых целей организации).

Третий этап – рост. У организации появляется потенциал для будущего роста. Управленческому персоналу для того, чтобы сохранить, а не убить свою идею, нужно четко определиться, куда и как развиваться, какой использовать объем финансирования.

После роста приходит зрелость, но, если впоследствии организация не предпринимает никаких действий, наступает этап спада. Поэтому на данном этапе важным остается вопрос, касающийся расчета индекса выполнения стоимости и отклонений по завершению, а также оценки стоимости проекта. Согласно Национальному стандарту Российской Федерации (ГОСТ Р 58535-2019) под оценкой стоимости понимается прогнозирование объемов, стоимости и/или цены ресурсов, которые требуются для реализации проекта. Выделяют пять видов оценки стоимости проекта:

- оценка стоимости проекта 1-го класса точности обеспечивает точность для стоимостных оценок класса: от –3 до +15 %;
- оценка стоимости проекта 2-го класса точности обеспечивает точность для стоимостных оценок класса: от –5 до +20 %;

- оценка стоимости проекта 3-го класса точности обеспечивает точность для стоимостных оценок класса: от -10 до $+30$ %;
- оценка стоимости проекта 4-го класса точности обеспечивает точность для стоимостных оценок класса: от -15 до $+50$ %;
- оценка стоимости проекта 5-го класса точности обеспечивает точность для стоимостных оценок класса: от -20 до $+100$ % [5].

Уменьшение отходов будет наблюдаться при принятии субъектами экономики мер по предотвращению их образования, их сокращению, переработке и повторному использованию. В качестве технологии, позволяющей перерабатывать отходы и вторично запускать в производственный цикл вторичные материальные ресурсы, извлеченные с незначительным изменением их свойств, выступает рециклинг.

В экологическом словаре рециклинг – это процесс возвращения отходов, сбросов и выбросов в процессы техногенеза [6]. В Большой Российской энциклопедии рециклинг (англ. recycling – рециркуляция, повторение цикла) трактуется как вторич-

ная переработка – использование или возвращение в промышленный оборот отходов производства, обработанных изделий, мусора. Рециклингу подвергаются материалы, способные многократно перерабатываться без существенной потери своих свойств: металлы, стекло, бумага, асфальт, ткани, различные виды пластмасс, а также органические отходы сельского хозяйства. Рециклинг позволяет экономить невозобновляемые запасы первичного сырья и энергию. Чем выше степень рециклинга (отношение повторно используемого материала к общему объему его производства), тем ниже расходование запасов природного сырья. Расход энергии при рециклинге значительно ниже по сравнению с первичной переработкой [7].

Проанализировав статистические данные в разрезе образования отходов, необходимо отметить, что, несмотря на внедрение технологий на уменьшение отходов, величина их на протяжении исследуемого периода остается внушительной (рисунок 2).

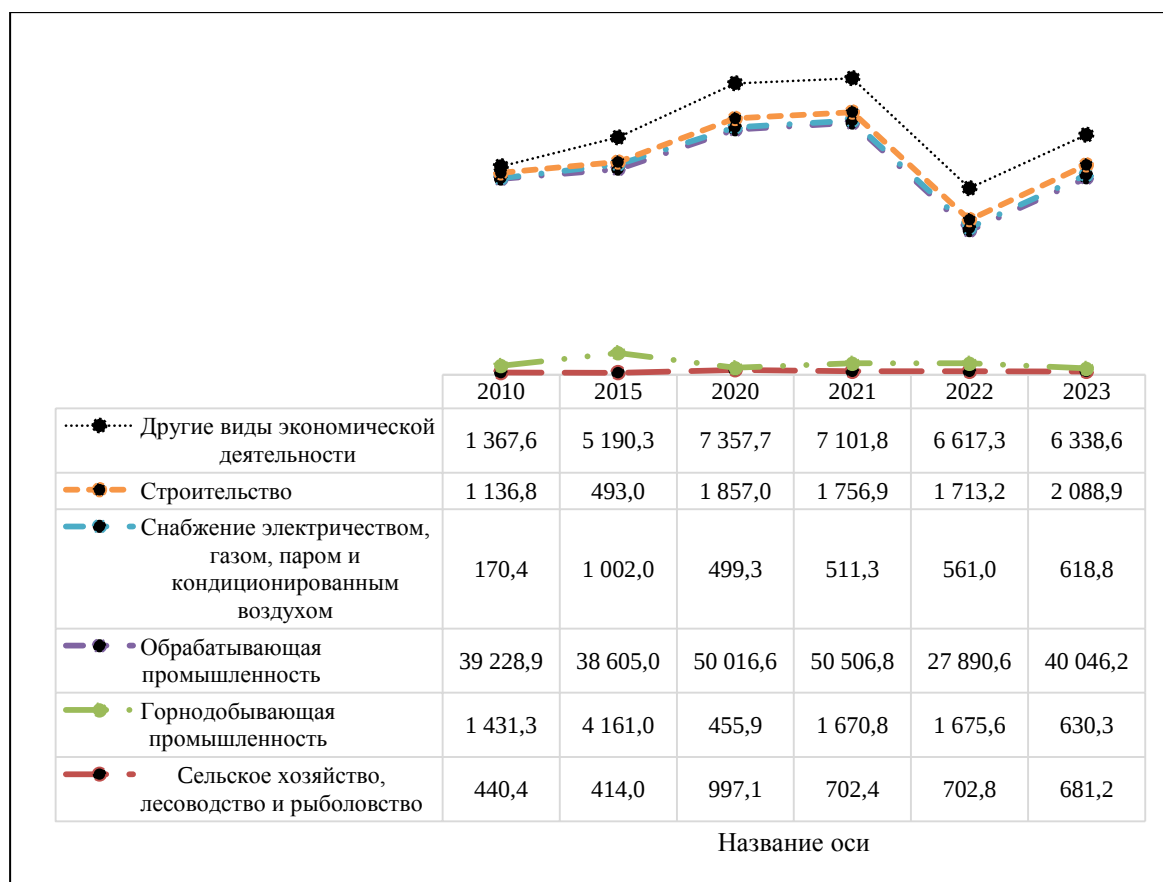

Рисунок 2 – Динамика образования отходов в Республике Беларусь за 2010–2023 гг.

Источник – Собственная разработка автора на основе [8].

Проведенный анализ свидетельствует о росте величины отходов во всех сферах деятельности до 2021 г.; в 2022 г. произошло сокращение отходов производства; в 2023 г. – в некоторых отраслях наблюдается сокращение (горнодобывающая промышленность, сельское хозяйство), а в строительстве, обрабатывающей промышленно-

сти – рост отходов производства. В целом отходы производства возросли с 43,5 млн т в 2010 г. до 50,4 млн т в 2023 г.; темп роста составил 16 %.

Динамика отходов производства в расчете на 1 ед. ВВП показана на рисунке 3.

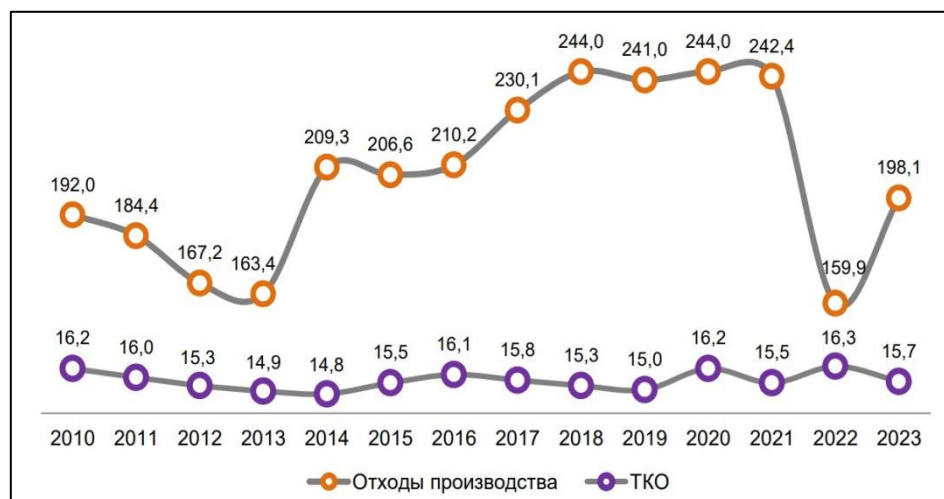

Рисунок 3 – Образование отходов производства и ТКО в расчете на единицу ВВП по ППС в Республике Беларусь, кг на 1 тыс. междунар. долл. ВВП по ППС в сопоставимых ценах 2021 г.

Источник – Собственная разработка автора на основе [8].

Анализ динамики объема образования отходов на единицу ВВП позволяет оценить материалоемкость структуры производства: в 2023 г. для получения 1 000 долл. ВВП в стране осуществлено 198,1 кг выбросов отходов производства.

Не менее значимым показателем выступает показатель, отражающий уровень отходов производства на душу населения (рисунок 4).

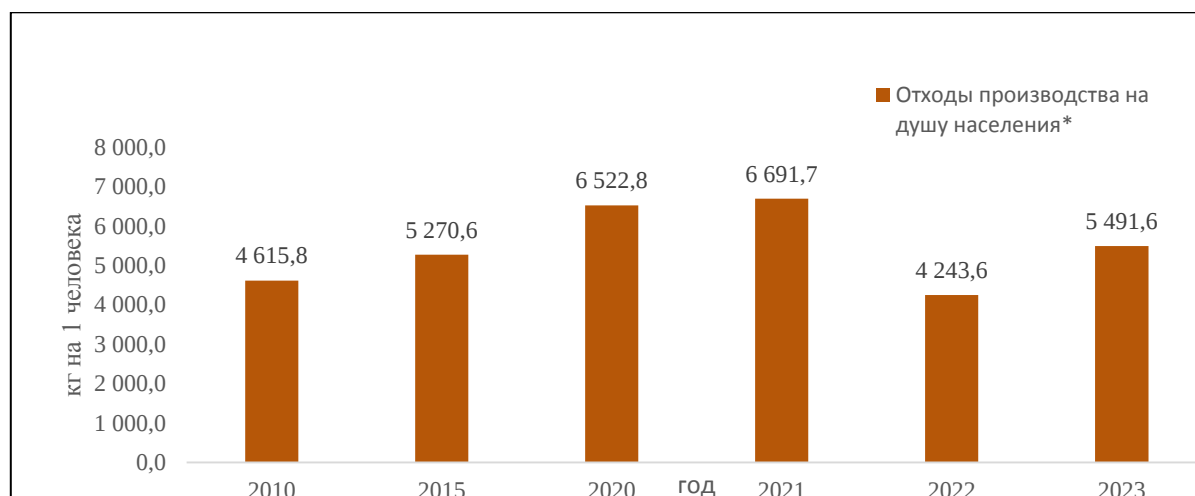

Рисунок 4 – Динамика показателя, отражающего уровень отходов производства, приходящийся на 1 жителя Республики Беларусь

Источник – Собственная разработка автора на основе [8].

Несмотря на снижение величины отходов, приходящихся на 1 жителя нашей страны, данный показатель в 2023 г. составил 5,4 т. Согласно представленным данным можно отметить довольно значительный объем отходов, формирующихся в экономике Республики Беларусь. Тем не менее очевидна необходимость более глубокой проработки способов извлечения полезных элементов, содержащихся в отходах, образуемых как субъектами хозяйствования, так и домашними хозяйствами.

Можно выделить два варианта рециклинга:

1) отходы используются повторно по тому же назначению; в общем виде классификацию процессов повторного использования ресурсов можно представить следующим образом:

а) рециклинг сырья – это переработка (регенерация), восстановление сырья путем химических реакций и процессов;

б) термический рециклинг – в процессах промышленного производства зачастую это получение энергии, получаемой при сжигании отходов;

в) рециклинг материалов – форма восстановления исходного сырья с помощью механической переработки отходов и направление полученных полезных составляющих в процессы производства новых продуктов;

г) органический рециклинг – переработка биоразлагаемых отходов с помощью естественных биологических процессов (как правило, компостирование); в результате биоразложения получают горючие газы

и органические вещества для использования в производстве сельскохозяйственной продукции [9].

2) отходы возвращают в производственный цикл со сменой первоначальной формы.

Каждому виду отходов свойственен свой подход. В зависимости от подхода выделяют следующие виды рециклинга:

1) первичный (подходит для сырья, которое не изменено красителями и примесями);

2) механический (измельчение материалов путем дробления, нарезки);

3) химический (превращение сырья в низкомолекулярное вещество с помощью реагентов);

4) инсинерация или пиролиз (полная утилизация отходов путем термического воздействия).

Цель ресурсоэффективного потребления и производства – повышение эффективности промышленной деятельности за счет осуществления комплексных мероприятий на всех уровнях экономики.

Внедрение рециклинга на предприятии позволит оптимизировать производственный процесс, использовать менее вредные материалы, возобновляемые ресурсы, заменить существующие технологии на более эффективные, использовать отходы на предприятии повторно, изменить свойства продукции с целью сокращения экологического воздействия.

Преимущества внедрения рециклинга на предприятии представлены на рисунке 5.

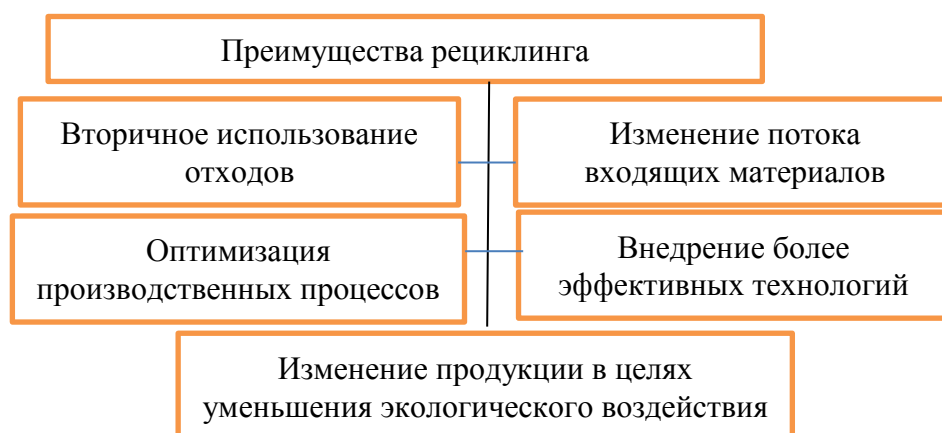

Рисунок 5 – Преимущества внедрения рециклинга на предприятии

При внедрении рециклинга на предприятии в производственные процессы ожидается экономия материалов и сырья, уменьшение количества образования отходов на всех этапах жизненного цикла продукции, создание дополнительной добавленной стоимости, открытие (сохранение) рынков сбыта и т. д.

Стоит отметить, что использование рециклинга на предприятии сопряжено с внедрением наилучших доступных технических методов производства товаров, обеспечивающих продление их жизненного цикла, возможность многократного использования, модернизацию и ремонтпригодность. Для ресурсноэффективного производства характерно увеличение доли использования вторичных материальных ресурсов в общем объеме потребляемых ресурсов с увеличением доли их содержания в выпускаемой продукции. Для применения рециклинга на предприятии следует сократить долю потребления на стадии производственного цикла невозобновляемых ресурсов и сырья, не подлежащих переработке. Внедрение повторно-последовательного и оборотного водоснабжения является разновидностью новых технологий.

Использование рециклинга на предприятиях промышленности позволит увеличить долю инновационной продукции, создать новые рабочие места, снизить интенсивность образования отходов производства в промышленности.

Заключение

Как было отмечено, в настоящее время в Республике Беларусь действует стратегия развития циркулярной экономики. Суть концепции циркулярной экономики состоит в том, чтобы извлечь выгоду из повторного использования материальных потоков и сбалансировать экономический рост и развитие путем оптимизации природопользования. Циркулярная экономика направлена на обеспечение максимальной эффективности каждого процесса в жизненном цикле товара или услуги.

Одним из инструментов ресурсоэффективного производства на предприятиях страны выступает рециклинг. Проведенный анализ объемов отходов производства на территории Республики Беларусь свидетельствует о необходимости принятия кардинальных мер по их сокращению. Одним из способов сокращения объемов отходов производства можно рассматривать рециклинг. В основу технологии рециклинга заложено безотходное производство и потребление, многократное использование продукции отходов, образующихся в процессе жизненного цикла. Таким образом, рециклинг направлен на извлечение выгоды из повторного использования материалов и сырья с целью сбалансирования экономического роста и развития предприятия. Рециклинг базируется на минимизации использования материальных и энергетических ресурсов и переработке отходов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Национальная стратегия развития экономики замкнутого цикла (циркулярная экономика) Республики Беларусь на период до 2035 г. [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 мая 2024 г., № 393 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
2. Преобразование нашего мира. Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс] : резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 года, № 70/1 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
3. Power Branding [Электронный ресурс] // Модель жизненного цикла по Адизесу. – Режим доступа: <http://www.psychologos.ru/articles/view/zhiznenny-cikl-organizacii.-model-i.-adizesa>. – Дата доступа: 15.02.2018.
4. Шумпетер, Й. А. Теория экономического развития: капитализм, социализм и демократия : пер. с нем. / Й. А. Шумпетер. – М. : Эксмо, 2007. – С. 193.
5. Авилова, В. В. Циркулярная экономика как новая парадигма развития промышленности [Электронный ресурс] / В. В. Авилова // Вестн. Рос. ун-та кооперации. – 2021. – № 3 (45). –

С. 4–8. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_46682427_86519448.pdf. – Дата доступа: 22.09.2024.

6. Рециклинг [Электронный ресурс] // Экологический словарь. – Режим доступа: <https://www.ecoindustry.ru/dictionary.html?t=%D0%E5%F6%E8%EA%EB%E8%ED%E3>. – Дата доступа: 29.10.2024.

7. Супрун, В. Н. Рециклинг / В. Н. Супрун // Большая рос. энцикл. – М., 2015. – Т. 28. – С. 452.

8. Отходы [Электронный ресурс] // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/okruzhayushchaya-sreda/sovmestnaya-sistema-ekologicheskoi-informatsii2/i-othody/>. – Дата доступа: 29.10.2024.

9. Майкова, С. Э. Рециклинг ресурсов как новый вектор развития бизнеса в регионе [Электронный ресурс] / С. Э. Майкова // Отходы и ресурсы. – 2022. – Т. 9, № 3. – Режим доступа: <https://resources.today/PDF/15ECOR322.pdf>. – Дата доступа: 29.10.2024 DOI: 10.15862/15ECOR322

REFERENCES

1. Nacional'naja strategija razvitija ekonomiki zamknutogo cikla (cyrkuliarnaja ekonomika) Rjespubliki Bielarus' na pieriod do 2035 g. [Eliektronnyj riesurs] : postanovlienije Sovieta Ministrov Rjesp. Bielarus', 29 maja 2024 g., № 393 // Konsul'tantPlius. Bielarus' / ООО «JurSpiekt», Nac. Cienr pravovoj inform. Rjesp. Bielarus'. – Minsk, 2024.

2. Prieobrazovanije nashego mira. Poviestka dnia v oblasti ustojchivogo razvitija na pieriod do 2030 goda [Eliektronnyj riesurs] : riezoliucija Gienieral'noj Assambliiei OON ot 25 sientiabria 2015 goda, № 70/1 // Konsul'tantPlius. Bielarus' / ООО «JurSpiekt», Nac. Cienr pravovoj inform. Rjesp. Bielarus'. – Minsk, 2024.

3. Power Branding [Eliektronnyj riesurs] // Model' zhizniennogo cikla po Adiziesu. – Riezhim dostupa: <http://www.psychologos.ru/articles/view/zhiznenny-cikl-organizacii.-model-i.-adizesa>. – Data dostupa: 15.02.2018.

4. Shumpeter, J. A. Tieorija ekonomichieskogo razvitija: kapitalizm, socializm i diemokratija : pier. s niem. / J. A. Shumpeter. – M. : Eksmo, 2007. – S. 193.

5. Avilova, V. V. Cirkuliarnaja ekonomika kak novaja paradigma razvitija promyshliennosti [Eliektronnyj riesurs] / V. V. Avilova // Viestn. Ros. un-ta koopieracii. – 2021. – № 3 (45). – S. 4–8. – Riezhim dostupa: https://elibrary.ru/download/elibrary_46682427_86519448.pdf. – Data dostupa: 22.09.2024.

6. Rie cikling [Eliektronnyj riesurs] // Ekologichieskij slovar'. – Riezhim dostupa: <https://www.ecoindustry.ru/dictionary.html?t=%D0%E5%F6%E8%EA%EB%E8%ED%E3>. – Data dostupa: 29.10.2024.

7. Suprun, V. N. Rie cikling / V. N. Suprun // Bol'shaja ros. encikl. – M., 2015. – Т. 28. – S. 452.

8. Otkhody [Eliektronnyj riesurs] // Nac. stat. kom. Rjesp. Bielarus'. – Riezhim dostupa: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/okruzhayushchaya-sreda/sovmestnaya-sistema-ekologicheskoi-informatsii2/i-othody/>. – Data dostupa: 29.10.2024.

9. Majkova, S. E. Rie cikling riesursov kak novyj viektor razvitija biznesa v riegonie [Eliektronnyj riesurs] / S. E. Majkova // Otkhody i riesursy. – 2022. – Т. 9, № 3. – Riezhim dostupa: <https://resources.today/PDF/15ECOR322.pdf>. – Data dostupa: 29.10.2024 DOI: 10.15862/15ECOR322

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 31.10.2024

УДК 316.422(47+57)

**Самвел Григорьевич Амирханян¹, Маула Абдурахманович Бетилгириев²,
Ваха Алиевич Магомадов³, Армен Коляевич Саакян⁴**

¹канд. экон. наук, проф., зав. каф. управления и финансов

Гаварского государственного университета (г. Гавар, Армения)

²д-р экон. наук, проф., проф. каф. экономики и управления на предприятии
Грозненского государственного нефтяного технического университета
имени академика М. Д. Миллионщикова

³ст. преподаватель каф. экономики и управления на предприятии
Грозненского государственного нефтяного технического университета
имени академика М. Д. Миллионщикова

⁴д-р социол. наук, проф., проф. каф. управления и финансов
Гаварского государственного университета (г. Гавар, Армения),
проф. каф. экономических наук Ереванского филиала
Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова

**Samvel Amirkhanyan¹, Maula Betilgiriev²,
Vakha Magomadov³, Armen Saakyan⁴**

¹Candidate of Economic Sciences, Professor,
Head of the Department of Management and Finance of Gavar State University (Gavar, Armenia)

²Doctor of Economic Sciences, Professor,
Professor of the Department of Economics and Enterprise Management
of Grozny State Oil Technical University named after Academician M. D. Millionshchikov

³Senior Lecturer of the Department of Economics and Enterprise Management
of Grozny State Oil Technical University named after Academician M. D. Millionshchikov

⁴Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Professor of the Department of Management and Finance of Gavar State University (Gavar, Armenia),
Professor of the Department of Economic Sciences
of Yerevan Branch of the Russian Economic University named after G. V. Plekhanov

e-mail: ¹s.amirkhanyan@gsu.am; ²betilgiriev@mail.ru;

³betilgiriev@mail.ru; ⁴sahakian2004@mail.ru

МОДЕРНИЗАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ АГРАРНОЙ ОТРАСЛИ В РОССИИ: ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ, КОНЦЕНТРАЦИЯ КАПИТАЛА И ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЫНКА

Обозначены особенности модернизационного развития аграрной отрасли в России, продолжающейся концентрации капитала за счет перераспределения рынка и вытеснения малых форм хозяйствования в АПК. В результате этих процессов формируется новый вызов для институционально-рыночной трансформации отрасли в завершающей фазе ее консолидации и повышения эффективности российского агробизнеса.

Ключевые слова: аграрная отрасль, консолидация, концентрация капитала, малые формы хозяйствования.

Modernization Development of the Agricultural Industry in Russia: Industrialization, Capital Concentration and Market Redistribution

In the article, the authors outline the features of the modernization development of the agricultural sector in Russia, the ongoing concentration and capital due to the redistribution of the market and the displacement of small forms of management in the agro-industrial complex. The resultant of these processes creates a new challenge for the institutional and market transformation of the industry in the final phase of its consolidation and increasing the efficiency of domestic agribusiness.

Key words: agricultural sector, consolidation, concentration of capital, small forms of management.

Введение

Особенностью современного развития АПК России выступает его институцио-

нальная перестройка, которая приводит к сокращению доли мелкотоварного произ-

водства, выводу с рынка личных подсобных хозяйств населения (ЛПХ).

Несмотря на высокий уровень научно-практической разработки проблемных аспектов развития агропромышленного комплекса в современных исследованиях, ужесточение конкуренции в условиях ускоренной индустриализации российского АПК, завершение активной инвестиционной фазы реализации проектов импортозамещения в отдельных подкомплексах, формируется новый конъюнктурно-рыночный контекст, который требует дополнительного, более углубленного исследования.

Обзор и анализ динамики институционализации малого сектора экономики аграрной отрасли

Как показывает статистика, в 2016–2021 гг. общее число сельскохозяйственных организаций и крестьянско-фермерских хозяйств (КФХ) сократилось на 60 тыс. В наибольшей степени сократилось число малых и микропредприятий (рисунок 1): количество малых агропредприятий в России в 2021 г. составило 6,4 тыс. против 7,1 тыс. в 2016 г.; количество микропредприятий сократилось до 13,2 тыс. в 2021 г. против 17,2 тыс. в 2016 г. При этом отмечен рост числа крупных сельскохозяйственных организаций до 10,4 тыс. в 2021 г. против 7,6 тыс.

в 2016 г. Все это указывает на укрупнение аграрных структур сельскохозяйственного производства, ускоренная индустриализация которого приводит к увеличению концентрации капитала в отрасли.

Этот процесс напрямую затронул и предпринимательский слой российского агробизнеса, в котором сельскохозяйственная микроперепись (1–30 августа 2021 г.) выявила сокращение общего числа КФХ и индивидуальных предпринимателей (ИП) на 56,5 тыс. (до 118,3 тыс. в 2021 г. против 174,8 тыс. в 2016 г.) (рисунок 1).

Количество фермеров сократилось с 136,7 тыс. до 100,1 тыс. (–26,8 %). Сокращение числа фермеров происходило прежде всего за счет неработающих хозяйств. При этом количество экономически активных фермеров сократилось на 19 %. Почти наполовину в этой категории сократилось число ИП и фермерских хозяйств, зарегистрированных как юридические лица. Наполовину (–52 %) сократилась численность ИП (до 18,2 тыс. в 2021 г. против 38 тыс. в 2016 г.).

Количество ЛПХ и индивидуальных хозяйств населения в 2016–2021 гг. сократилось с 23,5 млн до 16,6 млн, т. е. на 29,3 % (рисунок 1).

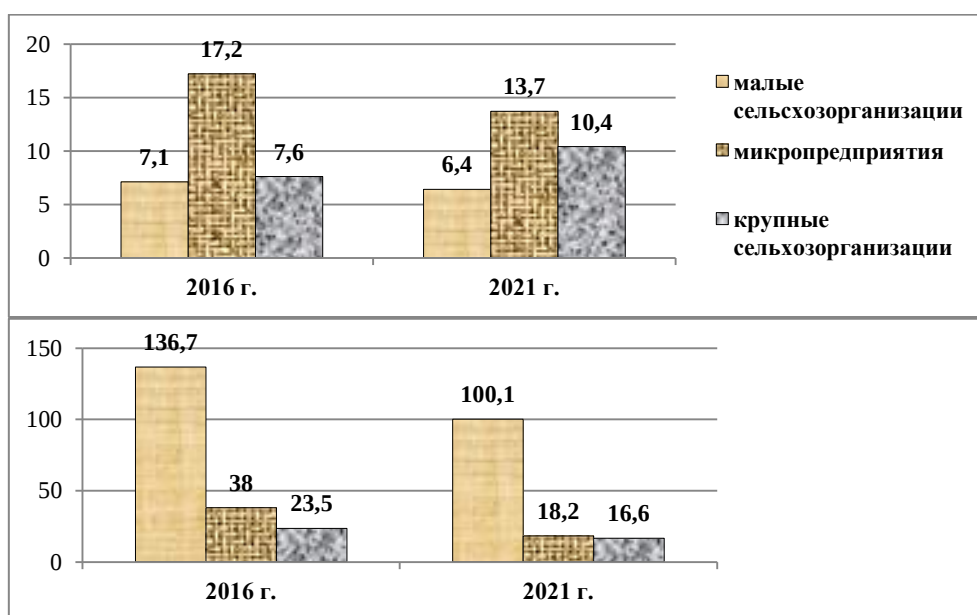

Рисунок 1 – Количество сельскохозяйственных организаций, предпринимательских структур и хозяйств населения в сельском хозяйстве Российской Федерации в 2016 и 2021 гг. [16]

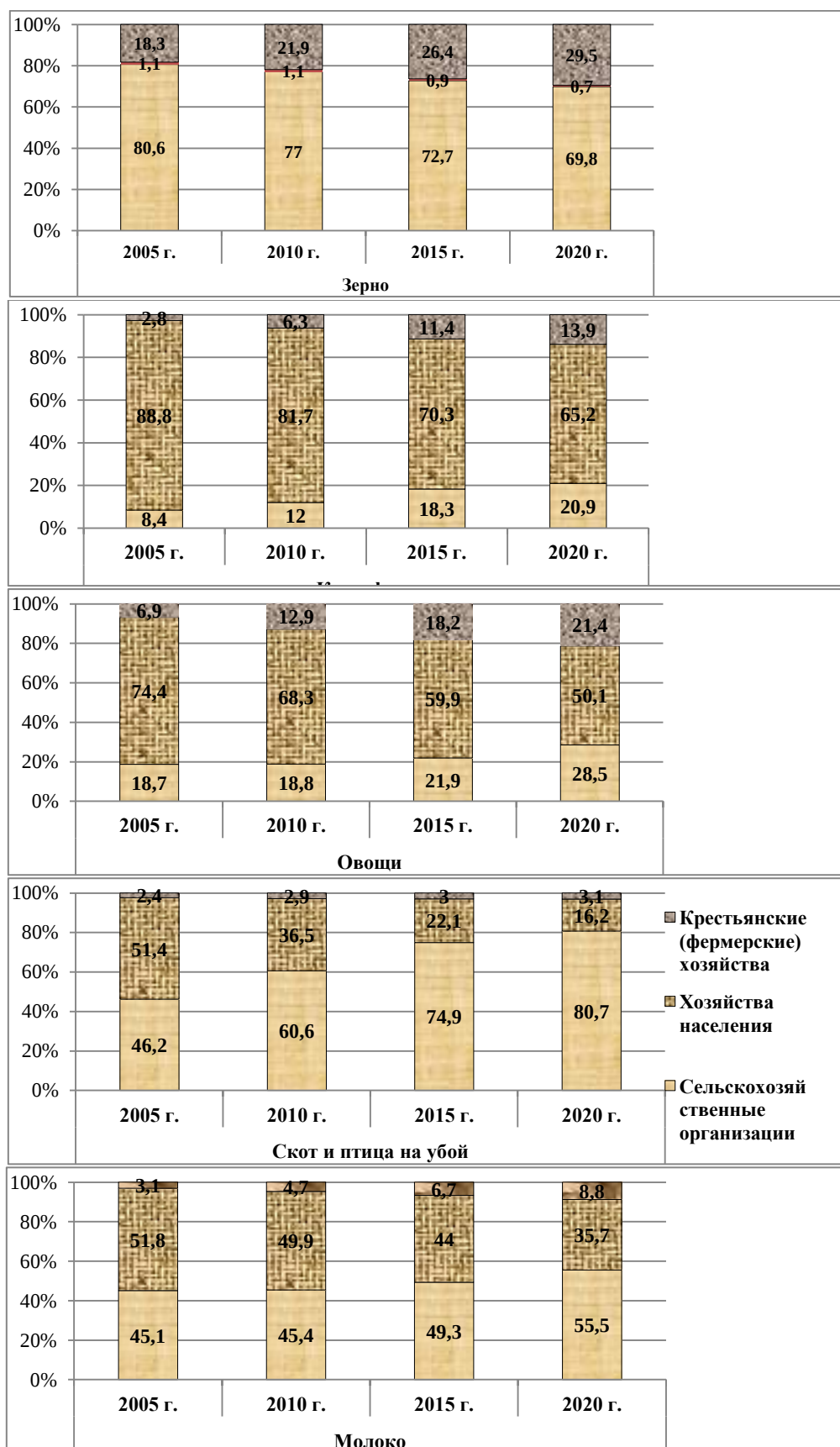

Рисунок 2 – Распределение объема выпуска продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств в 2000–2020 гг. в Российской Федерации [10, с. 637–650]

В организационной структуре сельского хозяйства происходит сдвиг в сторону его укрупнения.

Зафиксированное сокращение количества КФХ отражает стихийный процесс расслоения фермерства, на который указывали данные более ранней переписи 2016 г.:

1) «64,1 % КФХ и ИП владеют землей до 100 га, что составляет 5,2 % от общей площади земли;

2) 22,5 % КФХ имеют от 100 до 500 га и владеют 17,5 % занимаемой площади от общей доли;

3) 13 % КФХ имеют от 500 до свыше 6 тыс. га и владеют 77,3 % от всей земельной площади;

4) 1,5 % КФХ располагают площадью землепользования 3 тыс. га и более, занимают 33,1 % от всей площади фермерских земель» [8, с. 207].

Таким образом, российское фермерство развивается не как сообщество мелких собственников, а переходит на траекторию укрупнения хозяйств, повторяя модель развития агрохолдингов.

Как отмечает О. А. Рущицкая, «в настоящее время около 100 агрохолдингов, отнесенных к крупному бизнесу (по размеру выручки), генерируют почти 37 % всей выручки сельскохозяйственных организаций, при этом они объединяют лишь 3 % от всех сельскохозяйственных организаций страны.

Всего под контролем агрохолдингов находится 27 % сельскохозяйственных угодий, и на эти структуры приходится около 60 % всего производства в стране мяса птицы, свинины и сахарной свеклы» [11, с. 4].

Рост внутриотраслевой конкуренции, борьба с импортом потребовали оптимизации АПК.

В последние годы, особенно в период острой фазы пандемии 2019–2020 гг., агрохолдинги максимально сконцентрировались на органическом развитии и повышении эффективности, углублении вертикальной интеграции активов «от поля до прилавка» в рамках одного холдинга.

Маркерами усиления интеграции выступили:

1) сокращение числа торговых брендов – до 1–2 на агрохолдинг;

2) репозиционирование аграрных структур как единых холдингов (такая синергия активов в рамках единой производ-

ственной структуры выступает не только как способ снижения стоимости заемного финансирования, но и как подготовка к сделкам M&A или выходу на биржу);

3) выстраивание собственных торговых сетей с целью прямого выхода на конечного потребителя и максимального сохранения маржи.

Отмечая рост концентрации капитала в отрасли, важно отметить, что он является не одинаковым по отдельным продовольственным категориям.

Как видно из рисунка 2, наибольшая доля сельскохозяйственных организаций в выпуске продукции имеет место в производстве мяса, молока, овощеводстве.

Форсированное развитие в рамках данных направлений было обеспечено стабильным спросом, большой емкостью рынка и возможностью его быстрого перераспределения за счет вытеснения ЛПХ, доля которых критически сократилась.

Так, в 2000–2020 гг. в производстве мяса произошло фактически удвоение доли сельскохозяйственных организаций с 46,2 % в 2000 г. до 80,7 % в 2020 г.

Данный сегмент рынка (таблица 3) является консолидированным: топ-25 компаний в этом сегменте по итогам 2021 г. произвели примерно 6,17 млн т. мяса против почти 6 млн т. в 2020 г. Доля компаний в общем объеме внутреннего производства мяса увеличилась с 53 до 54,6 %.

Общая дестабилизация рынка в связи со спецоперацией в Украине ограничила не только динамику роста, но и активность сделок по слиянию и поглощению, в которых инвесторы поглощали активы менее активных игроков привлекая заемное финансирование, ставки по которому в 2022 г. возросли.

На фоне дестабилизации доходов населения в производстве мяса происходит увеличение себестоимости продукции по всей производственной цепочке, что снижает его доступность для населения.

Рост стоимости зерна и кормовых компонентов, дефицит аминокислот и витаминов, а также рабочей силы резко сужают потенциал роста производителей мяса и дальнейшую концентрацию капитала в этом сегменте рынка.

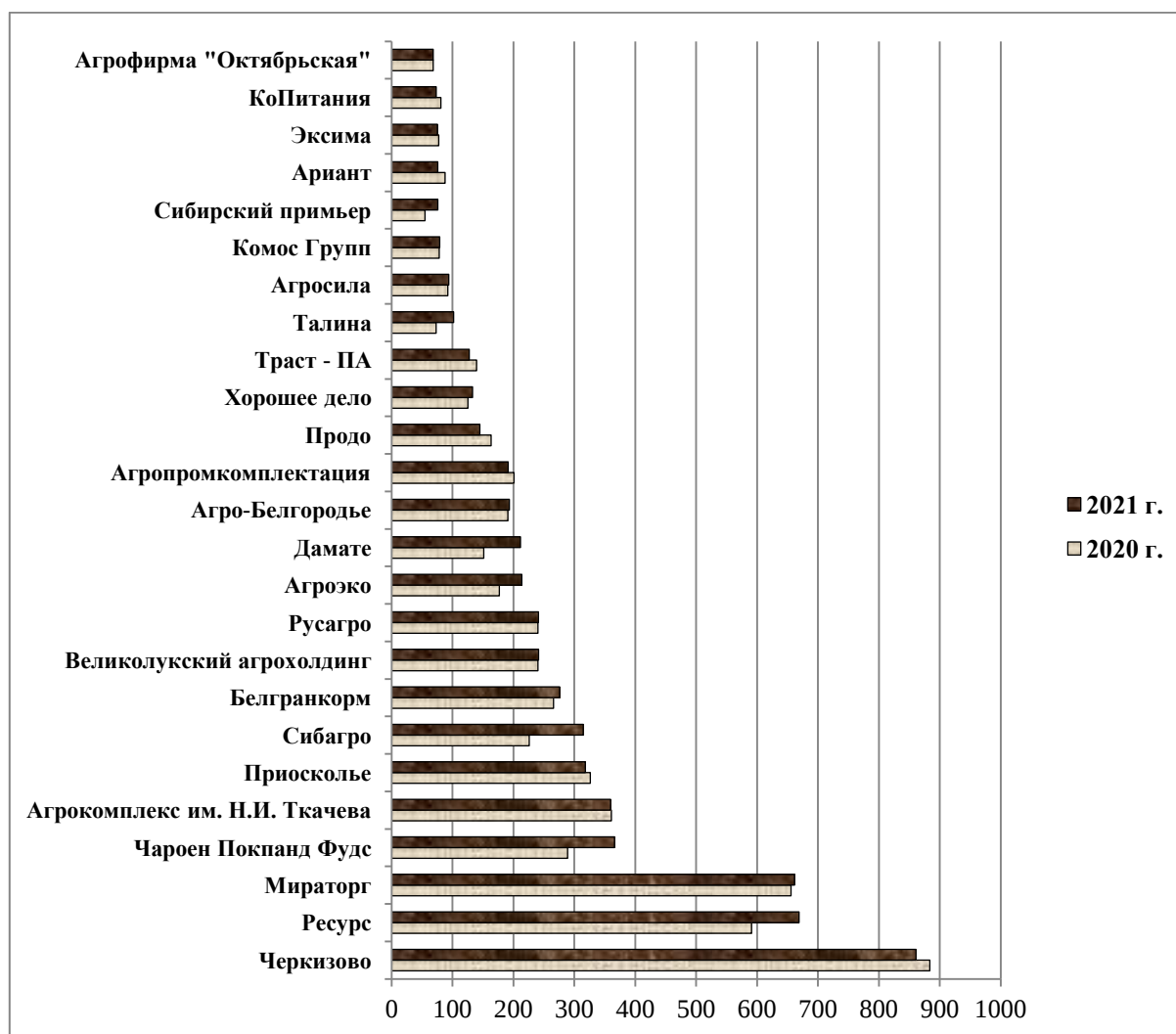

Рисунок 3 – ТОП-25 российских производителей мяса в 2020–2021 гг., тыс. т убойного веса [5]

Апробация разработанного инструментария

Опираясь на результаты численного анализа за вычетом конъюнктурных факторов, можно констатировать, что в 2022–2023 гг. компании завершили основные инвестиционные проекты.

В целом «мясной» сегмент рынка является высоко консолидированным, по сравнению с производством овощей, картофеля, зерна и даже выпуском молочной продукции. Это определяется рыночным потенциалом роста и доходностью капитальных инвестиций, уровнем себестоимости продукции и др.

В настоящее время инвестиционные планы дальнейшего расширения производства мяса в России ограничиваются высокой волатильностью цен на сырьевых рынках, а также анонсируемым властью вмеша-

тельством в вопросы ценообразования из-за снижения покупательной способности населения. Все это сильно увеличивает отраслевые риски административного давления.

В производстве молока переструктурирование предложения в 2000–2020 гг. происходило более сбалансированно: увеличение объемов его выпуска как в индустриальном секторе, так и за счет расширения доли КФХ (рисунок 2).

Во всех продуктовых направлениях потенциал экстенсивного роста отрасли практически исчерпан. 2022–2023 гг. в сфере молочного производства из-за высокой инфляции и роста безработицы отмечены сокращением продаж и смещением спроса в нижний ценовой сегмент, особенно в регионах, которые отличаются высоким уровнем эластичности спроса к цене.

На наш взгляд, научно-практическая оценка процессов консолидации в отрасли должна опираться на более объемное, системное видение, которое охватывает всю производственно-сбытовую цепочку.

Сегодня сложно представить доминирование мелкотоварного производства в условиях эмпирически сложившегося масштаба консолидации сбыта, где покупка «Тандером» сети «Дикси», «Лентой» – сетей «Семья» и «Билла» указывают на заключительный этап слияний и поглощений, а также банкротства локальных торговых сетей.

Укрупнение российской розничной торговли происходит ровно в институционально-рыночной канве развития сетевого ритейла на зарубежных рынках, в частности Европы, где он является еще более консолидированным.

Концентрация капитала в сфере производства и обращения обеспечивает их «нормальную» конвергенцию, в которой адаптация торговли к слабому потребительскому спросу в постпандемный период сопровождается агрессивным наращиванием доли СТМ (до 25–30 % к 2025 г.) при одновременном сокращении предложения брендованных продуктов.

Снижение потребительской лояльности к более дорогим брендам заставит поставщиков более жестко конкурировать в тендерах на производство СТМ-продуктов, оптимизировать себестоимость.

Достижение ценовой гибкости в условиях хронических спросовых ограничений и консолидации рынка сбыта возможно только в рамках крупнотоварного производства.

Сельское хозяйство активно движется в сторону укрепления позиций индустриального производства и его укрупнения.

Это обеспечивает более высокие отраслевые показатели операционной эффективности, а также возможность построения эффективных и рыночно устойчивых цепочек создания стоимости, в том числе с высоким уровнем агропереработки.

В 2022–2025 гг. потенциал дальнейшей консолидации и углубления переделов будет определяться сохранением инвестиционного процесса в отрасли в условиях

возросшей неопределенности, что переводит сегодня АПК в режим краткосрочного планирования.

Рост стоимости заемного финансирования снижает доступность фондирования и удлиняет сроки окупаемости капитальных инвестиций. Это вызывает перенос планов расширения производственных площадок и переход на точечные импортозамещающие проекты (селекционно-гибридные центры в животноводстве, растениеводстве и др.), что будет ограничивать долгосрочные темпы роста АПК.

Российский АПК фактически завершает длинную фазу экстенсивного роста, по окончании которой стоимость входа в агро-сектор существенно выросла.

Крупные холдинги вышли на предел своей эффективности и демонстрируют высокие показатели производительности труда. Включение эффекта масштаба и оптимизация издержек переводят конкуренцию в ценовую плоскость, а объем капитальных инвестиций создает высокий барьер входа в отрасль.

Так, в производстве молока, несмотря на рост объемов его переработки (увеличение себестоимости (+28 % в производстве, +14–16 % в переработке – 2021 г.) происходит снижение доходности, уровень которой поддерживается только за счет экспорта, в когда государство компенсирует молоко-перерабатывающей промышленности 25 % расходов на транспортировку и 90% затрат на сертификацию продукции на внешних рынках.

Перспективы роста в производстве сырого молока связывают только с развитием вертикально-интегрированных холдингов, способных быстро увеличивать выпуск и углублять его переработку.

Как показывает исследование директора Центра агропродовольственной политики ИПЭИ РАНХиГС Н. И. Шагайда, наращивание объемов такой переработки в АПК происходит в рамках преимущественно более крупных агрохолдингов (рисунок 4), которые имеют больший доступ к большим объемам заемного капитала и способны обеспечить фондирование расширения производства и углубления его переделов.

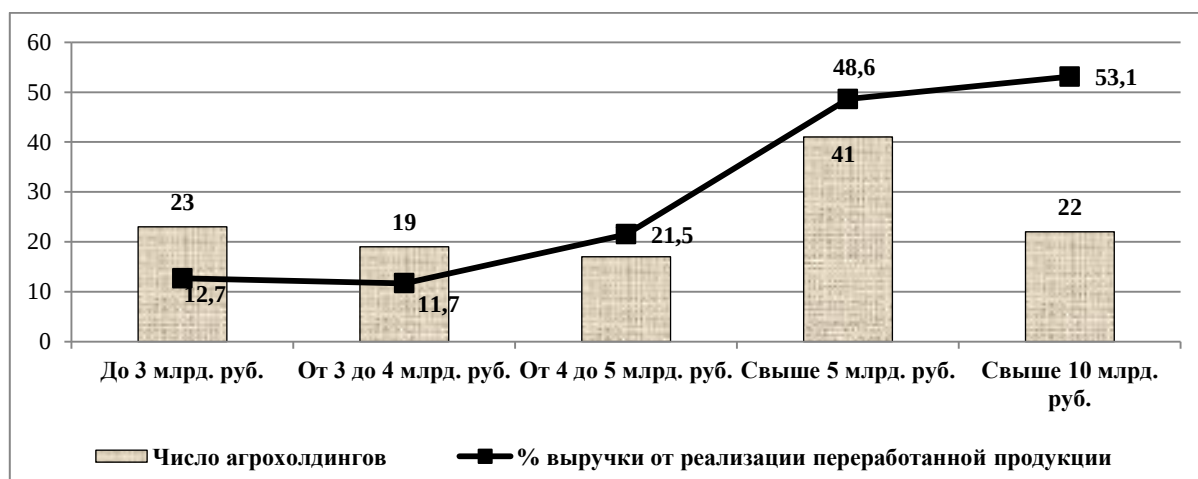

Рисунок 4 – Доля переработанной продукции и число агрохолдингов в России в 2016 г. [15, с. 113]

Новая фаза развития аграрного рынка будет усиливать процесс интеграции активов индустриального агропроизводства на фоне общих макроэкономических ограничений: стагнация доходов населения и его численности, административное ограничение роста цен внутри страны и др. Так, в производстве мяса рекордный уровень его текущего потребления приводит к постепенному насыщению рынка, оставляя минимальные возможности для замещения импорта. Такая конъюнктура, вероятно, вызовет постепенную стагнацию цен, рост конкуренции и усиление концентрации производства, заставляя менее эффективные компании уходить с рынка.

Балансировка рынка в производстве свинины и цыплят-бройлеров может происходить только за счет экспорта и периодического сокращения производства.

Заключение

Таким образом, текущий уровень консолидации российского АПК создает условия для реализации завершающего этапа ее институционально-рыночной перестройки, закрепляя общий вектор на его укрупнение. Из-за ограниченности платежеспособного спроса внутри страны предприятия, не имеющие экспортных доходов, не смогут переложить издержки на потребителя, но могут компенсировать инфляцию издержек через удорожание экспортных поставок.

Это значит, что в среднесрочной перспективе АПК Российской Федерации может столкнуться с кризисом перепроизводства на внутреннем рынке, результатом чего станет ужесточение конкуренции и «отбраковка» нежизнеспособных производств.

Как отмечает Б. И. Хейфец, «концентрация производства является естественным процессом в ходе повышения его эффективности и лоббистского веса. На рынке сельскохозяйственной продукции значительную угрозу представляет увеличивающаяся монополизация, способствующая уходу с него мелких производителей» [14, с. 164].

Ограничения со стороны спроса требуют не только более активной работы по повышению эффективности и снижению себестоимости продукции, но и экспортной диверсификации агропроизводства.

Однако экспортный разворот для крупных агрохолдингов, ориентированных преимущественно на рынки базового сырья, т. е. работающих с низкими переделами, не является простым. В отличие от экспортных рынков сырья с невысокой добавленной стоимостью рынки для поставок молочной продукции, мяскоколбасной продукции и соусов являются менее открытыми с более высоким уровнем конкуренции и требованиями по качеству продукции.

Таким образом, институционально-рыночный базис российского АПК обеспечивает более широкие возможности адаптации сельскохозяйственного производства и агропереработки к условиям нового инвестиционного цикла в отрасли. В условиях нестабильности доходной базы отечественных домохозяйств именно крупные сельскохозяйственные организации могут обеспечить снижение себестоимости производства и гибкую ценовую адаптацию к ограничениям, которые хронически находятся на стороне спроса.

В этих условиях балансировка рынка становится возможной только крупными

агрохолдингами, развивающими экспорт продукции, что позволяет компенсировать потери части прибыли из-за рассинхронизации динамики себестоимости и отпускных цен на продукцию на внутреннем рынке.

На более широком периметре производственной цепочки консолидация сбыта

торговыми сетями, наращивание ими выпуска продукции под СТМ формирует высокий уровень требований к динамике, объемам и качеству поставок, удовлетворение которых возможно только в системе крупнотоварного производства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Никулина, Ю. Н. Анализ инструментов аграрной политики с точки зрения стимулирования сельской занятости / Ю. Н. Никулина, Е. В. Серова, Р. Г. Янбых // АПК: Экономика, упр. – 2021. – № 10 (Аграр. политика: проблемы и решения). – С. 3–13.
2. Бетилгириев, М. А. Инновационная политика предприятия и ее влияние на конкурентоспособность / М. А. Бетилгириев // Современные контуры цифровой экономики России : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – 2018. – С. 149–156.
3. Бобровнич, А. А. Агропромышленная интеграция как основа оптимизации институционально-экономической системы агропромышленного комплекса: теоретико-методологический аспект / А. А. Бобровнич // Гос. и муницип. упр. : учен. зап. СКАГС. – 2020. – № 1. – С. 285–290.
4. Бондаренко, Т. И. Формирование и функционирование агрохолдингов как фактор современных институциональных преобразований аграрного сектора экономики России / Т. И. Бондаренко, О. Ю. Франциско, П. Ю. Франциско // Проблемы социально-экономического развития России на современном этапе : материалы IX ежегод. Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. ; отв. ред. А. А. Бурмистрова ; М-во образования и науки РФ ; Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов : ТГУ, 2017. – С. 24–29.
5. Лидеры снова обогнали рынок. Участники седьмого рейтинга «Агроинвестора» в прошлом году выпустили более 6 млн т. мяса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.agroinvestor.ru/rating/article/38005-lidery-snova-obognali-rynok-uchastniki-sedmogo-reytinga-agroinvestora-v-proshlom-godu-vypustili-bole/>. – Дата доступа: 10.05.2022.
6. Магомадов, В. А. Факторы и условия современного развития агропромышленного комплекса России / В. А. Магомадов // Вестн. Рост. гос. экон. ун-та (РИНХ). – Ростов н/Д, 2019. – № 1. – С. 45–50.
7. Магомадов, В. А. Макроэкономические ограничения и дефицит новых драйверов развития АПК в 2018–2019 гг.: восстановление хронологии событий / В. А. Магомадов // Исследование инновационного потенциала общества и формирование направлений его стратегического развития : сб. науч. ст. 10-й Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Курск, 30 дек. 2020 г. : 2 т. ; редкол.: Горохов А. А. (отв. ред.). – Курск : Юго-Зап. гос. ун-т., 2020. – Т. 2. – С. 17–21.
8. Муханова, М. Н. Субъекты сельскохозяйственного производства в социально-структурных процессах российского села / М. Н. Муханова // Социол. наука и соц. практика. – 2020. – Т. 8, № 4 (32). – С. 199–212.
9. Павлишин, Б. И. Государственная поддержка развития АПК в России / Б. И. Павлишин, М. Х. Барчо // Вектор экономики. – 2021. – № 10 (64). – № 34. – С. 119–134.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021 : стат. сб. – М., 2021. – 1112 с.
11. Рущицкая, О. А. Ведущие агрохолдинги России: особенности формирования и практика функционирования / О. А. Рущицкая // Теория и практика мировой науки. – 2021. – № 1. – С. 2–4.
12. Сосенков, А. В. АПК в условиях реализации стратегии пространственного развития России / А. В. Сосенков // Теория и практика мировой науки. – 2022. – № 1. – С. 29–32.
13. Развитие кооперативных принципов в АПК России / А. Т. Стадник [и др.] // Фундам. и приклад. исслед. кооператив. сектора экономики. – 2021. – № 1. – С. 58–68.
14. Хейфиц, Б. И. Перспективы развития АПК в результате концентрации сельскохозяйственных ресурсов / Б. И. Хейфиц // Гос. и муницип. упр. : учен. зап. СКАГС. – 2020. – № 4. – С. 163–167.

15. Шагайда, Н. И. Подходы к оценке размеров агрохолдингов / Н. И. Шагайда // *Вопр. экономики*. – 2020. – № 10. – С. 105–116.

16. Шокурова, Е. В России стало меньше сельхозорганизаций и фермерских хозяйств [Электронный ресурс] / Е. Шокурова // *Агроинвестор*. – 2022. – № 5. – Режим доступа: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/news/38065-v-rossii-stalo-menshe-selkhozorganizatsiy-i-fermerskikh-khozyaystv/>. – Дата доступа: 30.02.2023.

REFERENCES

1. Nikulina, Yu. N. Analiz instrumentov agrarnoj politiki s tochki zrenija stimulirovaniya sel'skoj zaniatosti / Yu. N. Nikulina, Ye. V. Sierova, R. G. Yanbykh // *APK: Ekonomika, upr.* – 2021. – № 10 (Agrar. politika: problemy i reshenija). – S. 3–13.

2. Bietilgiriye, M. A. Innovacionnaja politika priedpriyatija i jejo vlijaniye na konkurientosposobnost' / M. A. Bietilgiriye // *Sovremennyye kontury cifrovoj ekonomiki Rossii : sb. materialov Miezhdunar. nauch.-prakt. konf.* – 2018. – S. 149–156.

3. Bobrovnich, A. A. Agropromyshliennaja integracija kak osnova optimizacii institucional'no-ekonomichieskoj sistemy agropromyshliennogo kompleksa: teoretiko-mietodologichieskij aspiekt / A. A. Bobrovnich // *Gos. i municip. upr. : uchion. zap. SKAGS*. – 2020. – № 1. – S. 285–290.

4. Bondarienko, T. I. Formirovanije i funkcionirovanije agroholdingov kak faktor sovremennykh institucional'nykh prieobrazovanij agrarnogo siektora ekonomiki Rossii / T. I. Bondarienko, O. Yu. Francisko, P. Yu. Francisko // *Problemy social'no-ekonomichieskogo razvitija Rossii na sovremennom etapie : materialy IX jezhegodnoj miezhdunar. nauch.-prakt. konf. : v 2 ch. ; otv. ried. A. A. Burmistrova ; M-vo obrazovanija i nauki RF ; Tamb. gos. un-t im. G. R. Dierzhavina*. – Tambov : TGU, 2017. – S. 24–29.

5. Lidiery snova obognali rynek. Uchastniki sied'mogo rejtinga «Agroinvestora» v proshlom godu vypustili bolieje 6 mln t. miasa [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://www.agroinvestor.ru/rating/article/38005-lidery-snova-obognali-rynek-uchastniki-sedмого-rejtinga-agroinvestora-v-proshlom-godu-vypustili-bole/>. – Data dostupa: 10.05.2022.

6. Magomadov, V. A. Faktory i uslovija sovremennogo razvitija agropromyshliennogo kompleksa Rossii / V. A. Magomadov // *Viestn. Rost. gos. ekon. un-ta (RINKh)*. – Rostov n/D, 2019. – № 1. – S. 45–50.

7. Magomadov, V. A. Makroekonomichieskije ogranichenija i dieficit novykh drajvierov razvitija APK v 2018–2019 gg.: vosstanovlienije khronologii sobytij / V. A. Magomadov // *Issliedovanie innovacionnogo potenciala obshchestva i formirovanije napravlienij jejo strategichieskogo razvitija : sb. nauch. st. 10-j Vsieros. nauch.-prakt. konf. s miezhdunar. uchastijem, Kursk, 30 diek. 2020 g. : v 2 t. ; riedkol.: Gorokhov A. A. (otv. ried.). – Kursk : Jugo-Zap. gos. un-t., 2020. – T. 1. – S. 17–21.*

8. Mukhanova, M. N. Subjekty sel'skokhozjajstviennogo proizvodstva v social'no-strukturnykh processakh rossijskogo siela / M. N. Mukhanova // *Soc. nauka i social. praktika*. – 2020. – T. 8, № 4 (32). – S. 199–212.

9. Pavlishin, B. I. Gosudarstviennaja poddierzhka razvitija APK v Rossii / B. I. Pavlishin, M. Kh. Barcho // *Viektor ekonomiki*. – 2021. – № 10 (64). – № 34. – S. 119–134.

10. Riegiiony Rossii. Social'no-ekonomichieskije pokazatieli. 2021 : stat. sb. – M., 2021. – 1112 s.

11. Rushchickaja, O. A. Viedushchije agroholdingi Rossii: osobiennosti formirovanija i praktika funkcionirovanija / O. A. Rushchickaja // *Tieoriya i praktika mirovoj nauki*. – 2021. – № 1. – S. 2–4.

12. Sosienkov, A. V. APK v uslovijakh riealizacii strategii prostranstviennogo razvitija Rossii / A. V. Sosienkov // *Tieoriya i praktika mirovoj nauki*. – 2022. – № 1. – S. 29–32.

13. Razvitije kooperativnykh principov v APK Rossii / A. T. Stadnik [i dr.] // *Fundam. i priklad. isslied. koopierativ. siektora ekonomiki*. – 2021. – № 1. – S. 58–68.

14. Khiejfic, B. I. Pierspiektivy razvitija APK v riezul'tatie koncentracii sel'skohozjajstviennykh riesursov / B. I. Khejfic // *Gos. i municip. upr. : uchion. zap. SKAGS*. – 2020. – № 4. – S. 163–167.

15. Shagajda, N. I. Podkhody k ocenkie razmierov agroholdingov / N. I. Shagajda // *Vopr. ekonomiki*. – 2020. – № 10. – S. 105–116.

16. Shokurova, Ye. V Rossii stalo mien'she sel'khozorganizacij i fiermierskikh khozjajstv [Elektronnyj riesurs] / Ye. Shokurova // *Agroinvestor*. – 2022. – № 5. – Riezhim dostupa: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/news/38065-v-rossii-stalo-menshe-selkhozorganizatsiy-i-fermerskikh-khozyaystv/>. – Data dostupa: 30.02.2023.

УДК 378.091

**Маргарита Петровна Мишкова¹, Ольга Алексеевна Ковалевич²,
Элеонора Эриховна Ермакова³**

¹канд. экон. наук, доц., доц. каф. менеджмента

Брестского государственного технического университета

²магистр экон. наук, ст. преподаватель, каф. менеджмента

Брестского государственного технического университета

³магистр экон. наук, ст. преподаватель каф. экономической теории и логистики

Брестского государственного технического университета

Margarita Mishkova¹, Olga Kovalevich², Eleonora Ermakova³

¹Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Management of Brest State Technical University

²Master of Economic Sciences, Senior Lecturer of the Department of Management

of Brest State Technical University

³Master of Economic Sciences, Senior Lecturer of the Department of Economic Theory and Logistics

of Brest State Technical University

e-mail: ¹mishkova69@yandex.by; ²kavalevka@mail.ru; ³ermakova.eleonora@gmail.com

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОЦЕССОВ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Цифровизация образования на всех уровнях является одним из приоритетов образовательной политики в Республике Беларусь. В статье рассматриваются основные направления цифровой трансформации образовательного процесса и процессов, сопутствующих образовательному. Анализируются государственные программы и концепции, направленные на развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры, создание современного электронного образовательного контента и автоматизацию процессов управления. Особое внимание уделяется внедрению дистанционных технологий обучения и концепции «обучение через всю жизнь». Статья может быть интересна специалистам разных уровней системы образования, а также всем заинтересованным лицам.

Ключевые слова: цифровая трансформация, система образования, информационно-коммуникационные технологии.

Digital Transformation of Processes in the Education System of the Republic of Belarus

Digitalization of education at all levels is one of the priorities of educational policy in the Republic of Belarus. The article discusses the main directions of the digital transformation of the educational process and the processes accompanying the educational process. The state programs and concepts aimed at the development of information and communication infrastructure, the creation of modern electronic educational content and automation of management processes are analyzed. Special attention is paid to the introduction of distance learning technologies and the concept of «lifelong learning». The article may be of interest to specialists at all levels of the education system, as well as to all interested parties.

Key words: digital transformation, education system, information and communication technologies.

Введение

Цифровизация образования представляет собой важный аспект современной образовательной политики в Республике Беларусь. В условиях стремительного развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и глобализации цифровая трансформация образовательного процесса становится необходимым условием для обеспечения конкурентоспособности и качества образования. Введение цифровых технологий в образовательный процесс позволяет не только повысить эффективность

обучения, но и создать условия для непрерывного профессионального развития и самообразования. В статье рассматриваются основные направления и приоритеты цифровой трансформации системы образования в Республике Беларусь, а также анализируются ключевые программные документы и инициативы, направленные на достижение этих целей.

Современные информационные образовательные технологии

Цифровизация образования на всех уровнях является одним из приоритетов образовательной политики в Республике Беларусь. В стране разработаны и реализуются ряд программных документов: государственные программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы [1], «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 годы [2], Концептуальные подходы к развитию системы образования Республики Беларусь до 2020 года и на перспективу до 2030 года [3], Декрет Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» [4] и др. Министерство образования разработало и утвердило Концепцию цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь на 2019–2025 годы [5], определяющую основные цели, задачи, направления и границы цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь до 2025 г.

Цифровая трансформация процессов в системе образования включает следующие основные направления: развитие и модернизация информационно-коммуникационной инфраструктуры системы образования; формирование современного электронного образовательного контента; автоматизация процессов управления.

Концепцией цифровой трансформации определены два приоритетных направления: цифровая трансформация непосредственно образовательного процесса и цифровая трансформация процессов, сопутствующих образовательному.

Цифровая трансформация образовательного процесса направлена на обеспечение доступа всех участников образовательного процесса к цифровым технологиям, использование дистанционных технологий обучения. Важную роль в этом процессе занимает продвижение концепции «обучение через всю жизнь», совершенствование образовательного процесса путем гармоничного внедрения достижений в сфере ИКТ, объединение и систематизация разрозненных образовательных информационных ресурсов. Обязательным условием является корректировка содержания образовательных программ в части формирования у обучающихся компетенций в области информа-

ционных технологий, использование электронных образовательных ресурсов и возможностей современных дидактических методик на базе ИКТ в образовательном процессе.

Цифровая трансформация процессов, сопутствующих образовательному, направлена прежде всего на оказание информационной поддержки учреждениям образования. Для этого проводятся работы по объединению разрозненных внутриведомственных информационных систем и ресурсов, обеспечению эффективного межведомственного обмена данными посредством Общегосударственной автоматизированной информационной системы, обеспечению информационного взаимодействия поставщиков информации в сфере образования и пользователей информации. Указанные мероприятия способствуют уменьшению дополнительной либо нерелевантной нагрузки на педагогических работников и созданию площадок для активного профессионального взаимодействия специалистов в области образования, упрощению порядка осуществления административных процедур за счет перевода их в электронный вид.

В Республике Беларусь создана и функционирует отраслевая техническая инфраструктура системы образования. Учреждения образования всех уровней обеспечены средствами информационных технологий (компьютеры, средства мультимедиа и различного вида проекционное оборудование, копировально-множительная техника, системное и прикладное программное обеспечение). Также в образовательном процессе есть возможность использовать интернет-услуги и интернет-сервисы: электронная почта, удаленный доступ к интернет-ресурсам, взаимодействие с информационными системами и ресурсами и др.

В настоящее время согласно установленным целям развития продолжается обновление и наращивание количества компьютерной техники в учреждениях образования. Вузы обеспечены компьютерным оборудованием, оргтехникой, средствами мультимедиа, программными продуктами. С 2018 г. в Республике Беларусь реализуется экспериментальный проект «Цифровой университет», в котором участвует 33 учреждения высшего образования.

Министерство образования внедрило Республиканскую автоматизированную систему «Электронное образование», которая позволяет собирать, обрабатывать и анализировать на уровне общего среднего, профессионально-технического, среднего специального и высшего образования статистические данные отрасли.

В области цифровой трансформации процессов в системе образования можно выделить следующие направления:

1. Использование дополненной, виртуальной и смешанной реальностей.

Дополненная, виртуальная и смешанная реальности в значительной степени трансформируют образовательный процесс, позволяя демонстрировать на учебных занятиях материалы, которые не могут быть показаны в рамках традиционного образовательного процесса.

2. Применение на занятиях цифровых пользовательских устройств.

Замечен переход к повсеместному оборудованию классов и аудиторий современными электронными устройствами, в частности, ноутбуками и планшетами. Наличие в классах и аудиториях современных электронных устройств позволяет создать эффективное рабочее пространство.

3. Создание трансформируемого рабочего пространства.

Специалисты полагают, что учебные классы и аудитории должны имитировать рабочие места, поэтому необходимо создавать в них условия для совместной работы обучающихся путем организации трансформируемого рабочего пространства на основе использования современных цифровых технологий: «умных» досок (Smart Boards), «умных» парт (Smart Desks) и др. Впоследствии от инновационных пространств проще переходить к созданию инновационных учреждений.

4. Использование искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект позволяет проводить детальный анализ процессов в системе образования. На макроуровне – это мониторинг процесса цифровой трансформации, на микроуровне – оценка эффективности обучающих материалов. Более того, с помощью современных электронных устройств становится возможным мгновенно получать информацию и своевременно при-

нимать решения, а также учитывать способности и интересы обучающегося и создавать для каждого индивидуальную траекторию развития.

Цифровые технологии предоставляют обучающимся возможность выбрать вид учреждения образования и персонифицировать процесс обучения. Вместе с искусственным интеллектом можно выстраивать максимально эффективную образовательную траекторию в зависимости от возможностей обучающегося.

5. Персонализация и геймификация учебного процесса.

Использование игровых технологий (геймификация) позволяет сделать изучение сложного материала более интересным и результативным. Сегодня в мировой практике электронные обучающие игры активно используются во всех дисциплинах и на всех уровнях образования.

6. Применение других инновационных технологий.

На основе технологии блокчейн возможна реализация сертификации, лицензирования, подтверждения подлинности документов об образовании и других проектов.

Технология уберизации в системе образования направлена на выстраивание персональной образовательной траектории обучающегося за счет расширения его возможностей в выборе учреждения образования, преподавателя, образовательных программ и способа их освоения.

На основании концепции «Smart City», применяемой во многих странах, создаются «умные учреждения» на базе интернета вещей, в т. ч. в формате «Smart School».

Цифровая трансформация процессов в системе образования включает и такие тенденции, как возникновение спроса на глобальные цифровые дипломы и степени (в т. ч. по результатам обучения на базе работодателя), образовательные онлайн-платформы с контентом, создаваемым самими пользователями, мобильные и онлайн-курсы со смешанным учебным планом и проектно ориентированным обучением и др.

Вместе с тем отсутствие выработанных единых подходов в части формирования цифровой образовательной среды может привести к нарастанию угроз в масштабах отдельно взятых государств за счет

бесконтрольно реализуемых инициатив по внедрению информационно-коммуникационных технологий и использованию электронного образовательного контента в образовательном процессе, попыток проведения локальной цифровой трансформации процессов в системе образования без должной оценки последствий.

Поэтому система образования Республики Беларусь направлена на последовательную реализацию процессов цифровой трансформации и эффективное управление ими. Цифровая трансформация образовательного процесса должна обеспечить:

1) доступ всех участников образовательного процесса к цифровым технологиям, улучшающим образовательный процесс;

2) использование дистанционных технологий обучения и популяризацию принципа «обучение через всю жизнь»;

3) совершенствование образовательного процесса путем гармоничного внедрения достижений в сфере ИКТ;

4) справочно-информационную поддержку всех участников образовательного процесса;

5) объединение и систематизацию разрозненных информационных ресурсов, востребованных в образовательной деятельности;

6) корректировку содержания образовательных программ в части формирования у обучающихся компетенций в области информационных технологий;

7) использование электронных образовательных ресурсов и возможностей современных дидактических методик на базе ИКТ в образовательном процессе;

8) совершенствование системы оказываемых электронных образовательных услуг;

9) цифровое документирование и аналитика результатов образовательного процесса.

В ходе цифровой трансформации процессов в системе образования в стране планируется создание Республиканской информационно-образовательной среды (РИОС). Платформенная часть РИОС будет включать программные продукты, обеспечивающие работу системы образования в цифровом виде, которые можно разделить на три основных категории:

1) платформа «электронное образование» как единая точка входа во все информационные системы сферы образования;

2) базовый информационный слой – основные потоки данных о системе образования (регистры, банки и базы данных, статистика и др.);

3) сервисы – некоммерческие и коммерческие сервисы (как государственных, так и частных разработчиков), библиотеки и банки цифрового образовательного контента.

Платформа выступает в качестве доверенной среды для публикации образовательных и вспомогательных сервисов. Она будет работать по принципу гибридного маркетплейса. Государственные и частные сервисы размещаются на платформе в рамках как некоммерческого взаимодействия, так и открытого рынка и государственно-частного партнерства.

Зарубежный опыт использования цифровизации в образовательном процессе

Активно поддерживается процесс цифровизации образования в европейских странах. В 2018 г. в Европе был принят «План действий по цифровой трансформации образования», а в 2020 г. этот документ был дополнен и скорректирован с учетом опыта пандемии. С этой целью было проведено масштабное исследование сферы образования, велась активная работа со всеми заинтересованными сторонами образовательного процесса, включая общественные организации, частные компании, образовательные учреждения, исследовательские институты, представителей гражданского общества и др. Новый «План действий» Еврокомиссии по цифровой трансформации образования определяет программу на период 2021–2027 гг., устанавливает приоритеты по реализации плана цифровой трансформации системы образования. К ним относятся:

1) создание высокоэффективной экосистемы цифрового образования;

2) повышение цифровых навыков и компетенций для осуществления цифровой трансформации;

3) укрепление сотрудничества и обмена опытом в области цифровой трансформации между странами – членами Евросоюза.

«План действий» ставит перед европейской системой образования следующие задачи:

1) обеспечение к 2025 г. не менее 70 % населения Европы в возрасте от 16 до

74 лет по крайней мере базовыми цифровыми навыками;

2) сокращение к 2030 г. доли обучающихся 13–14 лет, не обладающих компьютерной и информационной грамотностью, до менее чем 15 %;

3) развитие цифровой трансформации в секторе профессионального образования и обучения для обеспечения устойчивой конкурентоспособности, социальной справедливости и приспособляемости.

Разработанный документ также определяет источники финансирования и поддержки деятельности по цифровой трансформации образования. В качестве таковых источников определены программа «Erasmus», «Европейский социальный фонд», «Европейский фонд регионального развития», программа «Политика умной специализации», фонд «Соединяющаяся Европа», программа «Цифровая Европа», инициатива научных исследований Европейского союза «Horizon Europe» на 2021–2027 гг.

Для решения поставленных задач «План действий» Еврокомиссии устанавливает следующие действия:

1) эффективное планирование развития цифрового потенциала учебных заведений;

2) своевременное выявление и устранение пробелов в цифровой инфраструктуре;

3) разработка, постоянный обзор и обновление цифровых стратегий;

4) разработка гибридных форм обучения, включающих онлайн и традиционные аудиторные занятия;

5) решение проблемы цифрового неравенства по социально-экономическим причинам или в связи с проживанием в сельской местности;

6) обеспечение интернет-соединений с очень высокой пропускной способностью для обеспечения возможности использования таких приложений, как потоковое видео, видеоконференции, облачные вычисления, виртуальная и дополненная реальность;

7) обеспечение доступа обучающихся к образовательному контенту из любой географической точки без привязки к определенным помещениям и аудиториям; особую важность имеет наличие надежного Wi-Fi-соединения;

8) разработка цифровых методов обучения, постоянное повышение цифровой квалификации педагогов;

9) разработка высококачественного контента, удобных для пользователей инструментов, дополнительных услуг и безопасных платформ, обеспечивающих конфиденциальность и соблюдение этических стандартов.

«План действий» предусматривает разработку технико-экономического обоснования создания общеевропейской платформы обмена образовательным контентом, которая связала бы существующие образовательные платформы и позволяла осуществлять обмен сертифицированными онлайн-ресурсами (массовые открытые онлайн-курсы).

Также следует отметить, что в Европейском союзе действует т. н. «Молодежная гарантия» – обязательство всех государств-членов обеспечить всех молодых людей в возрасте до 25 лет качественными предложениями по трудоустройству, продолжению обучения, практики. Однако отсутствие у части молодежи необходимых цифровых навыков является препятствием для этого. Поэтому предложено тестировать цифровые навыки регистрирующихся в «Молодежной гарантии» и предлагать курсы повышения цифровой компетентности на основании выявленных пробелов.

С 2018 г. в Евросоюзе действует программа цифровых стажировок на предприятиях для молодежи, в рамках которой уже прошли обучение свыше 12 тыс. человек. Масштабы данной программы предполагается расширить и подключить к стажировкам преподавательский состав и руководителей. Программа «Цифровая Европа» сфокусирована на развитие у ее участников цифровых навыков высокого уровня. В Евросоюзе работают цифровые волонтеры и проводятся интенсивные курсы повышения цифровой компетенции для сотрудников.

В магистратуре университетов стран Евросоюза увеличивается количество мест по направлениям подготовки, связанным с искусственным интеллектом и кибербезопасностью. Разрабатываются стратегии повышения привлекательности цифровых профессий, происходит развитие профессиональных сообществ специалистов в области цифровых технологий.

В настоящее время в ЕС создан и функционирует Европейский комитет по стандартизации профессионализма в области информационных технологий и цифровых компетенций. Планируется разработка Европейского сертификата цифровых навыков, который признавался бы и принимался правительствами, работодателями и другими заинтересованными сторонами по всей Европе.

С целью проведения контроля выполнения мероприятий «Плана действий» и развития цифрового образования в Европе, а также координации деятельности сети национальных консультативных служб по цифровому образованию для обмена опытом и передовой практикой в отношении стимулирующих факторов цифрового образования было принято решение о создании «Европейского центра цифрового образования».

Среди передовых технологий обучения, используемых в международной практике, можно выделить:

1. STEM. Главные принципы этого подхода в образовании:

1) акцент на проектной деятельности учащихся;

2) ориентация учебных задач на практическое применение в жизни;

3) охват ключевых дисциплин, необходимых для подготовки специалиста в области современных технологий;

4) междисциплинарный характер (реализация интегрального подхода).

Идея STEM зародилась в 2001 г. в США и получила развитие в деятельности крупных корпораций, работающих с современными технологиями (Xerox, Intel и др.). Сейчас этот подход применяется в Великобритании, Франции, Канаде, Китае, России и других странах.

Цель подхода – упор на практику, реальное применение знаний, пользу для человека и общества, раскрытие креативности. Особый акцент делают на инженерии и робототехнике – сферах, которые будут доминировать в мире.

2. «Фишбоун». В основе технологии – схематическая диаграмма скелета рыбы, предложенная японским профессором Каору Исикавой. Подход нацелен на развитие у обучающихся умения видеть причинно-следственные связи, анализировать, распре-

делять факторы по степени значимости. «Фишбоун» позволяет работать как индивидуально, так и в группах.

3. Сингапурская методика. Сингапур внес вклад в реализацию цифровых технологий в образовании. Здесь была разработана образовательная методика, которую со временем начали применять в остальном мире. Ее эффективность подтверждает то, что сингапурские дети демонстрируют высокий уровень подготовленности в сфере технологий, точных наук, инженерного дела.

Главные принципы, на которых строится эта методика:

1) приспособление к новой реальности – использование техники и гаджетов в процессе обучения;

2) ориентация на опыт мировых лидеров в сфере образования;

3) высокие требования к подготовке преподавателей;

4) акцент на развитие самостоятельности, практических навыков, которые пригодятся в реальной жизни и работе.

Использование цифровых технологий в обучении встречает немало критики. Среди главных недостатков называют:

1) низкий уровень социальных навыков (в сфере образования при создании общего проекта это можно компенсировать, организовав работу в командах);

2) вред для здоровья (необходимо учитывать физические нагрузки и предусматривать регулярный отдых от гаджетов, чтобы минимизировать их негативное влияние);

3) зависимость от устройств (нужно разрабатывать и совершенствовать нормы времени работы за компьютером, со смартфоном и планшетом);

4) сокращение рабочих мест (снижение объема использования бумажных носителей и изменение роли преподавателя повлекут уменьшение числа сотрудников в образовательных учреждениях).

Еще одна проблема цифровизации образования – это большие затраты, связанные с внедрением новых технологий.

Цифровизация высшего образования в Республике Беларусь

В рамках Концепции цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь на 2019–2025 гг. были определены основные направления для

цифровизации высшего образования. В ходе реализации Концепции цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь были достигнуты следующие результаты:

1. *Внедрение электронных образовательных ресурсов* (университеты активно используют цифровые учебные материалы, онлайн-курсы и интерактивные платформы для обучения студентов).

2. *Развитие системы дистанционного обучения* (вузы создают эффективные платформы для удаленного обучения, виртуальных классов и вебинаров).

3. *Сетевое взаимодействие учреждений высшего образования* (университеты активно сотрудничают между собой, обмениваются опытом и ресурсами).

4. *Автоматизация процессов управления* (внедрение цифровых решений с целью оптимизации управления учебными заведениями).

5. *Развитие цифровой компетенции педагогических кадров* (обучение преподавателей новым методам обучения с использованием технологий).

Создание «цифрового университета» может дать следующие экономические эффекты:

1. Снижение трудозатрат (автоматизация административных процессов, электронный документооборот и онлайн-платформы для обучения позволят сократить временные затраты на решение рутинных задач, таких как регистрация студентов, ведение учета и расписание занятий).

2. Экономия расхода материалов (цифровые учебные материалы, электронные библиотеки и онлайн-курсы помогут сократить расход бумажных ресурсов, расходных полиграфических материалов).

3. Сокращение численности персонала (цифровые решения позволят уменьшить необходимость в большом количестве административного персонала, т. к. многие процессы будут автоматизированы).

4. Повышение дохода учреждения образования («цифровой университет» может привлечь больше студентов, повысить качество образования, расширить аудиторию за счет онлайн-курсов и привлечь инвестиции в развитие цифровой инфраструктуры).

Эти мероприятия способствуют совершенствованию образовательной систе-

мы и подготовки студентов к цифровому будущему, что в конечном итоге может привести к экономическим выгодам. В целом в процессе цифровизации система управления вузом становится более гибкой, демократичной и открытой для образовательных инноваций.

Использование инновационных методов обучения способствует активному вовлечению студентов в учебный процесс, развитию критического мышления, творческих навыков и самостоятельности. Инновационное мышление способствует поиску новых возможностей и решений, что является важным аспектом повышения конкурентоспособности университета.

Цифровизация университета изменяет роль преподавателя высшей школы: из носителя академических знаний и поставщика информации он превращается в обучающего дизайнера, провайдера контента и ресурсов, в наставника. Преподаватель, разрабатывая эффективную и привлекательную образовательную среду, формирует у студентов способность учиться в течение всей жизни.

Доступность цифрового образования предполагает доступ к оцифрованным массивам данных, внедряет в лекции мультимедийные компоненты (презентации, видеоуроки), обеспечивает возможность дистанционного обучения. Мультимедийные технологии помогают обеспечить быстрый доступ к информации, повысить эффективность учебного процесса в университете, обеспечивают благоприятную среду для формирования компетенций, необходимых будущим специалистам.

Онлайн-курс, запись лекций, электронные материалы и другие цифровые ресурсы делают обучение доступным даже для тех студентов, которые не могут физически присутствовать на занятиях.

Интеграция в международное образовательное пространство предусматривает возможность увеличения целевой аудитории университета, привлечение иностранных студентов к онлайн-обучению, предоставляет маркетинговые возможности, открывающиеся при использовании информационно-коммуникационных технологий.

Институциональная гибкость университета обеспечивает способность

быстрой адаптации к изменениям, возможность создания новых рабочих мест.

Создание гибкой системы повышения квалификации сотрудников в связи с изменением профессиональных компетенций, «размытием» границ между научными дисциплинами.

Сотрудничество и коммуникации. Технологии способствуют улучшению сотрудничества и коммуникации между студентами, преподавателями и другими участниками учебного процесса. Электронные платформы и инструменты для обмена информацией, обсуждения заданий и проектов, виртуальных групповых работ позволяют студентам активно взаимодействовать и совместно работать даже на расстоянии. Такой подход способствует развитию коммуникационных и коллаборативных навыков, которые являются важными в современном мире.

Формирование единого информационного пространства для оценки и аналитики предусматривает возможность создания цифрового профиля студента и преподавателя. Технологии также позволяют университету собирать и анализировать данные об успеваемости студентов. Системы электронной оценки и аналитики данных позволяют преподавателям и администрации университета получать информацию о прогрессе студентов, обнаруживать слабые места и принимать меры для их устранения.

Это способствует повышению качества образовательного процесса и достижению лучших результатов.

Повышение конкурентоспособности университета в результате подготовки выпускников с необходимыми навыками и знаниями для успешной карьеры в цифровом мире, улучшение качества образовательного процесса.

Заключение

Цифровая трансформация образования в Республике Беларусь направлена на создание современной и эффективной системы образования, способной отвечать вызовам времени и потребностям общества. Внедрение цифровых технологий в образовательный процесс и процессы управления образовательными учреждениями способствует повышению качества образования, доступности образовательных ресурсов и эффективности управления.

Государственные программы и концепции, направленные на цифровизацию образования, играют ключевую роль в достижении этих целей. Важно продолжать развитие и модернизацию информационно-коммуникационной инфраструктуры, создание и обновление электронного образовательного контента, а также автоматизацию процессов управления для обеспечения устойчивого развития системы образования в условиях цифровой экономики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mpt.gov.by/ru/gosudarstvennaya-programma-cifrovoe-razvitie-belarusi-na-2021-2025-gody> – Дата доступа: 18.08.2024.
2. Государственная программа «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adu.by/images/2021/02/gos-pr-obrazovanie-molod-politika-2021-2025.pdf>. – Дата доступа: 18.08.2024.
3. Концептуальные подходы к развитию системы образования Республики Беларусь до 2020 года и на перспективу до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adu.by/images/2021/12/koncept-razv-sist-obrazov.pdf>. – Дата доступа: 18.08.2024.
4. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь № 8. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Pd1700008>. – Дата доступа: 18.08.2024.
5. Концепция цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь на 2019–2025 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://crit.bspu.by/wp-content/uploads/2021/08/concept.pdf>. – Дата доступа: 18.08.2024.

REFERENCES

1. Gosudarstviennaja programma «Cifrovoje razvitije Bielarusi» na 2021–2025 gody [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://mpt.gov.by/ru/gosudarstvennaya-programma-cifrovoe-razvitie-belarusi-na-2021-2025-gody> – Data dostupa: 18.08.2024.
2. Gosudarstviennaja programma «Obrazovanije i molodiozhnaja politika» na 2021–2025 gody [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://adu.by/images/2021/02/gos-pr-obrazovanie-molod-politika-2021-2025.pdf>. – Data dostupa: 18.08.2024.
3. Konceptual'nyje podkhody k razvitiju sistiemy obrazovanija Rjespubliki Bielarus' do 2020 goda i na pierspektivu do 2030 goda [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://adu.by/-images/2021/12/koncep-razv-sist-obrazov.pdf>. – Data dostupa: 18.08.2024.
4. O razvitii cifrovoj ekonomiki [Elektronnyj resurs] : Diekriet Priezidenta Rjesp. Belarus, № 8. – Riezhim dostupa: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Pd1700008>. – Data dostupa: 18.08.2024.
5. Konceptcija cifrovoj transformacii processov v sistiemie obrazovanija Rjespubliki Bielarus' na 2019–2025 gody [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://crit.bspu.by/wp-content/uploads/2021/08/concept.pdf>. – Data dostupa: 18.08.2024.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 22.09.2024

УДК 343.131.8

Сергей Михайлович Храмов

канд. юрид. наук, доц., доц. каф. теории и истории государства и права
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Sergey Khramov

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor
of Department of Theory and History of State and Law
of Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: khramausiarhei@gmail.com

ЭМПИРИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП «СУХОГО ОСТАТКА» В МЕХАНИЗМЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПРИ ДЕФИЦИТЕ НАЧАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Рассматриваются проблемы использования алгоритмического подхода при установлении обстоятельств общественно опасных деяний. Предлагается разработанный автором эмпирический принцип «сухого остатка». Алгоритм разработан на основе анализа правоприменительной практики. Он состоит из ряда последовательных шагов, позволяющих найти причинно-следственные связи и мотивы действий подозреваемого. Анализируются типовые ошибки, которых следует избегать при установлении обстоятельств ранее произошедших событий. Приведены примеры из правоприменительной практики. Показан механизм действия этого принципа. Сделан вывод о том, что алгоритмический подход позволяет быстро выдвигать и проверять обоснованные версии, обеспечивая систематизированный подход к анализу данных и принятию решений. Последовательное прохождение всех шагов предложенного алгоритма повышает вероятность решения задач по наиболее полному установлению обстоятельств ранее произошедших событий.

Ключевые слова: принцип, алгоритм, «сухой остаток», установление обстоятельств, общественно опасное деяние, расследование.

Empirical Principle of «Dry Residue» in the Mechanism of Establishing Circumstances in the Event of a Deficit of Initial Information

The article considers the problems of using an algorithmic approach to establishing the circumstances of socially dangerous acts. The author proposes an empirical principle of «bottom line». The algorithm is based on the analysis of law enforcement practice. It consists of a number of successive steps that allow finding cause-and-effect relationships and motives for the suspect's actions. Typical errors that should be avoided when establishing the circumstances of previously occurring events are analyzed. Examples from law enforcement practice are given. The mechanism of the principle's action is shown. It is concluded that the algorithmic approach allows for quick advancement and verification of substantiated versions, providing a systematic approach to data analysis and decision-making. In general, consistent completion of all steps of the proposed algorithm increases the likelihood of solving problems on the most complete establishment of the circumstances of previously occurring events.

Key words: principle, algorithm, bottom line, establishment of circumstances, socially dangerous act, investigation.

Введение

Механизм установления истины на основании имеющихся данных и фактов играет ключевую роль в расследовании происшествий, общественно опасных деяний, исторических событий, а также в повседневной жизни. При совершении преступления «установление истины по делу означает, что совершенное преступление раскрыто и преступник изобличен» [1, с. 72].

Рассмотрим один из принципов, с помощью которого можно повысить вероятность установления обстоятельств ранее произошедших событий – принцип «сухого остатка». Он сформулирован автором на основе изучения большого количества эмпирических данных.

Принцип «сухого остатка» основан на анализе внутренних мотивов лица, совершившего противоправное действие. Еще

в Древнем Риме бытовало утверждение, что «сделал тот, кому выгодно» [2, с. 946].

Понятие принципа «сухой остаток»

«Сухой остаток» – ассоциативный термин, часто используемый при общении специалистов. Он обозначает концентрированный результат цепочки предыдущих действий. От «сухого остатка» цепочку можно «размотать» обратно. Определение не словарное, в словарях термин отсутствует.

В перечне приемов установления обстоятельств С. М. Храмова «сухой остаток» числится под первым номером. Для применения «сухого остатка» необходимо обладать умением извлекать необходимую информацию из имеющихся источников, в т. ч. процессуальных. Это не вся имеющаяся информация, а только та, на основании которой можно делать индуктивные умозаключения.

Примеры использования принципа «сухой остаток» при установлении обстоятельств

Практическая реализация принципа «сухого остатка» может идти по следующей схеме (на примере случая с задержкой рейса в аэропорту). За основу взят реальный случай из правоприменительной практики.

Установленные обстоятельства.

В аэропорт поступил анонимный звонок. Мужчина сообщил о минировании готовящегося к вылету самолета. Вылет самолета задержан. Сообщение о минировании не подтвердилось.

Разделение установленных обстоятельств:

1) неустановленный мужчина позвонил в аэропорт и сообщил о минировании самолета;

2) самолет, по поводу которого поступило сообщение, готовился к вылету;

3) в результате пришлось задержать вылет самолета на время проверки сообщения о минировании;

4) сообщение о минировании не подтвердилось.

Усиление степени дробления установленных по делу обстоятельств на основе логических выводов:

1) звонил неустановленный мужчина;

2) цель звонка, как минимум, проверка самолета компетентными специалистами;

3) любая проверка сообщения о минировании занимает значительное время;

4) если бы звонка о минировании не было, самолет улетел бы вовремя;

5) сообщение о минировании оказалось заведомо ложным;

6) рейс был задержан на время проверки сообщения о минировании;

7) этого времени достаточно, чтобы успеть на самолет опоздавшему по каким-либо причинам пассажиру.

Установление пары «действие – следствие». «Звонок о минировании» – «задержка рейса». «Сухой остаток», или следствие, в примере с телефонным звонком в аэропорт – «задержка рейса», а не эвакуация пассажиров и т. д.

Предположение о мотиве действия.

Звонивший заинтересован в задержке рейса. Версия – звонок о минировании произвел опаздывающий на рейс пассажир.

При этом под версией традиционно понимается основанное на фактических данных предположение о сущности или отдельных обстоятельствах исследуемого события. Выявление приоритетной версии и ее отработка является основой для дальнейшего расследования, сбора и анализа доказательств, изобличения виновного лица.

В целом версия представляет собой гипотезу, логическое обоснованное предположение, основанное на имеющихся данных, которое подлежит проверке в процессе расследования.

В правоприменительной практике версии могут быть как исходными, так и рабочими. Исходные версии формируются на начальном этапе расследования, а рабочие возникают в ходе анализа полученной информации.

Очевидные первоочередные мероприятия по отработке выдвинутой версии в рассматриваемом случае таковы:

1) сравнить список пассажиров, купивших билеты на данный рейс, с зарегистрированными и фактически находящимися на борту пассажирами («принцип сравнения»);

2) проверить на причастность к заведомо ложному сообщению о минировании отсутствующих пассажиров-мужчин.

В использованном примере из правоприменительной практики звонившим оказался опоздавший на рейс пассажир. Таким образом он пытался задержать своевременный

вылет самолета. В итоге задержка рейса составила три часа. Был произведен повторный досмотр воздушного судна, пассажиров и багажа. Обстоятельства произошедшего были установлены своевременно. Вместо самолета звонившего правонарушителя доставили в органы правопорядка.

Периодически подобные инциденты повторяются. Например, 03.07.2024 «опоздавший на посадку пассажир рейса № 6790 из Екатеринбурга в Пензу... сообщил об угрозе целостности воздушного судна и угрозе здоровью пассажиров. В связи с этим пассажиры были высажены для дополнительного досмотра воздушного судна и багажа» [3].

Для повышения вероятности быстрого установления обстоятельств таких прецедентов может быть использован предлагаемый эмпирический принцип «сухого остатка».

Еще один пример, когда при восстановлении недостающей информации был успешно применен подход, основанный на причинно-следственных связях. Случай из собственной практики был описан основателем криминалистики Гансом Гроссом. События происходят во второй половине XIX в. Ганс Гросс описывает происшествие, которое на первоначальном этапе рассматривалось как убийство путем «задушения» (по терминологии Г. Гросса), инсценированное под самоубийство путем самоповешения. В дальнейшем по мере изучения причинно-следственных связей была выдвинута и подтверждена иная версия.

Проанализируем указанный пример, используя принцип «сухого остатка».

Было выяснено, что больной пожилой потерпевший был предрасположен к апоплексическому удару.

Для того чтобы ухаживать за ним и (в случае необходимости) оказывать первую помощь, родственники потерпевшего наняли слуг – лакея и кухарку. Они должны были обеспечивать круглосуточное обслуживание больного.

На месте происшествия, порядок вещей в котором не был нарушен, Ганс Гросс обратил внимание на то, что «труп висел посреди комнаты на крюке для люстры, причем ноги его не касались пола почти на полметра, и около трупа не было ни одного стула или ему подобного предмета» [4, с. 800].

Данное обстоятельство указывало на то, что потерпевший самостоятельно не мог совершить указанные действия.

Также было установлено, что в ночь, предшествующей обнаружению тела потерпевшего, слуги в доме отсутствовали. Оказалось, что лакей и кухарка «без позволения отлучились на какой-то бал» [4, с. 801].

В ходе тщательного осмотра было установлено, что наступлению смерти потерпевшего предшествовал апоплексический удар. Проникновения каких-либо посторонних лиц в дом не было.

В связи с этим была выдвинута обоснованная версия, что потерпевший почувствовал себя плохо и по причине отсутствия помощи скончался. Слуги, когда вернулись с бала, обнаружили это.

Но каков был мотив действий? И это обстоятельство удалось выяснить, анализируя причинно-следственные связи. «Чтобы избежать упрека в неисполнении своих обязанностей, прислуга (лакей и кухарка) придумала придать трупу вид самоубийцы, с помощью веревки от метлы укрепили на крюке для люстры петлю, затем лакей поднял труп и кухарка надела ему на шею петлю. Поставить же стул около трупа они забыли, т. к. поторопились обокрасть письменный стол покойного» [4, с. 801].

Примечательно, что первоначально версия о краже не рассматривалась, т. к. сообщение содержало лишь сведения о пожилom мужчине, который якобы совершил самоубийство.

Хотя корысть является типовым мотивом действий злоумышленников, факт хищения был обнаружен после отработки основной версии об убийстве потерпевшего, которая не подтвердилась. Умысел на хищение возник ситуативно. Лакей и кухарка просто воспользовались случаем, скрыв при этом истинную картину произошедшего. Оказалось, что не было ни убийства, ни самоубийства. В процессе расследования был выявлен дополнительный эпизод – кража. Поскольку умысел на совершение кражи у слуг возник ситуативно и они в этот момент находились в помещении, то квалифицирующий признак проникновения в жилище здесь отсутствует. В то же время в их действиях содержится другой квалифицирующий признак – «группа лиц».

Следует отметить, что исследования и практический опыт Ганса Гросса до сих пор представляют интерес для юридической практики. Его работы, посвященные методам доказательства и анализа улик, по-прежнему являются основой для современных расследований. Методы сбора, документирования и анализа доказательств, предложенные им, используются как в теории, так и на практике. Практика Ганса Гросса основывалась на междисциплинарном подходе. В современных расследованиях также востребованы знания судебных медиков, психологов и других специалистов для более глубокой оценки преступных актов и разработки эффективных стратегий противодействия. Принципы и методы, предложенные Гансом Гроссом, в значительной степени влияют на текущие практики по расследованию и предупреждению противоправных деяний.

Особенности установления обстоятельств в цифровой среде

Свои особенности имеет установление «сухого остатка» с использованием современных цифровых технологий. Например, по делу о хищении денежных средств с банковских карт необходимо выяснить, является ли выявленный субъект организатором или исполнителем хищения. Также необходимо исследовать всю цепочку прохождения транзакции. С этой точки зрения показателен пример о преступной схеме, реализованной в одном из игорных заведений. Оказавшись в трудном финансовом положении, собственники бизнеса решили незаконно приобрести реквизиты реальных банковских карт иностранных граждан. Далее, по договоренности с некоторыми должностными лицами игрового учреждения с использованием «подставного» игрока на протяжении нескольких дней происходило обналичивание и присвоение крупных сумм чужих денежных средств с различных счетов. В процессе изучения обстоятельств произошедшего была выявлена закономерность: «подставной» игрок обналичивал деньги с различных банковских карт исключительно в смену одной и той же кассирши. Она же оказалась бухгалтером игрового учреждения. Выявление подобных закономерностей является одним из условий успешного установления всех обстоя-

тельств ранее произошедших противоправных событий.

Также необходимо исследовать, какие действия были предприняты после совершения преступления. Возможно, они также нуждаются в уголовно-правовой квалификации. Так, по одному из дел, имея цель сокрыть совершенное ранее хищение денежных средств со счетов банков-нерезидентов, «обвиняемый организовал внесение заведомо ложной информации, хранящейся в специальной компьютерной кассовой системе, о покупке фишек и ввода их в оборот казино, чем модифицировал компьютерную информацию по ведению учета доходов от игорного бизнеса» [5].

В совокупности такие действия были квалифицированы «по ч. 4 ст. 212 и ч. 1 ст. 350 Уголовного кодекса Республики Беларусь (хищение имущества путем введения в компьютерную систему ложной информации, сопряженное с несанкционированным доступом к компьютерной информации, совершенное в особо крупном размере, и модификация компьютерной информации)» [5].

При исследовании обстоятельств противоправных деяний ключевую роль играет место совершения преступления. На месте происшествия могут быть не только найдены доказательства, но и дан ответ на вопрос, каковы возможные мотивы действий преступника. Если рациональных мотивов не прослеживается, возможно, речь идет о хулиганских действиях.

При осмотре поврежденных автомашин было обращено внимание на то, что они припаркованы возле игорного заведения. Одна из версий: совершил тот, кто посещал это заведение. Эта версия оказалась приоритетной. Как было позднее установлено, 32-летний местный житель «вечером решил сходить в казино, где ничего не выиграл. Мужчину это разозлило. Он подошел к припаркованным автомобилям и разбил их» [6]. Действия подозреваемого были квалифицированы как хулиганство по ч. 1 ст. 339 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Типовые ошибки, которых следует избегать при установлении обстоятельств

При применении принципа «сухого остатка» следует избегать следующих типичных ошибок, как недостаточное пробле-

ние установленных по делу обстоятельств; неверные умозаключения из недостаточно проверенных посылок; некорректные выводы из достоверно установленных по делу обстоятельств.

Итак, при установлении обстоятельств ранее произошедших событий при дефиците начальной информации может быть применен эмпирический принцип «сухого остатка», который повышает вероятность установления истины по делу. Криминалистическое изучение и обобщение опыта установления обстоятельств позволяет определить рассматриваемый принцип как концентрированный результат цепочки предыдущих действий.

Применение принципа «сухого остатка» предполагает установление пары «действие – следствие» и побудительных мотивов совершения действий, подлежащих правовой квалификации.

Преимущества алгоритмического подхода при установлении обстоятельств

Алгоритмичный подход позволяет быстро выдвигать и проверять обоснованные версии, обеспечивает систематизированный подход к анализу данных и принятию решений. Вот несколько ключевых преимуществ использования алгоритмов в криминалистике.

1. Систематизация информации.

Алгоритмы помогают организовать и структурировать данные о преступлении, что облегчает анализ. Они могут сортировать и фильтровать информацию для выявления наиболее значимых факторов.

2. Увеличение эффективности.

Использование алгоритмов позволяет ускорить процесс расследования, автоматизировать рутинные задачи, такие как сбор данных, анализ улик и выполнение вычислений. Это дает возможность практическим работникам сосредоточиваться на более сложных задачах.

3. Выявление закономерностей.

С помощью алгоритмического подхода могут обнаруживаться скрытые закономерности и связи в данных, которые могут быть неочевидны при традиционном анализе. Это может помочь выявить подозреваемых и цепочки их действий до, во время и после совершения преступления.

4. Повышение точности.

Применение алгоритмической системы анализа способствует минимизации ошибок, что повышает точность умозаключений. Алгоритмы могут также учитывать множество переменных, что приводит к более объективным выводам по установлению истины.

5. Поддержка принятия решений.

Алгоритм позволяет сформулировать рекомендации на основе анализа данных, что способствует более обоснованным решениям при выборе методов расследования и приоритизации задач.

6. Моделирование сценариев.

С помощью алгоритмического подхода можно моделировать различные сценарии исследуемого события и проверять их на основе имеющихся данных. Это помогает в оценке вероятности различных версий и создании наиболее точной картины произошедшего.

7. Применимость для большого числа решаемых задач.

Последовательность шагов при применении принципа «сухого остатка»

Алгоритм применения принципа «сухого остатка» состоит из пяти основных этапов:

1. Разделить установленные по делу обстоятельства на мелкие эпизоды и проанализировать их по схеме «до... – во время... – после...».

2. Усилить степень дробления установленных по делу обстоятельств по этой же схеме.

3. Установить пару «действие – следствие» (при этом «следствие» должно быть сконцентрировано в «сухом остатке»).

4. Предположить мотив действия.

5. Выдвинуть и проверить версию о виновном лице.

Заключение

Использование предложенного алгоритма в процессе установления обстоятельств общественного опасного деяния направлено на повышение качества, точности и скорости работы. Алгоритм позволяет более эффективно организовывать данные и принимать обоснованные решения, что в итоге может привести к более успешным результатам по установлению истины.

Своевременное выдвижение и объективная проверка версии – прикладные инструменты, позволяющие организовать процесс расследования и повысить его эффективность. Их значимость предопределяется тем, что версии, будучи логическими предположениями, служат основой для анализа и дальнейшего поиска улик, содействуют правильной интерпретации событий, связан-

ных с преступлением. В итоге работа с версиями служит ключевым звеном в процессе раскрытия преступлений и обеспечении правосудия.

Последовательное прохождение всех шагов предложенного алгоритма повышает вероятность решения задач по наиболее полному установлению обстоятельств ранее произошедших событий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Побегайло, Г. Д. К вопросу о назначении уголовного судопроизводства / Г. Д. Побегайло, Э. Ф. Побегайло // Изв. МГИУ. Сер.: Соц. и гуманитар. науки. – 2006. – № 3 (4). – С. 71–74.
2. Бабичев, Н. Т. Словарь латинских крылатых слов : 2 500 единиц / Н. Т. Бабичев, Я. М. Боровский ; под ред. Я. М. Боровского. – М. : Рус. яз., 1982. – 957 с.
3. Рубайко, Е. Опоздавший на рейс из Екатеринбургa в Пензу пассажир «заминировал» самолет [Электронный ресурс] / Е. Рубайко. – Режим доступа: <https://forpost-sz.ru/a/2024-07-03/opozdavshij-na-rejs-iz-ekaterinburga-v-penzu-passazhir-zaminiroval-samolyot>. – Дата доступа: 06.09.2024.
4. Гросс, Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / Г. Гросс. – Нов. изд., перепечатан. с изд. 1908 г. – М. : ЛексЭст, 2002. – 1088 с.
5. УСК по Могилевской области расследуется уголовное дело по обстоятельствам хищения денежных средств в особо крупном размере с использованием поддельных банковских платежных карточек [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sk.gov.by/ru/news-usk-mogilev-ru/view/upravleniem-sledstvennogo-komiteta-respubliki-belarus-po-mogilevskoj-oblasti-rassleduetsja-ugolovnoe-delo-po-493/>. – Дата доступа: 10.09.2024.
6. Базыленко, М. В Островецe мужчина проигрался в казино, а затем выместил злость на припаркованных автомобилях [Электронный ресурс] / М. В Базыленко. – Режим доступа: <https://sk.gov.by/ru/news-usk-grodno-ru/view/v-ostrovtsе-muzhchina-proigralsja-v-kazino-a-zatem-vymestil-zlost-na-priparkovannyx-avtomobiljax-10428/>. – Дата доступа: 10.09.2024.

REFERENCES

1. Pobiegajlo, G. D. K voprosu o naznachienii ugolovnogo sudoproizvodstva / G. D. Pobiegajlo, E. F. Pobiegajlo // Izv. MGIU. Sier.: Soc. i gumanitar. nauki. – 2006. – № 3 (4). – S. 71–74.
2. Babichiev, N. T. Slovar' latinskikh krylatykh slov : 2 500 jedinich / N. T. Babichiev, Ja. M. Borovskij ; pod ried. Ja. M. Borovskogo. – M. : Rus. jaz., 1982. – 957 s.
3. Rubajko, Je. Opozdavshij na riejs iz Jekatierinburga v Pienzu passazhir «zaminiroval» samoliot [Eliektronnyj riesurs] / Je. Rubajko. – Riezhim dostupa: <https://forpost-sz.ru/a/2024-07-03/opozdavshij-na-rejs-iz-ekaterinburga-v-penzu-passazhir-zaminiroval-samolyot>. – Data dostupa: 06.09.2024.
4. Gross, G. Rukovodstvo dlia sudiebnjkh sledovatieliej kak sistemi kriminalistiki / G. Gross. – Nov. izd., pieriepiechatan. s izd. 1908 g. – M. : LieksEst, 2002. – 1088 s.
5. USK po Mogiliovskoj oblasti rassliedujetsia uuolovnoje dielo po obstojatiel'stvam khishchienija dieniezhykh sriedstv v osobo krupnom razmierce s ispol'zovanijem poddiel'nykh bankovskikh platiozhnykh kartochiek [Eliektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://sk.gov.by/ru/news-usk-mogilev-ru/view/upravleniem-sledstvennogo-komiteta-respubliki-belarus-po-mogilevskoj-oblasti-rassleduetsja-ugolovnoe-delo-po-493/>. – Data dostupa: 10.09.2024.
6. Bazylienکو, M. V Ostrovce muzhchina proigralsia v kazino, a zatiem vymiestil zlost' na pri-parkovannykh avtomobiliakh [Eliektronnyj riesurs] / M. V Bazylienکو. – Riezhim dostupa: <https://sk.gov.by/ru/news-usk-grodno-ru/view/v-ostrovtsе-muzhchina-proigralsja-v-kazino-a-zatem-vymestil-zlost-na-priparkovannyx-avtomobiljax-10428/>. – Data dostupa: 10.09.2024.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 20.09.2024

УДК 343

Елена Викторовна Романюк*магистр юрид. наук, ст. преподаватель каф. теории и истории государства и права
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина***Elena Romanyuk***Master of Laws, Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law
of Brest State A. S. Pushkin University**e-mail: lee_@mail.ru*

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДЕЙСТВИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ОДНОПОЛЫМИ СЕКСУАЛЬНЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Рассмотрены историко-правовые аспекты оценки однополых отношений в советский период и в настоящее время. Изучается перспектива принятия в Республике Беларусь законопроекта, предполагающего введение административной ответственности за пропаганду таких отношений. Сделан вывод о необходимости закрепления критериев оценки информации на предмет пропаганды однополых сексуальных отношений. Следует законодательно разграничить понятия демонстрации и пропаганды, конкретизировать, какие действия являются пропагандой.

Ключевые слова: административная ответственность, уголовная ответственность, пропаганда однополых сексуальных отношений.

Legal Liability for Actions Related to Same-Sex Sexual Relations: History and Modernity

The author examines the historical and legal aspects of the assessment of same-sex relations in the soviet period and at present. The article considers the prospects of adopting a bill in the Republic of Belarus that would introduce administrative liability for the propaganda of such relations. It is concluded that it is necessary to establish criteria for assessing information on the subject of propaganda of same-sex sexual relations. It is necessary to legislatively distinguish between the concepts of demonstration and propaganda, to specify which actions are propaganda.

Key words: administrative liability, criminal liability, propaganda of same-sex sexual relations.

Введение

В разные исторические периоды право по-разному относилось к гомосексуализму. Гомосексуализм (греч. *homos* – такой же, *sexus* – пол) – половое влечение к лицам своего пола. В данной статье рассмотрим советский период и настоящее время. Территориально Беларусь входила в состав СССР, поэтому юридические аспекты ответственности за действия, связанные с однополыми сексуальными отношениями, будут рассмотрены в контексте советского законодательства.

В 1920-е гг. в медицине и юриспруденции была принята точка зрения, в соответствии с которой гомосексуализм считали не преступлением, а болезнью [1, с. 596–598]. 17 декабря 1933 г. было принято постановление Президиума ЦИК СССР «Об уголовной ответственности за мужеложство» [2, с. 31]. Уголовная ответственность за мужеложство была установлена ст. 154а Уголовного кодекса РСФСР (далее – УК РСФСР) 1926 г.

в редакции закона от 01.04.1934: «Половое сношение мужчины с женщиной (мужеложство) наказывается лишением свободы на срок от трех до пяти лет. Мужеложство, совершенное с применением насилия или с использованием зависимого положения потерпевшего, – лишением свободы на срок от пяти до восьми лет». Уголовный кодекс БССР 1928 г. в редакции от 30 апреля 1934 г. (СЗ № 17, п. 88) ответственность за половое сношение мужчины с женщиной (мужеложство) установил в ст. 235¹ [2].

Стоит отметить, что уголовно наказуемым считалось только половое сношение между мужчинами, для женщин ответственности не было предусмотрено; в готовом варианте закона четко прописывался уголовно наказуемое деяние – «мужеложество». УК РСФСР 1960 г. поместил мужеложство в главу третью «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности». Уголовная ответственность

за мужеложство предусматривалась ст. 121 УК РСФСР [3, с. 31].

На протяжении 1970–1980-х гг. шли дебаты между юристами и психиатрами по вопросу о необходимости отмены уголовного преследования за добровольное мужеложство. Наказание за гомосексуализм в конце 1970-х – начале 1980-х гг. существовало в двух социалистических странах – СССР и Румынии. После распада СССР в декабре 1991 г. сразу после обретения независимости Украина первой из бывших республик СССР отменила уголовное наказание за гомосексуальные отношения между совершеннолетними мужчинами без применения насилия. С 1993 г. мужеложство перестало быть составом преступления в России, с 1994 г. – в Республике Беларусь [3, с. 33].

Изменились и медицинские взгляды на гомосексуализм. С 1930-х гг. в СССР гомосексуализм считали психопатией, требующей насильственной госпитализации в психиатрические больницы и лечения психотропными средствами [4].

Международная классификация болезней 10-го пересмотра (МКБ-10), принятая ВОЗ в 1990 г., подчеркивает, что «сама по себе сексуальная ориентация не рассматривается как расстройство», т. е. гомосексуализм был исключен из перечня психических расстройств. Наметила общемировая тенденция «депатологизировать» гомосексуализм и, в отличие от других форм сексуальных девиаций, придать ему особый статус, получивший название «иной, или нетрадиционной сексуальной ориентации» [5, с. 323]. Однако этот вопрос остается дискуссионным. Один из ведущих психиатров в Республике Беларусь, профессор, доктор медицинских наук С. А. Игумнов полагает, что «истинный гомосексуализм является одной из форм сексуальных девиаций». При этом он подчеркивает недопустимость какого-либо преследования или дискриминации лиц из-за иной сексуальной ориентации [5, с. 323].

Российский ученый, практикующий психиатр высшей квалификационной категории, кандидат медицинских наук, доцент И. В. Добряков, изучающий проблему гомосексуализма, в данном вопросе придерживается мнения известного ученого И. С. Кона: в отношениях к разным аспектам половой жизни проявляются три типа этических

установок морализации: репрессивный, либеральный и принцип «золотой середины». При этом И. С. Кон очень убедительно показал, что репрессивная и либеральная установки неконструктивны. «Только установка «золотой середины» помогает разобраться в проблеме, найти оптимальный вариант ее разрешения». Этика «золотой середины» считает «гомосексуализм сугубо личным делом двух взрослых людей, имеющих одинаковые склонности. Никто не вправе осуждать и преследовать гомосексуалистов, если они не совращают малолетних и не применяют насилия. Сексуальная ориентация геев и лесбиянок имеет равное с обычной право на существование. Но гомосексуальный образ жизни не должен рекламироваться и пропагандироваться» [4].

По мнению И. В. Добрякова, «при решении сексуальных проблем, возникающих в процессе психосексуального развития, целесообразно придерживаться установок морали «золотой середины» [4]. Нормой является гетеросексуальность, а гомосексуальность относится к расстройствам сексуального предпочтения. Но необходимо противодействовать гомофобным установкам и проявлениям в обществе – страху перед гомосексуальностью и ненависти к ее носителям. Негативное отношение будет препятствовать социальной адаптации гомосексуалов и способствовать развитию других психических расстройств [4].

До настоящего времени пропаганда гомосексуализма и иных действий, связанных с однополыми сексуальными отношениями, не была противоправным деянием. Однако в последние годы намечается тенденция негативного влияния на сознание общества. Особенно подвержены такому влиянию подростки. Современная культура стран Западной Европы и США настойчиво навязывает однополые отношения в СМИ, книгах, фильмах, иных продуктах массовой культуры. Доходит до абсурда: создается впечатление, что без упоминания ненормальных отношений не может выйти ни одно произведение. Демонстрация ненормального поведения в качестве нормы особенно опасна для психики несовершеннолетнего, которая отличается повышенной впечатлительностью и стремлением к противопоставлению себя обществу. Как известно, несовершеннолетние имеют склонность

к фантазированию, у них более высокая внушаемость. Именно поэтому возникла необходимость разработки методов защиты от пропаганды распространения однополых отношений, которые представляют как «свободу взглядов», когда ненормальные отношения выдаются за норму. Таким образом, возникла необходимость на законодательном уровне разработать способы минимизации негативного влияния пропаганды гомосексуальных отношений.

Рассмотрим опыт Российской Федерации как государства с наиболее близкой нам правовой системой. В России в 2022 г. был введен запрет пропаганды «нетрадиционных» сексуальных отношений и установлена административная ответственность за его нарушение. Так, с 5 декабря 2022 г. в новой редакции действуют Федеральные законы «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», а также Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» и др., закрепляющие недопустимость злоупотребления свободой массовой информации, в т. ч. путем размещения информации в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях, и Закон «О защите прав потребителей», признающий недопустимым продажу товара, в т. ч. импортного товара, содержащего информацию, за распространение которой предусмотрена административная или уголовная ответственность [6].

В целях обеспечения соблюдения установленного запрета и привлечения к ответственности нарушителей Федеральным законом от 05.12.2022 № 479-ФЗ внесены изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Изложена в новой редакции ст. 6.21 КоАП РФ, которая предусматривает «привлечение граждан, должностных и юридических лиц к административной ответственности за пропаганду “нетрадиционных” сексуальных отношений, т. е. за распространение информации, направленной на формирование у несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений, искаженного представления о социальной равноцен-

ности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений, либо навязывание информации о нетрадиционных сексуальных отношениях, вызывающей интерес к таким отношениям». Также КоАП РФ был дополнен новыми нормами: ст. 6.21.1, которая вводит административную ответственность за пропаганду педофилии, и ст. 6.21.2, предусматривающей ответственность за распространение среди несовершеннолетних информации, демонстрирующей нетрадиционные сексуальные отношения.

С 1 сентября 2023 г. вступил в силу приказ Роскомнадзора об утверждении «Критериев пропаганды ЛГБТ, педофилии и смены пола» [6].

В Республике Беларусь также прорабатываются вопросы, касающиеся установления административной ответственности за пропаганду однополых сексуальных отношений, смены пола, педофилии и чайлдфри. В феврале 2024 г. Генеральный прокурор А. И. Швед обосновал необходимость принятия такого законопроекта тем, что «деятельность оппонентов, которые пытаются разрушить традиционные семейные ценности, а значит, мораль и государственность, направлена в целом на разрушение Беларуси как страны». Эта инициатива была поддержана Главой государства наряду с внедрением в образовательный процесс обязательного курса на тему полового воспитания детей и молодежи. Ведется подготовка законопроекта, который предполагает введение административной ответственности за «пропаганду ненормальных отношений, педофилии, добровольного отказа от рождения детей». В настоящее время данный законопроект находится на стадии согласования, его текст в настоящее время недоступен [7].

Не только Беларусь и Россия приняли решение закрепить ответственность за пропаганду однополых сексуальных отношений. Так, в июне 2024 г. Парламент Грузии одобрил законопроект «О семейных ценностях и защите несовершеннолетних». Поправки в законодательство помимо запрета пропаганды ЛГБТ предусматривают также запрет на регистрацию каких-либо браков, кроме союза мужчины и женщины, усыновление несовершеннолетних гомосексуальными парами. Вводится запрет на хирургические операции по смене пола,

за что предусматривается уголовное наказание в виде лишения свободы сроком от одного до четырех лет. Запрещено показывать в эфире интимные однополые сцены либо рекламу подобного содержания, запрещается распространение среди несовершеннолетних материалов о смене пола либо гомосексуальных отношениях [8].

Таким образом, введение административной ответственности за пропаганду ненормальных отношений представляется адекватной нормой реагирования на навязывание однополых отношений со стороны стран Западной Европы и США. Однако необходимо избегать размытых формулировок, должны быть установлены четкие критерии, какие именно действия будут являться правонарушениями. Правоприменителям необходимо адекватно оценивать каждый случай индивидуально, чтобы не допустить инцидентов, когда признаки рассматриваемых правонарушений будут усматривать в стандартных бытовых ситуациях, например, продажа одежды и игрушек радужной расцветки или спектакль, где актер играет роль другого пола.

Видится и такая проблема: запрет повлечет повышенный интерес у подростков, т. е. именно у той категории, которую необходимо защитить путем принятия закона. Так, после вступления в силу в России Федерального закона от 05.12.2022 № 479-ФЗ в магазинах изъяли книги, где сюжет строится вокруг однополых отношений. Информацию об этом запрете стали распространять блогеры, ролики стали вирусными, в итоге даже не читающие книг подростки заинтересовались произведениями об однополый любви («Лето в пионерском галстуке» Е. Малисовой и К. Сильвановой, «В конце они оба умрут» Адама Сильверы). Эти книги теперь популярнее молодежных ужасов и фэнтези, хотя они невысокого качества, если рассматривать с точки зрения литературного произведения.

Также является неоднозначным вопрос, что именно признавать пропагандой. Следует законодательно разграничить понятия демонстрации и пропаганды, обозначить, какие действия являются пропагандой. Предполагается, что пропагандой будут считать «попытки вызвать интерес к однополым сексуальным отношениям» и «изменить негативное отношение на поло-

жительное». То есть наказывать будут за любое донесение такой информации до общества в сети Интернет, в публичных выступлениях и публикациях. Этот вопрос требует четкой проработки и конкретизации.

Заключение

Таким образом, в 1930–1990-е гг. на территории Беларуси существовала уголовная ответственность за однополые контакты между мужчинами. В современном обществе большинство юристов и психиатров придерживаются этики «золотой середины»: считают «гомосексуализм сугубо личным делом двух взрослых людей, имеющих одинаковые склонности». Никто не вправе осуждать и преследовать гомосексуалистов, если они не совращают малолетних и не применяют насилие.

В то же время гомосексуальный образ жизни не должен рекламироваться, пропагандироваться, такие действия следует признать правонарушением. До недавнего времени в Беларуси проблемы пропаганды не стояло, т. к. нетрадиционную ориентацию предпочитали не афишировать, однополые отношения скрывали от окружающих. Однако в последние годы культура западных государств отличается «перегибом» в сторону навязывания ненормальных сексуальных отношений.

Введение административной ответственности за пропаганду гомосексуальных отношений представляется адекватной мерой по защите развития несовершеннолетних. Даная мера будет способствовать формированию ответственного отношения к семье, браку, воспитанию детей, осознанных представлений о роли и жизненном предназначении мужчин и женщин в соответствии с традиционными ценностями белорусского общества и государства.

Также необходимо закрепить критерии оценки информации на предмет пропаганды однополых сексуальных отношений. Следует законодательно разграничить понятия демонстрации и пропаганды, конкретизировать, какие действия являются пропагандой.

Также считаем целесообразным вместо терминов «нетрадиционные», «ненормальные» отношения использовать более конкретные термины: «однополые», «гомосексуальные» отношения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Серейский, М. Гомосексуализм / М. Серейский // Большая советская энциклопедия. – М. : Совет. энцикл. – Т. 17. – 1930. – С. 596–598.
2. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.by/document/pdf/krim-pravo/UK_BSSR_1928_goda. – Дата доступа: 01.03.2024.
3. Степанова, О. Ю. Противодействие гомосексуализму в российском государстве досоветского и советского периода / О. Ю. Степанова // Актуал. вопр. борьбы с преступлениями. – 2016. – № 1. – С. 27–34.
3. Добряков, И. В. Гомосексуальность. Ч. II [Электронный ресурс] / И. В. Добряков // Психол. газ. – Режим доступа: <https://psy.su/feed/4824/>. – Дата доступа: 01.03.2024.
4. Егоров, А. Ю. Психология девиантного поведения / А. Ю. Егоров, С. А. Игумнов. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2023. – 448 с.
5. В России введен запрет пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и установлена административная ответственность за его нарушение [Электронный ресурс] // Прокуратура Моск. обл. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_50/activity/legal-education/explain?item=84035775. – Дата доступа: 01.03.2024.
6. Швед: подготовлен законопроект об ответственности за пропаганду нетрадиционных семейных отношений [Электронный ресурс] // БелТА. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/shved-podgotovlen-zakonoproekt-ob-otvetstvennosti-za-propagandu-netraditsionnyh-semejnyh-otnoshenij-616267-2024/>. – Дата доступа: 01.03.2024.
7. Парламент Грузии одобрил законопроект о запрете пропаганды ЛГБТ [Электронный ресурс] // ТАСС. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/21217425>. – Дата доступа: 27.06.2024.

REFERENCES

1. Sieriejiskij, M. Gomoseksualizm / M. Sieriejiskij // Bol'shaja sovietskaja enciklopedija. – M. : Soviet. encikl. – Т. 17. – 1930. – S. 596–598.
2. Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Rjespubliki Bielarus' [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: https://pravo.by/document/pdf/krim-pravo/UK_BSSR_1928_goda. – Data dostupa: 01.03.2024.
3. Stiepanova, O. Yu. Protivodiejstvije gomoseksualizmu v rossijskom gosudarstvie dosovetskogo i sovietskogo pierioda / O. Yu. Stiepanova // Aktual. vopr. bor'by s priestuplienijami. – 2016. – № 1. – S. 27–34.
3. Dobriakov, I. V. Gomoseksual'nost'. Ch. II [Elektronnyj riesurs] / I. V. Dobriakov // Psichol. gaz. – Riezhim dostupa: <https://psy.su/feed/4824/>. – Data dostupa: 01.03.2024.
4. Jegorov, A. Yu. Psikhologija dieviantnogo poviedienija / A. Yu. Jegorov, S. A. Igumnov. – Minsk : Adukacyja i vykhavannie, 2023. – 448 s.
5. V Rossii vviedion zapriet propagandy nietradicionnykh seksual'nykh otnoshenij i ustanovliena administrativnaja otvietstviennost' za jego narushenije [Elektronnyj riesurs] // Prokuratura Mosk. obl. – Riezhim dostupa: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_50/activity/legaleducation/explain?item=84035775. – Data dostupa: 01.03.2024.
6. Shvied: podgotovlien zakonoprojekt ob otvietstviennosti za propagandu nietradicionnykh siemiejnykh otnoshenij [Elektronnyj riesurs] // BielTA. – Riezhim dostupa: <https://www.belta.by/society/view/shved-podgotovlen-zakonoproekt-ob-otvetstvennosti-za-propagandu-netraditsionnyh-semejnyh-otnoshenij-616267-2024/>. – Data dostupa: 01.03.2024.
7. Parlamient Gruzii odobril zakonoprojekt o zaprietie propagandy LGBT [Elektronnyj riesurs] // TASS. – Riezhim dostupa: <https://tass.ru/obschestvo/21217425>. – Data dostupa: 27.06.2024.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 25.10.2024

УДК 347.97/99

Елена Николаевна Ярмоц*канд. юрид. наук, доц., доц. каф. теории и истории государства и права
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина***Elena Yarmoc***Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of Department of Theory and History of State and Law
of Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: teorlaw@brsu.by*

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕЕ РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ

Проанализирована смена способов правовой коммуникации по отображению правовой действительности. Констатируется факт переосмысления института визуализации правового текста в современных условиях развития информационного общества и пространства. Отмечается растущая популярность нового междисциплинарного направления – визуальная юриспруденция. Демонстрируются коррелятивные связи между визуализацией права в широком смысле и обеспечением доступа к правосудию. Приводятся практические рекомендации по использованию юридического дизайна для облегчения доступа к правосудию.

Ключевые слова: судебная деятельность, визуализация, юридический дизайн, визуальная юриспруденция, доступность правосудия.

Judicial Visualization and Its Role in Ensuring Access to Justice

The article briefly analyzes the change of methods of legal communication in relation to the display of legal reality. The fact of rethinking the institute of visualization of legal text in modern conditions of information space development is stated. The increasing popularity of a new interdisciplinary direction – visual jurisprudence – is noted. The correlative links between visualizing law in a broad sense and providing access to justice are demonstrated. Practical recommendations for using legal design to facilitate access to justice are provided.

Key words: judicial activism, visualization, legal design, visual jurisprudence, accessibility of justice.

Введение

Визуальная составляющая всегда играла значительную роль в сфере юриспруденции. В различные периоды становления и развития правовых источников и системы права в целом ее значение и роль воспринимались по-разному. В зависимости от соответствующих условий ей уделялось то большее, то меньшее значение. В ранние периоды развития государственности для передачи смыслового содержания какого-либо юридического факта или события использовалась определенная система знаков или символов. В период активного развития книгопечатания абсолютное преимущество получило текстовое выражение правовых предписаний. Однако в современных условиях стремительно развивающегося информационного общества актуальность приобрел вопрос о переосмыслении и поиске новых форм визуализации правовой действительности.

Основная часть

Многочисленные страницы юридических журналов, монографий и учебников, на которых доминирует текст, свидетельствуют о том, что взаимодействие между правом и визуальной культурой остается маргинальным аспектом юриспруденции. Подавляющее большинство представителей юридической профессии не рассматривают всерьез визуальные аспекты права как не имеющие отношения к праву. С течением времени авторитет права стал неразрывно связан с текстом. Право и письменность всегда ассоциировались с представлениями о прогрессе. Принято считать, что именно письменность, а не образное мышление через изображение способствовала культурному развитию [1, р. 118].

Развитию визуализации препятствовала и Реформация, сторонники которой утверждали, что образы не должны быть центром набожности, поскольку они слишком мирские, чувственные и потенциально

развращающие. Наиболее радикально настроенные реформаторы начали уничтожать не только иконы, но и живопись, скульптуры, гобелены и другие произведения искусства, вернув таким образом к жизни существовавшую еще в Византии традицию иконоборчества. Самым значительным его эпизодом стало т. н. Иконоборческое восстание во Фландрии в августе 1566 г. [2]. Утверждение «иконофобии» в этот период способствовало дальнейшему формированию разделения между изображением и текстом, в котором изображение связывалось с воображением, творчеством и фантазией, а тексты – с контролем, дисциплиной и реальностью [1, р. 117].

Появление письменности способствовало тому, что на смену обычному праву пришло писаное право, а вместе с ним законодательство, способы систематизации законодательства, система права, система законодательства, правовые системы и т. п. Однако чем более совершенной и досконалной становилось правовая доктрина, тем меньшее место в ней отводилось визуальной составляющей.

В ранние периоды развития права ситуация была иной. Одним из первых писанных источников древневосточного права являются Законы Хаммурапи. Законник представляет собой черный базальтовый столб, на котором клинописью выбит текст 282 статей [3]. Он состоит из законов предшествующих правителей, обычного права, указов и типичных решений судебных дел Хаммурапи. В верхней части столба изображен восседающий на троне бог Солнца, правосудия и предзнаменований Шамаш и Хаммурапи, предстающий перед ним в почтительной позе и дотрагивающийся до регалий высшей власти – жезла и магического кольца [4, с. 60].

Примером правового текста более позднего периода является сборник обычного права Восточной Саксонии «Саксонское зеркало», который стал прообразом составления правовых книг не только в Германии, но и в других странах Европы. Сборник примечателен тем, что все правовые предписания визуализированы с помощью символических иллюстраций, занимающих центральное место в документе [5]. Люди представлены символическими фигурами, обозначающими социальное положение

(например, король или император всегда в короне, князь – в головном уборе с цветами, листьями, плетеным шелковым шнуром или золотым ободком и т. д.). Важную роль в этой символике играли поза и жест. Граф-судья поучает, подняв указательный палец. Обвиняемый ждет приговора, просительно сложив руки. Таким образом, образ несет скрытое аллегорическое значение [6, с. 122].

Современные правовые источники, а также требования юридической техники к нормативным правовым актам не предполагают использования визуальных элементов для облегчения восприятия правового текста. Однако развитие информационно-коммуникационных технологий и, как следствие, возникновение информационного общества и пространства спустя несколько столетий актуализировали вопрос о способах осуществления социально-правовой коммуникации. Дело в том, что высокая степень абстракции права, представленная в виде текстовой информации, сложный юридический язык вызывают определенные трудности в его понимании и усвоении. В этой связи представители юридического сообщества приходят к осознанию целесообразности и необходимости внедрения отдельных элементов визуализации в юридическую практику.

Визуализация (лат. *visualis* – «зрительный») – общее название приемов предоставления числовой информации или физического явления в виде, удобном для зрительного наблюдения и анализа. В общем смысле – это метод предоставления информации в виде оптического изображения, например, в виде рисунков и фотографий, графиков, диаграмм, структурных схем, таблиц, карт и т. д. Очень эффективно визуализация используется для предоставления изначально не зрительной информации [7]. Из обобщения определений понятия «визуализация» можно предположить, что визуализация как таковая выступает в качестве инструмента для наглядного изображения объектов и явлений, причем из совершенно различных областей научного познания (например, температуры, плотности населения, распределения уровней электромагнитных полей и т. д.).

Термины «визуальная юриспруденция» и «визуальное правоведение» в большей

степени, правда, за рубежом, чем в белорусской традиции права, уже стали частью правовой реальности. Этими категориями апеллируют не только в сфере реализации права, но и в академической (научной) среде (M. Stępień, «Law & Culture»; E. C. B. Bitar, «Semiotics, Law and Art»; A. Malec, «Introduction to the Semantics of Law»; K. Zeidler, «Aesthetics of Law» и др.) [8; 9]. Так, к современным средствам визуализации, используемым в рамках образовательной среды, можно отнести общеизвестные образовательные платформы Google (Classroom) и Microsoft (Teams) для разработки и составления соответствующих юридических курсов и дисциплин. С помощью этих платформ учебную информацию удобно преподносить в мультимедийной форме (в видео-, аудиоформате, формате презентаций, тестовых заданий и т. п.). Кроме того, в качестве активных, пространственно-объемных методов обучения в юриспруденции используются структурно-логические схемы, которые позволяют наглядно отобразить формальные отношения.

В последнее десятилетие актуальным межотраслевым направлением по визуализации юридической информации для судов и прочих правовых институций стал юридический дизайн. Особенностью данного направления является применение дизайнерского мышления в юридической сфере и ориентация на интересы пользователя [10]. Юридический дизайн работает преимущественно с формой документов и в меньшей степени с правовым содержанием и призван упростить работу с правовыми документами путем придания тексту определенной формы, например посредством использования гиперссылок [11]. К слову сказать, в США курсы по юридическому дизайну предоставляются ведущими университетами [12]. Приведем пример краткого описания одного из таких курсов: «Этот курс покажет вам, как превратить сложную юридическую информацию в ясную, последовательную и легкую для понимания форму. Курс начинается с основ информационного дизайна и углубляется в такие темы, как дизайн таблиц, визуализация данных, диаграммы, карты, инфографика, инструменты визуализации и использование цвета» [13].

Визуализация права в современной интерпретации, в эпоху информационного

общества способствует обеспечению информационной открытости в деятельности суда и доступа к правосудию [14]. Переосмысление и постепенное привыкание к новой информационно-наглядной правовой реальности может происходить также изнутри, посредством обучения студентов и специалистов в области юриспруденции человекоориентированным технологиям, проведения исследований и разработки соответствующих моделей правовой коммуникации, а также через координацию деятельности отдельных субъектов и сообществ, направленных на разработку инноваций в судебной деятельности [15].

Сегодня ведущие юридические вузы и школы права являются комплексными учебно- и научно-практическими центрами по созданию эффективной, основанной на принципе взаимодействия юридической науки и практики, образовательно-исследовательской и информационной среды в области развития юридического образования, совершенствования подготовки специалистов, повышения правовой культуры населения, продвижения приоритетных научных направлений и т. п.

Ярким примером такого центра является Стэнфордская школа права, которая предлагает на выбор различные курсы по основам юридического дизайна и облегчения доступа населения к правосудию: Court Messaging Project («Проект по судебным уведомлениям»), Court Visual Guides («Визуальные гиды по судам»), Court Legal Help Websites («Оказание юридической помощи посредством сети Интернет»), Unlocking Technology to Promote Access to Justice («Использование технологий для обеспечения доступа к правосудию») и др. [16].

В Стэнфордской лаборатории юридического дизайна разрабатываются и апробируются социально значимые проекты, направленные на облегчение понимания судебной системы через визуализацию и доступ к правосудию посредством разработки новых форм уведомлений, листовок, плакатов, карт процессов и других визуальных материалов, усовершенствования и внедрения специальных приложений и «доступных», в т. ч. для отдельных категорий лиц, версий веб-сайтов [17], потоков текстовой информации, создания сообществ, направленных на выстраивание

взаимоотношений между работниками системы правосудия, гражданами и другими заинтересованными субъектами для переосмысления способов правовой коммуникации [15].

В качестве практических рекомендаций по реализации положений об обеспечении доступа к правосудию через использование юридического дизайна и визуализацию права можно назвать:

1. Визуальное оформление юридических документов и иных информационных материалов для посетителей суда. При направлении различных судебных уведомлений, создании и печати информационных листовок, брошюр, пошаговых руководств для пользователей и прочих визуальных материалов для работы с населением необходимо учитывать основные правила юридического дизайна и помнить, что визуальные эффекты помогают людям не только ознакомиться с соответствующей информацией, но и получить ее в доступной форме, удобной для восприятия и использования. Информацией о судебной деятельности, как по общим (обращение в суд, предъявление требования, правила подачи апелляции и др.), так и по отдельным частным вопросам можно делиться через плакаты, брошюры, наглядные пособия, социальные сети, почтовую рассылку и т. п., которые могут привлечь внимание людей своей структурированностью, ярким цветовым сопровождением, наличием комментированных иллюстраций, схематичностью.

2. Составление и распространение пошаговых (стратегических) руководств, иллюстрирующих многоэтапные процессуальные действия. Стратегические юридические визуальные средства направлены на оказание содействия в навигации по правовой системе. Визуальные образы в сочетании со структурированной информацией демонстрируют участнику процесса, какие у него есть варианты, какие стадии процесса необходимо пройти и какие стратегии использовать для принятия решений. Как

правило, они принимают форму блок-схем, раскладовок, сравнительных таблиц и графиков [18].

3. Наличие сопроводительного листа с рекомендациями и иной дополнительной информацией (зачастую так поступают американские суды, высылая его вместе с судебными уведомлениями). Дизайн сопроводительного листа очень простой и схематичный. Как правило, в нем содержатся пошаговая инструкция о действиях, которые необходимо предпринять, сроках, QR-код к онлайн-руководству, различные контакты, включая контакты служб для людей, чувствующих себя уязвимыми или «подавленными» [18].

Заключение

Визуализация применяется в различных областях научного познания как инструмент для отображения труднодоступных для понимания текстов и конструкций. Юриспруденция не стала исключением в этом плане. Общеизвестно, что юридическая терминология и юридическая лексика в целом представляют определенные сложности для понимания и восприятия. Это и послужило толчком к осознанию необходимости и целесообразности переосмысления способов правовой коммуникации в сторону увеличения ее визуальной составляющей. В итоге в юридическом сообществе стали употреблять понятие «визуальная юриспруденция», а ведущие образовательные центры начали внедрять в свои учебные программы курсы по юридическому дизайну. Причем интересно, что спрос на получение компетенций в этой области возник именно изнутри, т. е. от юридического сообщества.

Визуализация права тесно связана с обеспечением доступности правосудия. Юридический дизайн служит инструментом для облегчения понимания и структурирования различного рода правовой информации, в т. ч. информации о судебной деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Mulcahy, L. Eyes of the Law: A Visual Turn in Socio-Legal Studies? / L. Mulcahy // *Journal of Law and Society*. – 2017. – Vol. 44, iss. S1. – P. 111–128.
2. 500 лет Реформации: что нужно знать – 10 коротких тезисов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-41741336>. – Дата доступа: 19.03.2024.

3. Законы вавилонского царя Хаммурапи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm>. – Дата доступа: 21.03.2024.
4. Графский, В. Г. Всеобщая история права и государства / В. Г. Графский. – М. : Норма, 2007. – 752 с.
5. Саксонское право в картинках XIV века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gorbutovich.livejournal.com/166170.html>. – Дата доступа: 21.03.2024.
6. Чуйко, Н. А. Визуализация права / Н. А. Чуйко // Журн. рос. права. – 2013. – № 5. – С. 121–131.
7. Визуализация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Визуализация>. – Дата доступа: 26.03.2024.
8. OverDrive. Series: Law and Visual Jurisprudence [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.overdrive.com/series/law-and-visual-jurisprudence>. – Date of access: 14.03.2024.
9. Sherwin, R. C. Visual Jurisprudence / R. C. Sherwin // New York Law School Rev. – 2012–2013. – Vol. 12. – P. 11–39.
10. Visual Law: Definition, Uses, and Benefits [Electronic resource]. – Mode of access: <https://lawyersdesignschool.com/visual-law-for-lawyers-the-end-of-dense-legal-writing/>. – Date of access: 18.03.2024.
11. Что такое юридический дизайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://journal.tinkoff.ru/guide/legal-design/>. – Дата доступа: 11.03.2024.
12. Legal Design School. Online Courses for Legal Professionals [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.legaldesignschool.com>. – Date of access: 14.03.2024.
13. Information Design for Lawyers [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.legaldesignschool.com/challenge-page/information-design>. – Date of access: 14.03.2024.
14. Ярмоц, Е. Н. Информационная открытость в деятельности суда / Е. Н. Ярмоц // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2015. – № 14. – С. 2–7.
15. The Legal Design Lab. Stanford Law School [Electronic resource]. – Mode of access: <https://law.stanford.edu/organizations/pages/legal-design-lab/#slnav-our-mission>. – Date of access: 14.03.2024.
16. Course Catalog. Stanford Law School [Electronic resource]. – Mode of access: [https://law.stanford.edu/courses/?tax_and_terms=8254&ls="Policy%20Practicum"&page=1](https://law.stanford.edu/courses/?tax_and_terms=8254&ls=). – Date of access: 14.03.2024.
17. Ярмоц, Е. Н. Обеспечение доступа к правосудию для лиц с ограниченными возможностями (на примере США) / Е. Н. Ярмоц // Правовая система и вызовы современности : материалы XIV Междунар. науч. конф., студентов, аспирантов и молодых ученых, Уфа, 19–21 окт. 2017 г. : в 3 ч. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2017. – Ч. 1. – С. 141–144.
18. Visual Legal Help Guides [Electronic resource]. – Mode of access: <https://justiceinnovation.-law.stanford.edu/projects/visual-guides/>. – Date of access: 16.03.2024.

REFERENCES

1. Mulcahy, L. Eyes of the Law: A Visual Turn in Socio-Legal Studies? / L. Mulcahy // Journal of Law and Society. – 2017. – Vol. 44, iss. S1. – P. 111–128.
2. 500 liet Rieformacii: chto nuzhno znat' – 10 korotkikh tezisov [Eliektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://www.bbc.com/russian/features-41741336>. – Data dostupa: 19.03.2024.
3. Zakony vavilonskogo caria Hammurapi [Eliektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm>. – Data dostupa: 21.03.2024.
4. Grafskij, V. G. Vsieobshchaja istorija prava i gosudarstva / V. G. Grafskij. – M. : Norma, 2007. – 752 s.
5. Saksonskoje pravo v kartinkakh XIV vieka [Eliektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://gorbutovich.livejournal.com/166170.html>. – Data dostupa: 21.03.2024.
6. Chujko, N. A. Vizualizacija prava / N. A. Chujko // Zhurn. ros. prava. – 2013. – № 5. – S. 121–131.
7. Vizualizacija [Eliektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://ru.wikipedia.org/wiki/-Vizualizacija>. – Data dostupa: 26.03.2024.

8. OverDrive. Series: Law and Visual Jurisprudence [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.overdrive.com/series/law-and-visual-jurisprudence>. – Date of access: 14.03.2024.
9. Sherwin, R. C. Visual Jurisprudence / R. C. Sherwin // New York Law School Rev. – 2012–2013. – Vol. 12. – P. 11–39.
10. Visual Law: Definition, Uses, and Benefits [Electronic resource]. – Mode of access: <https://lawyersdesignschool.com/visual-law-for-lawyers-the-end-of-dense-legal-writing/>. – Date of access: 18.03.2024.
11. Chto takoye juridichieskij dizajn [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://journal.tinkoff.ru/guide/legal-design/>. – Data dostupa: 11.03.2024.
12. Legal Design School. Online Courses for Legal Professionals [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.legaldesignschool.com>. – Date of access: 14.03.2024.
13. Information Design for Lawyers [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.legaldesignschool.com/challenge-page/information-design>. – Date of access: 14.03.2024.
14. Yarmoc, Ye. N. Informacionnaja otkrytost' v dejatel'nosti suda / Ye. N. Yarmoc // Viestn. Poloc. gos. un-ta. Sier. D, Ekon. i jurid. nauki. – 2015. – № 14. – S. 2–7.
15. The Legal Design Lab. Stanford Law School [Electronic resource]. – Mode of access: <https://law.stanford.edu/organizations/pages/legal-design-lab/#slsnav-our-mission>. – Date of access: 14.03.2024.
16. Course Catalog. Stanford Law School [Electronic resource]. – Mode of access: [https://law.stanford.edu/courses/?tax_and_terms=8254&ls="Policy%20Practicum"&page=1](https://law.stanford.edu/courses/?tax_and_terms=8254&ls=). – Date of access: 14.03.2024.
17. Yarmoc, Ye. N. Obiespiechienie dostupa k pravosudiju dlja lic s ogranichenymi vozmozhnostiami (na primerie SShA) / Ye. N. Yarmoc // Pravovaja sistemi i vyzovy sovremiennosti : materialy XIV Miezhdunar. nauch. konf., studentov, aspirantov i molodykh uchionykh, Ufa, 19–21 okt. 2017 g. : v 3 ch. – Ufa : RIC BashGU, 2017. – Ch. 1. – S. 141–144.
18. Visual Legal Help Guides [Electronic resource]. – Mode of access: <https://justiceinnovation.-law.stanford.edu/projects/visual-guides/>. – Date of access: 16.03.2024.

Рукапіс настуніў у рэдакцыю 10.05.2024

УДК 342.9

Анна Игоревна Дудчик

магистр юрид. наук, зам. декана юридического факультета
по идеологической и воспитательной работе
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Anna Dudchik

Master of Law, Deputy Dean of the Faculty of Law for Ideological and Educational Work
of Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: dudchik@brsu.by

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Рассматриваются понятие, содержание и структурные элементы административно-правового статуса несовершеннолетних в Республике Беларусь и Российской Федерации. Проводится сравнительный анализ законодательства двух стран по регулированию структурных элементов правового статуса и ответственности несовершеннолетних. Изучены понятия административной дееспособности, административной правоспособности несовершеннолетних. Разграничены понятия общего правового статуса несовершеннолетнего и административно-правового статуса несовершеннолетнего. Проанализированы мнения ученых относительно понятия возраста административной ответственности.

Ключевые слова: административная ответственность, правовой статус, права и обязанности, несовершеннолетнее лицо.

Administrative and Legal Status of Minors in the Republic of Belarus and in the Russian Federation: Comparative Legal Analysis

The article examines the concept and content, structural elements of the administrative and legal status of minors in the Republic of Belarus and the Russian Federation. A comparative analysis of the legislation of the two countries is conducted regarding the regulation of structural elements of the legal status and responsibility of minors. The concepts of administrative capacity and administrative legal capacity are studied. The concepts of the general legal status of a minor and the administrative and legal status of a minor are distinguished. The article analyzes the opinions of scientists regarding the concept of the age of administrative responsibility.

Key words: administrative responsibility, legal status, rights and obligations, minors.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что несовершеннолетние являются особой группой субъектов административной ответственности по законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации. Это прежде всего связано с признаками, отличающими их от иных групп субъектов административного права. Анализируя статистические данные, указанные в Статистическом ежегоднике Республики Беларусь по состоянию на 27.09.2024, стоит отметить, что такая группа населения, как несовершеннолетние, составляет почти 22 % от общей численности населения Республики Беларусь, что свидетельствует о необходимости особого изучения этой группы субъектов административного права.

Особого внимания заслуживает изучение административно-правового статуса

несовершеннолетних. Рассмотрение административно-правового статуса невозможно без анализа общего правового статуса. Общий статус содержится в Конституциях Республики Беларусь и Российской Федерации и закрепляет лишь основные права и свободы человека и гражданина, а остальные права и свободы, а также их регламентация находят свое отражение в иных законодательных актах. Единым для общего правового статуса и административно-правового статуса является их структура, которая состоит из прав, свобод и обязанностей, а также ответственности, которая закрепляется в отраслевом законодательстве, в данном случае в административном.

Актуальность изучения правового статуса субъекта относится к числу наиболее важных в любой отрасли законодательства.

Основная часть

В ст. 1 Конституций и Республики Беларусь, и Российской Федерации сказано, что страны являются демократическими, правовыми и социальными государствами, где человек и гражданин, его права и свободы являются высшей ценностью и целью общества и государства. Это предполагает создание правового механизма и институтов по охране и защите прав и свобод.

В гл. 2 Конституции Российской Федерации «Права и свободы человека и гражданина» закреплены основы правового положения человека и гражданина, гарантированные им права и свободы, которые и составляют его правовой статус.

В разделе 2 Конституции Республики Беларусь «Личность, общество, государство» закреплены все права, свободы и обязанности человека и гражданина в Республике Беларусь, которые и являются составными элементами правового статуса человека и гражданина в Беларуси.

Сравнивая указанные нормы, мы видим, что законодатели двух стран едины в регулировании правового положения человека и гражданина.

Традиционно структура любого правового статуса, в т. ч. и административно-правового, состоит из перечня субъективных прав и обязанностей, ответственности и гарантий реализации прав, а также административной правосубъектности. Спецификой административно-правового статуса гражданина является то, что административная ответственность выступает в качестве самостоятельного структурного компонента статуса.

Административная ответственность гражданина – это ретроспективная ответственность. В структуре административно-правового статуса гражданина административная ответственность представляет собой необходимость принудительного претерпевания гражданином лишений и ограничений личного, морального или материального характера в случае совершения им административного правонарушения [3].

Административно-правовое положение несовершеннолетних определяется прежде всего объемом и характером их административной правосубъектности, которую образуют административная правоспособность и административная дееспособность. Адми-

нистративная правоспособность – это способность лица быть носителем прав и обязанностей в административно-правовой сфере. Административная правоспособность является основополагающим элементом в характеристике административно-правового статуса несовершеннолетних, возникает с рождения и прекращается со смертью [11]. Объем и содержание правоспособности несовершеннолетних определяются законами и основанными на них актами управления. Их общие положения закреплены в Конституциях Республики Беларусь и Российской Федерации. В соответствии с Конституцией издают многочисленные национальные акты, регламентирующие те или иные стороны административно-правового положения несовершеннолетних в целом и в отдельных сферах жизни общества.

В отношениях, регулируемых административным законодательством, несовершеннолетние могут выступать в качестве стороны, обязанной выполнять обращенные к ней требования административно-правовых норм, исходящих от органов исполнительной власти, местного самоуправления и их должностных лиц (например, обязанность соблюдать требования органов санитарно-эпидемиологического надзора). Кроме того, несовершеннолетний может быть стороной, реализующей принадлежащие ей законные права и вступающей в связи с этим в правоотношения. Например, реализуя право на защиту, гражданин обращается с административной жалобой или с иском в суд [4].

Правовой статус несовершеннолетних лиц отличается от правового статуса других субъектов. Это связано с возрастным критерием, по достижении которого человек обретает полную ответственность за свои действия и бездействие согласно законодательству. На уровне законодательства не существует определения понятия «возраст», поэтому мнения исследователей расходятся. Например, Т. М. Занина понимает эту категорию как «количество прожитого лицом времени» [5], М. Козырин – как «указанный период психофизического состояния в жизни определенного лица, с которым связаны медико-биологические, социально-правовые изменения» [6].

Административная правоспособность возникает с момента рождения человека и длится до его смерти. Особенностью

административной правоспособности является то, что ее осуществление ограничивается рамками государственного управления, она характеризуется неразрывной связью прав и обязанностей, выражающей сочетание интересов личности и государства в системе управления. Административная правоспособность является основой административной дееспособности.

Наряду с правоспособностью необходимо выделить и дееспособность. Административная дееспособность – это фактическая возможность практической реализации предоставленных гражданину прав и выполнения возложенных на него обязанностей в сфере государственного управления. Административной ответственности подлежат лица, достигшие 16-летнего возраста. Этот возраст является общим возрастом административной ответственности в Российской Федерации и Республике Беларусь, однако в законодательстве Республики Беларусь установлен и пониженный возраст административной ответственности – с 14 лет [8; 9]. В зависимости от возраста, образования, состояния здоровья и других особенностей изменяется конкретный состав прав и обязанностей. На основе административной правоспособности граждане и Российской Федерации, и Республики Беларусь вступают в административно-правовые отношения.

Административная правоспособность означает закрепленную нормами административного права возможность гражданина вступать в административно-правовые отношения, а ее отсутствие исключает возможность возникновения административно-правовых отношений.

Одним из субъектов административного права являются физические лица, под которыми понимаются граждане, иностранные граждане и лица без гражданства. Эти категории лиц отличаются существенными особенностями их правового положения. Так, «гражданин» характеризуется его правовой связью с соответствующим государством, «иностранец» – с соответствующим зарубежным государством, «лицо без гражданства» не имеет такой связи ни с одним государством.

Иначе говоря, для обладания полной дееспособностью лицо должно не только сознавать и понимать значение своих дейст-

вий, но и достигнуть необходимой физической зрелости, необходимого возраста, позволяющего осуществлять предоставленные ему законом права и обязанности [12].

Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет, а также малолетние в возрасте от 6 до 14 лет наделены частичной административной дееспособностью. Полная дееспособность, согласно административному праву, наступает одновременно с совершеннолетием.

Представляется целесообразным выделить нескольких видов административной дееспособности:

1) полная дееспособность (наступает с 18 лет);

2) частичная дееспособность (наступает с 14 лет);

3) отсутствие дееспособности.

Стоит отметить, что возможна полная административная дееспособность несовершеннолетних граждан и ранее, а именно после объявления несовершеннолетнего полностью дееспособным или эмансипированным. Так, на основании ст. 26 Гражданского кодекса Республики Беларусь несовершеннолетний, достигший 16 лет, может быть объявлен полностью дееспособным, если он работает по трудовому договору (контракту) или с согласия родителей, усыновителей или попечителя занимается предпринимательской деятельностью [11].

Частичная дееспособность несовершеннолетних связана с ответственностью за свои действия. За возмещение вреда, причиненного малолетним в возрасте до 14 лет, отвечают его родители (усыновители) или опекуны как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь. Если же вред причинен имеющим свой заработок несовершеннолетним, то вред он возмещает сам в зависимости от суммы причиненного вреда.

Правовой статус несовершеннолетнего гражданина – это совокупность юридических прав и обязанностей подростка в обществе, реализация которых обеспечивается социальными, экономическими правовыми и организационными гарантиями.

Основная особенность правового статуса несовершеннолетних граждан – это изменение объема их прав и обязанностей в соответствии с их возрастом. Отметим, что административно-правовой статус несовершеннолетнего является элементом общего

правового статуса и конкретизирует общие нормы правового статуса, закрепленные в Конституции Республики Беларусь.

Главной особенностью административно-правового статуса несовершеннолетних является то, что они выступают в качестве частных лиц, т. е. реализуют свои личные права и обязанности в сфере государственного управления. Они не состоят в устойчивых, непрерывных организационных связях с теми субъектами, с которыми вступили или могут вступить в административно-правовые отношения.

Структура правового статуса несовершеннолетнего включает, во-первых, правовой статус личности, который определяется прежде всего Конституцией и Республики Беларусь, и Российской Федерации и не зависит от различных текущих обстоятельств, является единым и одинаковым для всех, характеризуется относительной статичностью, обобщенностью; во-вторых, его права и обязанности, вытекающие из факта гражданства как неотъемлемого атрибута государственного суверенитета и Республики Беларусь, и Российской Федерации, определяющего принадлежность лица к государству, обуславливающего совокупность его прав и обязанностей и их защиту со стороны государства.

Права и обязанности несовершеннолетних образуют в своей совокупности его правовой статус. При этом административно-правовой статус несовершеннолетнего обладает рядом особенностей:

1) он носит сложный комплексный характер и «пропитан» нормами конституционного, гражданского, финансового и других отраслей права, отражающих взаимоотношения личности и общества, гражданина и государства, индивида и коллектива;

2) по обязательности предписаний он содержит в себе либо только права, либо только обязанности (например, соблюдать правила дорожного движения), либо права и обязанности (например, при рассмотрении дел об административных правонарушениях);

3) содержание административно-правового статуса несовершеннолетнего в одних случаях зависит от желания того или иного лица, а в других случаях он формируется вопреки его желанию (например, несовершеннолетний, совершивший мелкое ху-

лиганство, подвергается административному задержанию и доставлению в милицию).

При этом конкретные права субъектов административного права представляют собой предоставленную и гарантированную государством путем закрепления в нормах административного права меру возможного (дозволенного) поведения в правоотношениях с другими субъектами административного права, на которых возлагаются корреспондирующие обязанности.

Противоположностью правам несовершеннолетних являются их обязанности, т. е. установленная государством и закрепленная нормами административного права мера должного поведения в административных правоотношениях, обеспеченная возможностью применения государственного принуждения.

Субъективные права и обязанности несовершеннолетних как субъектов административного права существуют и проявляются в конкретных правоотношениях, составляя фактическое содержание последних. Они всегда связаны с практическим осуществлением определенных действий в сфере реализации государственной исполнительной власти [16].

Мнения исследователей о составляющих административно-правового статуса несовершеннолетних сильно отличаются, однако, проанализировав имеющиеся в юридической литературе определения, можно сделать вывод о том, что есть одна общая черта всех характеристик: центральным компонентом административно-правового статуса несовершеннолетнего являются его административные права и свободы. К. Н. Лобанов уверен, что «система прав и обязанностей – это основа, центр правовой сферы» [17, с. 45]. Правовые возможности несовершеннолетнего закрепляют их отношения с органами госуправления. Н. А. Морозова определяет «права ребенка» как возможности (свободы) ребенка, которые необходимы ему для существования, воспитания и развития [18, с. 64].

А. А. Кеник условно предлагает разделить административные права несовершеннолетних на следующие группы:

1) личные (физические) права: право на жизнь, на охрану здоровья, право на защиту от всех форм насилия, право на имя, право на гражданство;

2) экономические права: право на собственность и использование объектов общественной собственности, право на социальное обеспечение;

3) культурные права: право на образование, на свободное развитие личности, участие в культурной и творческой жизни [19, с. 78].

В юриспруденции сложилось практически единодушное мнение по вопросу разграничения терминов «права» и «свободы». На основании научных трудов В. С. Нерсисянца, С. С. Алексеева, Л. С. Явича предполагается, что различие между ними в достаточной мере условно, т. к. по своей юридической природе и системе гарантий они идентичны [20].

Как разъясняет В. Ф. Асмус, в современном логическом мышлении понятие выполняет двоякую функцию. Первое применение понятия состоит в том, что оно представляет собой условие для понимания суждений. Эту роль понятие выполняет тогда, когда оно есть точная мысль о признаках предмета, отличающих его от всех других предметов [21]. В то же время анализ законодательства и международных актов приводит к выводу об их различных смысловых нагрузках. Понятие «право», рассматриваемое в субъективном смысле, раскрывается в юридической литературе как гарантированная законом мера возможного поведения человека [22]. Но эта возможность ничто при отсутствии самостоятельности личности и индивидуального выбора варианта поведения, гарантированных запретом умалать свободу человека.

Анализируя возраст, при достижении которого у несовершеннолетних возникают те либо иные права, стоит отметить, что таким возрастом является 14 лет, при достижении которого несовершеннолетние приобретают право на совершение сделок, возможность трудоустройства, право самостоятельного обращения в судебные органы за защитой своих прав и интересов, а также наступает гражданско-правовая, админист-

ративная (за некоторые виды правонарушений), уголовная ответственность.

Необходимо указать, что ответственность за совершение противоправных деяний наступает лишь за некоторые правонарушения. При достижении 15-летнего возраста у несовершеннолетнего возникает право на вступление в брак при наличии определенных условий, указанных в семейном законодательстве. Когда несовершеннолетний достигает 16 лет, количество прав возрастает: он имеет право самостоятельного трудоустройства, вступления в общественные объединения без разрешения законных представителей, а также приобретает полную ответственность за совершенные им противоправные деяния.

Заключение

Основной сложностью при определении административно-правового статуса несовершеннолетнего является то, что множество норм административного права интегрировано с нормами иных отраслей права: конституционного, административного, семейного, жилищного, гражданского.

В настоящее время юридическая наука рассматривает несовершеннолетнего как участника практически всех общественных отношений, чем и характеризуется зависимость его правового статуса от тех общественных отношений, в которые он вступает, а следовательно, и от норм, которыми данная сфера регулируется.

Наличие определенных ограничений связано с возрастными цензами: у несовершеннолетнего нет самостоятельной возможности защитить свои права, в связи с чем в и Республике Беларусь, и в Российской Федерации создаются и функционируют специальные органы, выступающие в защиту прав несовершеннолетних, в т. ч. и в административных правоотношениях.

Таким образом, особенностью правового статуса несовершеннолетнего является его изменчивость по мере взросления и расширение комплекса прав, обязанностей и гарантий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Телятицкая, Т. В. Субъекты административного права и административной ответственности / Т. В. Телятицкая // Науч. тр. Белорус. гос. экон. ун-та : сборник ; редкол.: В. Н. Шимов (предисл.) [и др.]. – Минск : БГЭУ, 2011. – С. 558–563.

2. Хант, М. В. Особенности административно-правового статуса гражданина в зарубежных странах / М. В. Хант // Мир современ. науки. – 2020. – № 4 (62). – С. 29–33.
3. Мергалиев, А. А. Специфика административно-правового статуса человека и гражданина в РФ / А. А. Мергалиев // Вопр. устойчивого развития о-ва. – 2021. – № 4. – С. 287–292. – DOI 10.34755/IROK.2021.78.90.067
4. Бобылева, А. Д. Понятие и сущность оснований административной ответственности по делам несовершеннолетних / А. Д. Бобылева, А. Б. Баумштейн // Проблемы государственно-правового строительства в современной России: анализ. тенденции, перспективы : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Курск, 9 апр. 2021 г. – Курск : Планета, 2021. – С. 13–16.
5. Занина, Т. М. Совершенствование административно-правового статуса несовершеннолетних: проблемы и перспективы / Т. М. Занина, С. С. Нехорошева // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. – 2013. – № 4. – С. 13–18.
6. Козырин, М. Основы системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних / М. Козырин // Рос. юстиция. – 2002. – № 7. – С. 26–37.
7. Нечаева, А. М. Детская беспризорность – опасное социальное явление / А. М. Нечаева // Гос-во и право. – 2001. – № 6. – С. 58–62.
8. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.04.2024, № 365-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона Российской Федерации от 12.11.2024, № 51-П // КонсультантПлюс – Минск, 2024.
10. Волчек, В. И. Административно-правовой статус несовершеннолетних: теоретико-правовые проблемы определения / В. И. Волчек // Право, общество, государство: история, современные тенденции и перспективы развития : сб. науч. тр. по материалам Междунар. заоч. студен. науч.-практ. конф., Липецк, 27 апр. 2017 г. – Липецк : Ритм, 2017. – С. 284–287.
11. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 07 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.04.2024, № 365-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
12. Быкова, А. М. Особенности административной ответственности несовершеннолетних лиц / А. М. Быкова // Актуальные вопросы административного судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях : сб. материалов Регион. науч.-практ. студен. конф., Пермь, 26 нояб. 2020 г. – Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2021. – С. 57–60.
13. Труфанов, М. Е. Профилактика правонарушений несовершеннолетних в системе элементов административной правоприменительной политики / М. Е. Труфанов // О-во и право. – 2012. – № 4. – С. 275–278.
14. Яковишина, С. Ю. Причины противоправного поведения несовершеннолетних / С. Ю. Яковишина // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2007. – № 2. – С. 74–79.
15. Боренштейн, А. Л. Проблемы профилактики правонарушений несовершеннолетних / А. Л. Боренштейн // Вестн. Донбас. юрид. акад. Юрид. науки. – 2021. – № 17. – С. 19–26.
16. Бакаев, А. А. Система профилактики правонарушений несовершеннолетних : учеб. пособие / А. А. Бакаев. – М. : Логос, 2004. – 218 с.
17. Лобанов, К. Н. К вопросу об административной ответственности несовершеннолетних / К. Н. Лобанов, С. А. Москаленко // Проблемы правоохран. деятельности. – 2015. – № 1. – С. 44–49.
18. Морозова, Н. А. Особенности административной ответственности / Н. А. Морозова. – СПб. : Синергия, 2013. – 320 с.
19. Кеник, А. А. Защита прав ребенка и несовершеннолетних в Республике Беларусь / А. А. Кеник. – Изд. 2-е. – Минск : Дикта, 2008. – 316 с.
20. Алексеев, С. С. О понятии права / С. С. Алексеев // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. – 1970. – № 1. – С. 20–29.

21. Бекбаев, Е. З. О соотношении категорий «понятие права» и «теория права» / Е. З. Бекбаев // Гос-во и право. – 2014. – № 9. – С. 110–114.
22. Нерсесянц, В. С. Право: многообразие определений и единство понятия / В. С. Нерсесянц // Сов. гос-во и право. – 1983. – № 10. – С. 31.

REFERENCES

1. Tieliatickaja, T. V. Subjekty administrativnogo prava i administrativnoj otvietstviennosti / T. V. Tieliatickaja // Nauch. tr. Bielorus. gos. ekon. un-ta : sbornik ; riedkol.: V. N. Shimov (pried.) [i dr.]. – Minsk : BGEU, 2011. – S. 558–563.
2. Khant, M. V. Osobiennosti administrativno-pravovogo statusa grazhdanina v zarubiezhnykh stranakh / M. V. Khant // Mir sovriem. nauki. – 2020. – № 4 (62). – S. 29–33.
3. Miergalijev, A. A. Specifika administrativno-pravovogo statusa chielovieka i grazhdanina v RF / A. A. Miergalijev // Vopr. ustojchivogo razvitija o-va. – 2021. – № 4. – S. 287–292. – DOI 10.34755/IROK.2021.78.90.067
4. Bobyliova, A. D. Poniatije i suschnost' osnovanij administrativnoj otvietstviennosti po dielam niesoviershennolietnikh / A. D. Bobyliova, A. B. Baumshtejn // Problemy gosudarstviennno-pravovogo stroitel'stva v sovriemennoj Rossii: analiz, tendencii, pierspektivy : matierialy VI Miezhdunar. nauch.-prakt. konf., Kursk, 9 apr. 2021 goda. – Kursk : Planeta, 2021. – S. 13–16.
5. Zanina, T. M. Soviershenstvovanie administrativno-pravovogo statusa niesoviershennolietnikh: problemy i pierspektivy / T. M. Zanina, S. S. Niekhorosheva // Viestn. Voroniez. in-ta MVD Rossii. – 2013. – № 4. – S. 13–18.
6. Kozyrin, M. Osnovy sistemy profilaktiki bieznadzomosti i pravonarushenij niesoviershennolietnikh // Ros. justicija. – 2002. – № 7. – S. 26–37.
7. Nechajeva, A. M. Dietskaja bie sprizomost' – opasnoje social'noje javlienije / A. M. Niechajeva // Gos-vo i pravo. – 2001. – № 6. – S. 58–62.
8. Kodeks Riespubliki Bielarus' ob administrativnykh pravonarushenijakh [Elektronnyj riesurs] : 6 janv. 2021 g., № 91-Z : priniat Palatov predstavitieliej 18 diek. 2020 g. : odobr. Sovietom Riesp. 18 diek. 2020 g. : v ried. Zakona Riesp. Bielarus' ot 22.04.2024, № 365-Z // ETALON. Zakonodatiel'stvo Riespubliki Bielarus' / Nac. centr pravovoj inform. Riesp. Bielarus'. – Minsk, 2024.
9. Kodeks Rossijskoj Fiedieracii ob administrativnykh pravonarushenijakh [Elektronnyj riesurs] : 30 diek. 2001 g., № 195-FZ : priniat Gos. Dumoj 20 diek. 2001 g. : odobr. Sovietom Fiedieracii 26 diek. 2001 g. : v ried. Fiedier. zakona Rossijskoj Fiedieracii ot 12.11.2024, № 51-P // Konsul'tantPlus. – Minsk, 2024.
10. Volchik, V. I. Administrativno-pravovoj status niesoviershennolietnikh: tieoretiko-pravovyje problemy opriedielenija / V. I. Volchik // Pravo, obshchestvo, gosudarstvo: istorija, sovriemnyje tendencii i pierspektivy razvitija : sb. nauch. tr. po matierialam Miezhdunar. zaoch. studiench. nauch.-prakt. konf., Lipieck, 27 apr. 2017 g. – Lipieck : Ritm, 2017. – S. 284–287.
11. Grazhdanskij kodeks Riespubliki Bielarus' [Elektronnyj riesurs] : 7 diek. 1998 g., № 218-Z : priniat Palatoy predstavitieliej 28 okt. 1998 g. : odobr. Sovietom Riesp. 19 nojab. 1998 g. : v ried. Zakona Riesp. Bielarus' ot 22.04.2024, № 365-Z // ETALON. Zakonodatiel'stvo Riespubliki Bielarus' / Nac. centr pravovoj inform. Riesp. Bielarus'. – Minsk, 2024.
12. Bykova, A. M. Osobiennosti administrativnoj otvietstviennosti niesoviershennolietnikh lic / A. M. Bykova // Aktual'nyje voprosy administrativnogo sudoproizvodstva i proizvodstva po dielam ob administrativnykh pravonarushenijakh : sb. matierialov Riegi. nauch.-prakt. studiench. konf., Pjerm', 26 nojab. 2020 g. – Pjerm' : Pjerm. gos. nac. isslied. un-t, 2021. – S. 57–60.
13. Trufanov, M. Ye. Profilaktika pravonarushenij niesoviershennolietnikh v sistemie eliemientov administrativnoj pravoprимienitel'noj politiki // O-vo i pravo. – 2012. – № 4. – S. 275–278.
14. Yakovishina, S. Yu. Priciny protivopravnogo poviedienija niesoviershennolietnikh / S. Yu. Yakovishina // Viestn. Akad. MVD Riesp. Bielarus'. – 2007. – № 2. – S. 74–79.
15. Borienshtejn, A. L. Problemy profilaktiki pravonarushenij niesoviershennolietnikh / A. L. Borienshtejn // Vistn. Donbas. jurid. akad. Jurid. nauki. – 2021. – № 17. – S. 19–26.
16. Bakajev, A. A. Sistemiya profilaktiki pravonarushenij niesoviershennolietnikh : uchieb. posobie / A. A. Bakajev. – M. : Logos, 2004. – 218 s.

-
17. Lobanov, K. N. K voprosu ob administrativnoj otvietstviennosti niesoviershennolietnikh / K. N. Lobanov, S. A. Moskalienko // Problemy pravookhran. dejatel'nosti. – 2015. – № 1. – S. 44–49.
18. Morozova, N. A. Osobiennosti administrativnoj otvietstviennosti / N. A. Morozova. – SPb. : Sinergija, 2013. – 320 s.
19. Kienik, A. A. Zashchita prav riebonka i niesoviershennolietnikh v Riespublikie Bielarus' / A. A. Kenik. – Izd. 2-je. – Minsk : Dikta, 2008. – 316 s.
20. Alieksiejev, S. S. O poniatii prava / S. S. Alieksiejev // Izv. vyssh. uchieb. zaviedenij. Pravoviedenije. – 1970. – № 1. – S. 20–29.
21. Biekbajev, Ye. Z. O sootnoshenii katiegorij «poniatije prava» i «tieorija prava» / Ye. Z. Biekbajev // Gos-vo i pravo. – 2014. – № 9. – S. 110–114.
22. Niersesianc, V. S. Pravo: mnogoobrazije opriedielienij i jedinstvo poniatija / V. S. Niersesianc / Soviet. gos-vo i pravo. – 1983. – № 10. – S. 31.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 24.12.2024

УДК 349

Олег Валентинович Бреский*канд. юрид. наук, доц., зав. каф. теории и истории государства и права
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина***Oleg Bresky***Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Theory and History of State and Law
of Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: oleg.bresky@hotmail.com*

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА МЕДИАТИВНОГО СОГЛАШЕНИЯ

Статья посвящена проблеме определения юридической природы медиативного соглашения, которое сочетает в себе признаки классического договора, и элементов решения третейского суда, поскольку медиативное соглашение считается заключенным только в том случае, когда подписано третьим лицом – медиатором. В связи с этим сегодня среди юристов существуют разногласия в понимании значения медиативного соглашения, его юридической силы, места в классификации гражданско-правовых договоров, исполнения, его значения для третьих лиц и органов власти. Предлагается подход к определению юридической природы медиативного соглашения и модель юридических последствий такой интерпретации.

Ключевые слова: медиативное соглашение, конституционные права, свобода заключения договора, универсальная юридическая сила договора.

Legal Nature of the Mediation Agreement

This article addresses the issue of delineating the legal nature of a mediation agreement, which encompasses characteristics of a traditional contract but is deemed to be concluded only upon the signature of a third party, namely the mediator. Consequently, there exist divergent interpretations regarding the implications of a mediation agreement, its legal validity, its classification within civil contracts, its execution, and its relevance to third parties and authorities. The article presents a framework for defining the legal nature of a mediation agreement and models the legal consequences arising from the proposed interpretation.

Key words: mediation agreement, constitutional rights, freedom of contract, universal legal force of contract.

Введение

В качестве альтернативного механизма разрешения споров в 2014 г. в правовую систему Республики Беларусь была включена медиация [1]. Во многих случаях межличностные конфликты необязательно должны доходить до суда. Медиация может сократить социальные издержки и помочь заинтересованным сторонам восстановить свои отношения. В процессе медиации спорный вопрос решается путем соглашения, достигнутого между сторонами без обращения в компетентный суд. Фактически, согласно статистике, показатель успеха добровольной медиации составляет 95 %, поскольку стороны достигают соглашения, отражающего их интересы [2].

Законодательство Республики Беларусь предусматривает добровольность медиации, однако этот процесс может быть обязательным и представлять собой предварительное условие, которое необходимо выполнить перед подачей иска, или может

быть добровольным. Так, с 1 октября 2024 г. после вступления в силу изменений в Гражданский кодекс Республики Беларусь, касающихся вопросов предпринимательской деятельности, расширяется круг лиц, по спору между которыми до обращения в суд с иском обязательным является предъявление претензии (письменного предложения о добровольном урегулировании спора), т. е. применение медиации [3].

В случаях, когда медиация является предварительным условием, которое необходимо выполнить перед подачей иска, иски, поданные без предварительного обращения к посреднику, должны быть отклонены. Такая политика законодателя позволяет расширить применение медиации, но одновременно создает некоторые проблемы в понимании медиации, поскольку сближает медиацию с системой правосудия [4].

Правила гражданского судопроизводства не могут толковаться как означающие, что суды должны предписывать медиацию,

поскольку это будет равносильно нарушению ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, которая предусматривает право на справедливое судебное разбирательство [5]. Это является неверным пониманием процесса медиации: медиатор не выносит решения, как судья или арбитр, стороны вольны прекратить процесс и перейти к судебному разбирательству.

Основная часть

В конце процесса медиации медиатор не выносит решения. Миссия медиатора заключается в том, чтобы создать пространство для переговоров между сторонами, помочь им осознать интерес в споре и обеспечить достижение сторонами соглашения. В этом контексте, если стороны достигают согласия в конце процесса, медиатор готовит соответствующее соглашение, которое он тестирует на предмет его законности и исполнимости. Если стороны не достигают соглашения в конце процесса, медиатор может подготовить документ, указывающий на неудачу медиации, т. е. протокол о недостижении соглашения.

Медиативное соглашение регулируется ст. 15 Закона о медиации: медиативное соглашение заключается сторонами в письменной форме и должно содержать сведения о сторонах, медиаторе, предмете спора, а также о принятых сторонами обязательствах, направленных на урегулирование спора, и сроках их выполнения. Медиативное соглашение подписывается сторонами и медиатором. Стороны медиативного соглашения в случае его неисполнения добровольно вправе обратиться в суд в порядке, установленном гражданским или хозяйственным процессуальным законодательством, за выдачей документа на принудительное исполнение медиативного соглашения. Возможность принудительного исполнения медиативного соглашения – это особенность модели медиации в Беларуси.

Медиативное соглашение, как представляется, – это договор, основанный на праве свободы заключения договоров, гарантированной ст. 391 Гражданского кодекса Республики Беларусь. Согласно этой статье, граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Стороны могут заключить договор как предусмотренный, так и

не предусмотренный законодательством. Стороны могут заключать договор, в котором содержатся элементы различных договоров, предусмотренных законодательством (смешанный договор). Условия договора определяются по усмотрению сторон в порядке и пределах, предусмотренных законодательством [5]. Поэтому медиативное соглашение может быть обжаловано в судебном порядке [6]. Основаниями для обжалования могут быть как предусмотренные в гражданском праве (ст. 167 Гражданского кодекса Республики Беларусь), так и специфические факты, связанные с действиями медиатора, нарушающие права сторон и принципы и процедуру медиации. С 2023 г. могут быть обжалованы в суде и действия медиатора, если они нарушают интересы третьей стороны [7].

В основании действительности медиативного соглашения находится четко выраженная воля сторон на обращение к процедуре медиации для заключения соглашения. В этих целях законодательство Республики Беларусь устанавливает требование к заключению соглашения о применении медиации. Когда медиация имеет обязательный характер предсудебной процедуры, стороны также должны заключать соглашение о применении медиации, потому что именно это соглашение создает ее правовые основания наряду с законом, а также определяет взаимные права и обязанности между сторонами медиации и медиатором.

Стороны сами выбирают медиатора. Медиатор может быть заменен в процессе медиации либо по инициативе одной из сторон, либо по инициативе самого медиатора, если на это существуют основания.

Стороны вправе ожидать от медиатора (и это закладывается в условия договора о применении медиации), что процесс будет соответствовать ожиданиям сторон:

- 1) медиатор будет независимым и беспристрастным;
- 2) процесс будет конфиденциальным;
- 3) целью процесса медиации будет достижение урегулирования в целом или частично;
- 4) если соглашение достигнуто, медиатор должен обеспечить, чтобы его условия были зафиксированы и соглашение подписано обеими сторонами.

Перечисление этих основных элементов соответствует обычным договорным принципам. Медиативные соглашения должны были исполнимыми, они должны опираться на средства правовой защиты, доступные в случае нарушения медиативного соглашения. Такие условия медиации сохраняются и в тех случаях, когда медиация является обязательной преюдицией к судебному разбирательству либо когда стороны прибегают к медиации, выходя из гражданского, уголовного, административного либо арбитражного (экономического) процесса.

Одна из (возможно, важная) особенностей медиативного соглашения – это возможность его принудительного исполнения. В отличие от обычных договоров медиативные соглашения подлежат принудительному исполнению, поскольку обладают своей спецификой: они заключаются при посредничестве, и роль медиатора в медиативных соглашениях придает им эту особенность. Стороны, привлекая третье лицо в процесс переговоров и выработки соглашения, придают достигнутому соглашению публично-правовой характер, иногда выводящий их за пределы обычных частно-правовых договоров.

Неопределенным, не опирающимся на достаточную практику, является вопрос об обязательности медиативных соглашений для третьих лиц и государственных органов. Соглашение является юридическим договором, фактом, который создает юридические последствия для всех субъектов права в Беларуси. Могут ли не признаваться медиативные соглашения, законные и не нарушающие права третьих лиц, в отдельных сегментах системы права и правоотношений в Беларуси без угрозы разрушения системной целостности? Очевидно, нет: практика последних лет содержит факты непризнания юридического значения медиативных соглашений со стороны нотариата, органов регистрации недвижимого имущества, органов Министерства внутренних дел, органов социальной защиты.

Сегодня является общепризнанным, что, даже если переговоры и медиация не приводят к урегулированию, они все равно могут помочь сторонам минимизировать свои разногласия и в разной степени улучшить взаимопонимание. Поэтому про-

цесс медиации может помочь создать удовлетворительную основу для разрешения споров на более поздних этапах. Признавая это, комментаторы, выступающие за продвижение и развитие медиации, утверждают, что не может быть «проваленных» переговоров, или медиации. Признано, что, даже если стороны изначально не вступили в медиацию добровольно, опытный медиатор может изменить отношение, уменьшить враждебность между сторонами, сузить разногласия между сторонами и в итоге приблизить стороны к достижению соглашения. Как замечает К. Мур, «опытные медиаторы теперь способны достигать результатов, удовлетворяющих обе стороны во многих случаях» [8, с. 19]. В соглашении о медиации стороны демонстрируют общее намерение добровольно вступить в медиацию, и можно сказать, что именно это согласие, а не принуждение как таковое приводит их намерение в исполнение. Однако если сторона впоследствии отказывается от медиации, то необходимо заставить эту сторону принять посредничество и тем самым дать шанс медиации сработать.

С другой стороны, следует проявить определенную степень осмотрительности, прежде чем навязывать сторонам чрезмерные элементы принуждения к посредничеству против их воли. Посредничество должно активно продвигаться и представляться широкой общественности с помощью различных средств (образование, реклама, рекламные кампании и пропаганда), чтобы граждане были более информированы: суды готовы обеспечивать соблюдение соглашений о посредничестве, если они достаточно определены и требование определенности никоим образом не нарушено. Конечно, тщательное составление медиативного соглашения означает, что простое заявление, которое гласит: «Стороны должны передать спорный вопрос на посредничество», – вряд ли удовлетворит требование определенности [9].

Какие же условия следует прописать, чтобы удовлетворить это требование? Некоторые считают, что условия должны предусматривать такие практические вопросы, как процедура медиации, место проведения медиации и процедура назначения медиатора. Хотя большинство сторон заявляют в соглашении, что они прибегнут к

медиации в случае возникновения спора и не излагают в явной форме, что именно каждая сторона должна делать в процессе медиации, обычно делаются ссылки на включение правил медиации названной организации по разрешению споров. Было высказано предположение, что эти стандартизированные положения о медиации представляют быстрый и простой вариант для составления эффективного положения о медиации. Более подробное положение могло бы включать все практические вопросы, касающиеся операционной основы медиации: проведение совместных встреч, временные рамки медиации, оплату гонораров, назначение законных представителей, требования к раскрытию информации и т. д. Степень, в которой соглашение о медиации должно включать положения для вышеуказанных условий, вероятно, будет зависеть от мнения разных ученых или судей.

Другие ученые предположили, что существует по крайней мере четыре минимальных требования к договору о применении медиации:

1) договор должен действовать таким образом, чтобы завершение медиации (эффективное или неэффективное) стало предварительным условием для судебного разбирательства (или арбитража);

2) процессы, установленные договором о применении медиации, должны быть определенными. В процессе медиации не может быть этапов, на которых необходимым является соглашение о каком-либо выборе направлений дальнейших действий, прежде чем медиативный процесс может быть продолжен. Такого рода соглашение не будет иметь юридической силы из-за присущей ему неопределенности. Если стороны не могут договориться в процессе медиации, это равносильно завершению медиации, но без результата;

3) в договоре должен быть отражен процесс выбора медиатора и определения его вознаграждения. Эти пункты соглашения должны быть конкретными, с механизмами, позволяющими третьей стороне оценить их выполнение, если стороны отступят от его исполнения;

4) в договоре о применении медиации должен быть подробно изложен процесс медиации, которому необходимо следовать, или же добавлена ссылка на акты, которые

регламентируют процесс. Стороны должны быть явно осведомлены о процедуре и своих правах и обязанностях в процессе, что соответствует принципу добровольности их участия. Эти правила также должны конкретно указывать на модель медиации, которая будет использоваться.

Утверждается, что принудительное исполнение соглашения о медиации не должно основываться только на условиях самого соглашения. Отсутствие одного или нескольких условий не должно автоматически отрицать возможность принудительного исполнения соглашения. Участники соглашения сохраняют все права, гарантированные законом. Помимо соглашения о медиации судья должен учитывать совокупность таких факторов, как факты дела, предыстория сторон и социальное понимание медиации и роли медиатора. Положение сторон спора, их представителей, самого медиатора должно быть протестировано с привлечением как можно большего числа деталей и соблюдением принципа добросовестности и добровольности.

Ранее отмечалось, что составители соглашений о применении медиации должны гарантировать, что такой договор будет соответствовать принципам права путем включения в него подробных положений по практическим вопросам. Многоуровневые и многосторонние соглашения требуют еще более тщательной разработки из-за их сложной природы. Недостаточно, к примеру, просто заявить, что стороны перейдут в экономический суд, если они не смогут урегулировать свои споры путем медиации. Положения договора о применении медиации должно разъяснить, что именно составляет и завершает определенный этап в медиации и что означает недостижение цели медиации, т. е. оно должно указать точку отказа и изложить критерии для определения того, потерпела ли медиация неудачу.

Кроме того, мы должны обращать внимание на выражения, которые используются в соглашении. Если медиация является обязательной, то необходимо, чтобы в соглашении употреблялись такие слова, как «должен», «должны», и чтобы соглашение избегало таких слов, как «может», «могут», что означает, что определенный процесс является необязательным.

Заклучение

Медиативный процесс отделен от других (судебных) форм разрешения споров и конфликтов, автономен и основан на собственных принципах, философии и методах. Медиация не является заменой, надстройкой, дополнением к существующим

формам разрешения споров. Это новый институт, он должен быть сопряжен, гармонизирован с существующими юридическими процедурами, которые, в свою очередь, не должны его заменять, использовать, подчинять либо ослаблять.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О медиации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 58-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
2. Alternative dispute resolution [Электронный ресурс] // Официальный сайт Ведомства по интеллектуальной собственности Европейского союза. – Режим доступа: <https://www.euipo.europa.eu/en/manage-ip/alternative-dispute-resolution>. – Дата доступа: 03.08.2023.
3. Об изменении законов [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2023 г., № 292-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
4. Об изменении законов [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 дек. 2019 г., № 277-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
5. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] : принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН 16 дек. 1966 г. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. – Дата доступа: 23.11.2024.
6. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 11 янв. 1999 г., № 238-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
7. Об изменении законов по вопросам предпринимательской деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 22 апр. 2024 г., № 365-3. – Режим доступа: <https://pravo.by/-document/?guid=12551&p0=H12400365>. – Дата доступа: 23.11.2024.
8. Moore, C. The Mediation Process / C. Moore. – Jossey-Bass, 2003. – 624 p.
9. О примирении сторон при рассмотрении судами гражданских и экономических споров [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верх. Суда Респ. Беларусь, 29 июня 2016 г., № 3 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

REFERENCES

1. O miediacii [Eliektronnyj riesurs] : Zakon Riesp. Bielarus', 12 ijulia 2013 g., № 58-Z // ETALON. Zakonodatiel'stvo Riesp. Bielarus' / Nac. cienst pravovoj inform. Riesp. Bielarus'. – Minsk, 2023.
2. Alternative dispute resolution [Eliektronnyj riesurs] // Oficial'nyj sajт Viedomstva po intiel'liektual'noj sobstviennosti Jevropiejskogo sojuza. – Riezhim dostupa: <https://www.euipo.europa.eu/en/manage-ip/alternative-dispute-resolution>. – Data dostupa: 03.08.2023.
3. Ob izmienienii zakonov [Eliektronnyj riesurs] : Zakon Riesp. Bielarus', 17 ijulia 2023 g., № 292-Z // ETALON. Zakonodatiel'stvo Riesp. Bielarus' / Nac. cienst pravovoj inform. Riesp. Bielarus'. – Minsk, 2023.
4. Ob izmienienii zakonov [Eliektronnyj riesurs] : Zakon Riesp. Bielarus', 18 diek. 2019 g., № 277-Z // ETALON. Zakonodatiel'stvo Riesp. Bielarus' / Nac. cienst pravovoj inform. Riesp. Bielarus'. – Minsk, 2023.
5. Miezhdunarodnyj pakt o grazhdanskikh i politichieskikh pravakh [Eliektronnyj riesurs] : priniat riezoliucijej 2200 A (XXI) Gienieral'noj Assambliei OON 16 diek. 1966 g. – Riezhim dostupa: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. – Data dostupa: 23.11.2024.

6. Graždanskij prociessual'nyj kodeks Riepubliki Bielarus' [Eliektronnyj riesurs] : Zakon Rieesp. Bielarus', 11 janv. 1999 g., № 238-Z // ETALON. Zakonodatiel'stvo Rieesp. Bielarus' / Nac. ciatr pravovoj inform. Rieesp. Bielarus'. – Minsk, 2023.

7. Ob izmienienii zakonov po voprosam priedprinimatiel'skoj diejatiel'nosti [Eliektronnyj riesurs] : Zakon Rieesp. Bielarus', 22 apr. 2024 g., № 365-Z. – Riezhim dostupa: <https://pravo.by/-document/?guid=12551&p0=H12400365>. – Data dostupa: 23.11.2024.

8. Moore, C. The Mediation Process / S. Moore. – Jossey-Bass, 2003. – 624 p.

9. O primirienii storon pri rassmotrienii sudami graždanskikh i ekonomichieskikh sporov [Eliektronnyj riesurs] : postanovlienije Plienuma Vierkh. Suda Rieesp. Bielarus', 29 ijunia 2016 g., № 3 // ETALON. Zakonodatiel'stvo Rieesp. Bielarus' / Nac. Ciatr pravovoj inform. Rieesp. Bielarus'. – Minsk, 2023.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 11.12.2024

УДК 342.4

Грануш Грантовна Акобян¹, Рузанна Хачиковна Акобян²¹д-р юрид. наук, проф.,преподаватель Гаварского государственного университета (г. Гавар, Армения)
и Академии государственного управления Республики Армения²д-р юрид. наук, доц., ректор Гаварского государственного университета (г. Гавар, Армения)**Hranush Hakobyan¹, Ruzanna Hakobyan²**¹Doctor of Legal, Professor, Lecturer of Gavar State University (Gavar, Armenia)
and Public Administration Academy of the Republic of Armenia²Doctor of Legal, Associate Professor, Rector of Gavar State University (Gavar, Armenia)e-mail: ¹hranush.hranti@gmail.com; ²ruzanna.hakobyan@mail.ru

О МЕХАНИЗМЕ САМОЗАЩИТЫ ОСНОВНОГО ЗАКОНА ГОСУДАРСТВА НА ПРИМЕРЕ КОНСТИТУЦИЙ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Эффективное обеспечение правовой безопасности и конституционного правопорядка является необходимым условием стабильности и безопасности государства. Основа системы правовой безопасности – это стабильность конституционного строя, выполнение требований Конституции, четкое и эффективное функционирование всех конституционных институтов. Уполномочивающие, обязывающие и запрещающие конституционные нормы прямо или косвенно направлены на защиту самой Конституции и обеспечение высшей юридической силы Основного Закона государства. Обсуждаются некоторые конституционные положения, связанные с самозащитой Основного Закона, а также представлены предложения по конституционным изменениям. Предлагается пересмотреть полномочия законодательного органа Республики Армения – Национального Собрания – по внесению поправок в некоторые статьи Конституции и восстановить «жесткий» характер Конституции Республики Армения, предусмотрев возможность изменения и принятия Конституции Республики Армения исключительно посредством всенародного голосования – через референдум. Рассматриваются ключевые аспекты правовой самозащиты Конституций обеих стран, включая принципы верховенства права, института конституционной ответственности, а также процедуры изменения Конституций. Представлены предложения по улучшению механизмов самозащиты Конституций.

Ключевые слова: Основной Закон государства, Конституция, самозащита Конституции, народ, демократия, референдум, конституционное право, институт, конституционная ответственность.

About the Self-Defense Mechanism of the Basic Law of the State on the Example of the Constitutions of the Republic of Armenia and the Republic of Belarus

Effective provision of legal security and constitutional law and order is a necessary condition for the stability and security of the state. The basis of the legal security system is the stability of the constitutional system, compliance with the requirements of the Constitution, clear and efficient functioning of all constitutional institutions. Authorizing, obliging and prohibiting constitutional norms are directly or indirectly aimed at protecting the Constitution itself and ensuring the supreme legal force of the Basic Law of the state. Some constitutional provisions related to self-defense of the Basic Law are discussed, and proposals for constitutional changes are presented. It is proposed to revise the powers of the legislative body of the Republic of Armenia – the National Assembly – to amend some articles of the Constitution and restore the «rigid» nature of the Constitution of the Republic of Armenia, providing for the possibility amendments and adoption of the Constitution of the Republic of Armenia exclusively through popular vote – through a referendum. Key aspects of legal self-defense of the Constitutions of both countries are considered, including the principles of the rule of law, the institution of constitutional responsibility, as well as procedures for amending the Constitutions. Suggestions for improving the self-defense mechanisms of Constitutions are presented.

Key words: basic law of the state, Constitution, self-protection of the Constitution, people, democracy, referendum, constitutional law, institution, constitutional responsibility.

Введение

В последние годы в сложных геополитических условиях все более актуальной становится проблема обеспечения безопасности государства. Государственная безопас-

ность представляет собой сложную и многокомпонентную систему, неотъемлемой частью которой является правовая безопасность. Ключевым компонентом правовой безопасности государства является

конституционная безопасность, которая может быть обеспечена различными механизмами, и в первую очередь посредством защиты и самозащиты Конституции.

Основная часть

Обсудим некоторые вопросы механизма самозащиты Конституции на примере Конституций Республики Армения и Республики Беларусь.

Основной Закон Республики Армения был принят 5 июля 1995 г. путем всенародного референдума, затем 27 ноября 2005 г. и 6 декабря 2015 г. в результате всенародного голосования в Конституцию были внесены изменения.

Конституция Республики Беларусь была принята 15 марта 1994 г. Верховным Советом Республики Беларусь. В 1996 г. на республиканском референдуме Конституция Республики Беларусь была изложена в новой редакции. На республиканском референдуме 17 октября 2004 г. рассматривался вопрос о внесении изменений в Основной Закон. Законом Республики Беларусь от 12 октября 2021 г. № 124-3 в Конституцию внесены поправки, касающиеся проведения выборов депутатов в единый день голосования. 27 февраля 2022 г. состоялся очередной республиканский референдум по вопросу внесения изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь. В результате подверглись корректировке преамбула и 85 статей, были приняты 11 новых статей, исключены две. Основной Закон был дополнен новой гл. 31 «Всебелорусское народное собрание». В настоящее время Конституция Республики Беларусь содержит преамбулу, 9 разделов, 9 глав и в целом 176 статей [1].

Действующая Конституция Республики Армения содержит преамбулу, 16 глав и 220 статей [2]. В Конституции Республики Армения нет отдельных разделов, которые объединяли бы главы Основного Закона.

Основной закон государства является проявлением высшей воли народа как основного носителя власти. Согласно ч. 1 ст. 2 (ст. 2 является неизменной) Конституции Республики Армения, власть в Республике Армения принадлежит народу [2].

В соответствии с ч. 1 ст. 3 Конституции Республики Беларусь единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь

является народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно через представительные и иные органы в форме и в пределах, определенных Конституцией. Любые действия по изменению конституционного строя и захват государственной власти насильственными методами, а также путем иного нарушения законов Республики Беларусь наказываются в соответствии с законом [1].

Конституция должна действовать под контролем источника власти – народа – и быть основой для обеспечения безопасности и стабильности в стране, гарантировать законность и правопорядок, эффективно регулировать общественно-государственную жизнь, обеспечивая ее предсказуемость. В первую очередь необходимо защитить конституционный строй, национальные и государственные интересы, и для решения этих задач Конституция должна иметь соответствующие механизмы – принципы, нормы и институты самозащиты.

Согласно ч. 1 ст. 5 Конституции Республики Армения, Конституция обладает высшей юридической силой [2].

Статья 7 Конституции Республики Беларусь содержит следующие самозащитные положения: «В Республике Беларусь устанавливается принцип верховенства права. Конституция имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории Республики Беларусь. Иные правовые акты издаются на основе и в соответствии с Конституцией. Государство, все его органы и должностные лица, организации и граждане действуют в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актов законодательства. Правовые акты или их отдельные положения, признанные в установленном законом порядке противоречащими положениям Конституции, не имеют юридической силы» [1].

В соответствии с ч. 3 ст. 8 Основного Закона Республики Беларусь не допускается заключение международных договоров, которые противоречат Конституции [1].

Согласно ч. 3 ст. 116 Конституции Республики Армения, противоречащие Конституции международные договоры, не могут быть ратифицированы [2].

Согласно ст. 4 Конституции Республики Армения, государственная власть осуществляется в соответствии с Конституцией и законами, на основе разделения

и баланса законодательной, исполнительной и судебной властей. Также важной является ч. 1 ст. 6, согласно которой «государственные органы, органы местного самоуправления и должностные лица правомочны выполнять только те действия, на которые они уполномочены Конституцией или законами» [2].

Профессор М. В. Баглай отмечает, что «демократическое государство обязано обеспечить охрану Конституции и защиту от любых нарушений» [3]. Мы считаем, что предотвращение конституционных правонарушений, а также сохранение и защита Конституции должны быть обеспечены всеми средствами – с помощью механизма самозащиты Основного Закона. Конституция является осью правовой системы государства, для которой прочной опорой должны служить именно нормы и конструкции самозащиты. Конституция должна выполнять роль маяка с нерушимыми основами и не колебаться при регулировании общественной и государственной жизни.

В этом плане мы придаем важность преамбуле Конституций Республики Армения и Республики Беларусь, основам конституционного строя, конституционным принципам и механизмам, а также неизменяемым статьям Основного Закона Республики Армения, которые составляют систему самозащиты Конституции. В отличие от Конституции Республики Армения, принятой в 1995 г. и измененной в 2005 г., в редакции Конституции 2015 г. были закреплены новые принципы, призванные способствовать укреплению конституционных ценностей, а также конституционного правопорядка и законности. В частности, в соответствии со ст. 75 Конституции Республики Армения при регулировании основных прав и свобод законами устанавливаются организационные механизмы и процедуры, необходимые для эффективного осуществления этих прав и свобод.

Принцип соразмерности предусмотрен ст. 78 Конституции Республики Армения, согласно которой меры, выбранные для ограничения основных прав и свобод, должны быть пригодными и необходимыми для достижения цели, установленной Конституцией. Меры, выбранные для ограничения, должны быть соразмерны значению ограничиваемых основных прав и свобод.

Статья 79 Конституции Республики Армения содержит принцип определенности, согласно которому при ограничении основных прав и свобод законы должны определять основания и объем этих ограничений, быть в достаточной мере определенными, чтобы носители и адресаты этих прав и свобод могли проявлять соответствующее поведение [2]. Однако в условиях пандемии коронавируса (COVID-19) и чрезвычайного положения, объявленного в Республике Армения с 16 марта 2020 г. [4], основания и объем ограничений прав и свобод человека по объективным причинам не всегда были достаточно определенными, соразмерными и приемлемыми для граждан и общества.

Проблема ограничения прав и свобод граждан была актуальна не только для Армении, но и для других стран. Примечательна правовая позиция Конституционного суда Германии относительно законности ограничения свободы собраний на основе пандемии коронавируса (COVID-19). Суд подтвердил, что «осуществление права на собрания не будет считаться неконституционным, если лица соблюдают правила физического дистанцирования с целью предотвращения распространения пандемии, а опасения по поводу состояния здоровья, связанные с пандемией коронавируса, не будут основанием для общего запрета протестов» [5]. Это подчеркивает необходимость балансировки прав, свобод и общественных мер в условиях чрезвычайных ситуаций и демонстрирует, как Конституция должна применяться даже в кризисных ситуациях для защиты прав и свобод человека и общества. Проблема состоит в том, что Конституция должна не только гарантировать права и свободы граждан, но и предусматривать механизмы защиты Основного Закона. В этом плане наиболее подходящим инструментом является институт конституционной ответственности.

Конституционные изменения 2015 г. привнесли такие новшества, как введение принципа незыблемости положений, касающихся основных прав и свобод. Так, согласно ст. 80 Конституции Республики Армения, «сущность положений, закрепленных в настоящей главе об основных правах и свободах, незыблема». Положение о незыблемости сущности основного права закреплено в ч. 2 ст. 19 Конституции Федеративной Республики Германия [6].

Новшеством является также нормативное содержание ч. 1 ст. 81 Конституции Республики Армения: «При толковании положений об основных правах и свободах, закрепленных в Конституции, учитывается практика органов, действующих на основании международных договоров о правах человека, ратифицированных Республикой Армения».

Важным компонентом системы самозащиты Основного Закона государства является порядок принятия Конституции и конституционных изменений. Примечательно, что в соответствии с ч. 3 ст. 140 Конституции Республики Беларусь разделы I, II, IV и VIII могут быть изменены только путем референдума [1]. Речь идет о следующих разделах: Раздел I. Основы конституционного строя (ст. 1–20); Раздел II. Личность, Общество, Государство (ст. 21–63); Раздел IV. Президент, Всебелорусское народное собрание, Парламент, Правительство, Суд (ст. 79–116.1); Раздел VIII. Порядок изменения и дополнения Конституции (ст. 138–140).

Таким образом, из 148 статей Конституции Республики Беларусь, не считая 8 статей (ст. 141–148 раздела 9), содержащих заключительные и переходные положения, и с учетом добавленных и отмененных 113 статьями могут быть изменены только народным голосованием, через референдум. Таким образом, 76,3 % статей Конституции Республики Беларусь могут быть изменены исключительно путем референдума, в то время как оставшиеся 23,7 % могут быть изменены Парламентом.

Согласно ст. 138 Конституции Республики Беларусь, вопрос об изменении и дополнении Конституции рассматривается палатами Парламента по инициативе Президента, Всебелорусского народного собрания, не менее одной трети от полного состава каждой из палат Парламента либо не менее 150 тыс. граждан Республики Беларусь, обладающих избирательным правом.

Статья 139 Конституции Республики Беларусь устанавливает, что закон об изменении и дополнении Конституции может быть принят только после двух обсуждений и одобрений Парламентом с промежутком не менее трех месяцев. Изменения и дополнения Конституции Парламентом не могут быть произведены в период чрезвычайного или военного положения, а также в последние шесть месяцев полномочий Палаты

представителей. Согласно ст. 77 Конституции Республики Беларусь, решения, принятые на референдуме, могут быть отменены или изменены только путем нового референдума, если иное не предусмотрено самим референдумом [1].

Согласно ст. 111 Конституции Республики Армения, принятой в 1995 г., Конституция принималась или в нее вносились изменения путем референдума по инициативе Президента Республики или Национального Собрания. Это положение было сохранено также в ст. 111 Конституции Республики Армения, измененной в 2005 г., что обеспечивало стабильность и «жесткий» характер Конституции. Однако в результате поправок 2015 г. это положение было изменено: в ч. 1 ст. 202 Конституции Республики Армения, касающейся принятия и изменения Конституции, были закреплены статьи, которые могут изменяться только путем референдума. Согласно ч. 1 ст. 202, Конституция и поправки к 126 статьям Конституции могут быть приняты только посредством референдума. Речь идет о следующих главах и статьях Основного Закона: гл. 1, определяющая основы конституционного строя Республики Армения (ст. 1–22); гл. 2, определяющая основные права и свободы человека и гражданина (ст. 23–81); гл. 3, определяющая законодательные гарантии и основные цели государственной политики в экономической, социальной и культурной сферах (ст. 82–87); гл. 7, посвященная Судам и Высшему судебному совету (ст. 162–175); гл. 10, касающаяся конституционного института Защитника прав человека (ст. 191–193); гл. 15, посвященная принятию, изменению Конституции и референдуму (ст. 202–208); ст. 88, посвященная статусу и функциям Национального Собрания; ст. 89 (ч. 3, предложение 1, определяющее пропорциональную избирательную систему для выборов в Национальное Собрание); ст. 90 (ч. 1 о выборах Национального Собрания сроком на пять лет); ст. 103 (ч. 2, касающаяся конституционных законов); ст. 108, определяющая конституционный статус Следственной комиссии Национального Собрания; ст. 115, регулирующая процесс выражения недоверия Премьер-министру; ст. 119 и 120 (о военном и чрезвычайном положении); ст. 123–125, определяющие статус и функции Президента Республики, срок полномочий,

предъявляемые требования и порядок выборов; ст. 146, закрепляющая статус и функции Правительства; ст. 149, регулирующая выборы и назначение Премьер-министра; ст. 155, посвященная Вооруженным Силам; ст. 200 (ч. 4, касающаяся выпуска в обращение Центральным банком армянского драма – валюты Республики Армения).

В ч. 2 ст. 202 установлено, что изменения в других статьях Конституции (по нашим подсчетам, речь идет о 82 статьях Конституции Республики Армения, не считая 12 статей, включенных в гл. 16 о заключительных и переходных положениях (ст. 209–220) принимаются Национальным Собранием не менее чем двумя третями голосов от общего числа депутатов. Право на соответствующую инициативу имеют как минимум одна четверть от общего числа депутатов, Правительство или сто пятьдесят тысяч граждан Республики Армения, обладающих избирательным правом (как и в Республике Беларусь).

Если проект изменений в Конституцию, предусмотренный ч. 2 ст. 202, не принимается Национальным Собранием Республики Армения, он может быть вынесен на референдум по решению, принятому не менее чем тремя пятими голосов от общего числа депутатов. На наш взгляд, это изменение не является гарантией защиты Конституции и конституционного строя Республики Армения, обеспечения стабильности и безопасности государства и не соответствует конституционным принципам о народе как первоисточнике власти и народовласти.

Как указано в комментарии к ст. 2 Конституции Республики Армения, «демократия означает верховенство народа как источника и носителя власти, его право самостоятельно определять свою судьбу, основывать систему государственной власти, участвовать в формировании политики своего государства, формировании государственных органов и контроле за деятельностью государства [7]».

Мы предлагаем пересмотреть ст. 202 Основного Закона Республики Армения и восстановить «жесткий» характер, предусмотрев возможность не только принятия Конституции, но и внесения изменений в нее исключительно посредством всенародного референдума.

Считаем, что ключевым элементом системы самозащиты Конституции является институт конституционной ответственности [8]. Это понятие включает как позитивные, так и негативные (ретроспективные) аспекты ответственности.

Позитивная ответственность связана с обязанностью должностных лиц соблюдать Конституцию и выполнять свои функции в соответствии с присягой и законодательством государства, тогда как негативная ответственность предполагает юридические санкции за нарушение Конституции. В настоящее время этот институт не имеет прямого закрепления в Основном Законе Республики Армения, несмотря на два этапа конституционных изменений. Это создает пробел, который необходимо восполнить для обеспечения полной самозащиты Конституции. Такое правовое регулирование будет способствовать обеспечению правовой безопасности государства, повышению позитивной конституционной ответственности должностных лиц, государственных и муниципальных органов.

Примечательно, что ч. 2 ст. 2 Конституции Республики Беларусь определяет позитивную конституционную ответственность государства перед гражданами и позитивную конституционную ответственность граждан перед государством: «Государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности. Гражданин ответственен перед государством за неукоснительное исполнение обязанностей, возложенных на него Конституцией [1]».

Считаем важной нормативное содержание ст. 52 Конституции Республики Беларусь, согласно которой каждый, кто находится на территории Республики Беларусь, обязан соблюдать ее Конституцию, законы и уважать государственные символы и национальные традиции Беларуси [1].

Предлагаем включить аналогичную норму в Конституцию Республики Армения.

Заключение

Эффективная самозащита Конституции является жизненно важной для обеспечения стабильности и правопорядка в государстве. Конституционные механизмы самозащиты в Республике Армения и в Республике Беларусь имеют ключевое значение в поддержании конституционного строя

и предотвращении возможных нарушений. Совершенствование этих механизмов обеспечит надежную защиту Основного Закона и будет способствовать стабильному функционированию правового государства.

Таким образом, считаем, что защита Конституции и в Республике Армения, и в

Республике Беларусь должна быть обеспечена четко действующими конституционными механизмами и укрепленным потенциалом самозащиты как обязательным условием становления суверенного, демократического, социального и правового государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=v19402875>.
2. Конституция Республики Армения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.president.am/ru/constitution-2015/>.
3. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации / М. В. Баглай. – 3-е изд., изм. и доп. – М. : НОРМА, 2001. – С. 78.
4. Об объявлении чрезвычайного положения в Республике Армения [Электронный ресурс] : постановление Правительства Республики Армения, 16 марта 2020 г., № 298-N. – Режим доступа: https://www.arlis.am/Annexes/5/2020_N-298-N_ru%20artakarg%20dr.pdf.
5. Hering, L. Covid-19 and Constitutional Law: the Case of Germany [Электронный ресурс] / L. Hering. – Режим доступа: <https://archivos.juridicas.unam.mx/www/bjv/libros/13/6310/21.pdf>.
6. Основной Закон Федеративной Республики Германия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf>.
7. Арутюнян, Г. Г. Комментарии к Конституции Республики Армения / Г. Г. Арутюнян, В. В. Степанян, А. С. Вагаршян ; под общ. ред. Г. Арутюнян, А. Вагаршян. – Ереван : Иравунк, 2010. – С. 56.
8. Акобян, Р. Х. Проблемы конституционной ответственности / Р. Х. Акобян. – Ереван : Иравунк, 2008. – 516 с.

REFERENCES

1. Konstitucija Rjespubliki Bielarus' [Eliektronnyj riesurs] : s izm. i dop., priniatymi na riesp. riefierendumakh 24 nojab. 1996 g., 17 okt. 2004 g. i 27 fievr. 2022 g. – Riezhim dostupa: <https://etalonline.by/document/?regnum=v19402875>.
2. Konstitucija Rjespubliki Armienija [Eliektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://www.president.am/ru/constitution-2015/>.
3. Baglaj, M. V. Konstitucionnoje pravo Rossijskoj Fiedieracii / M. V. Baglaj. – 3-je izd., izm. i dop. – M. : NORMA, 2001. – S. 78.
4. Ob objavlenii chriezvyhajnogo polozhienija v Rjespublikie Armienija [Eliektronnyj riesurs] : postanovlienije Pravitiel'stva Rjespubliki Armienija, 16 marta 2020 g., № 298-N. – Riezhim dostupa: https://www.arlis.am/Annexes/5/2020_N-298-N_ru%20artakarg%20dr.pdf.
5. Hering, L. Covid-19 and Constitutional Law: the Case of Germany [Eliektronnyj riesurs] / L. Hering. – Riezhim dostupa: <https://archivos.juridicas.unam.mx/www/bjv/libros/13/6310/21.pdf>.
6. Osnovnoj Zakon Fiedierativnoj Rjespublikii Hiermanija [Eliektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf>.
7. Arutiunian, G. G. Kommientarii k Konstitucii Rjespubliki Armienija / G. G. Arutiunian, V. V. Stiepanian, A. S. Vagarsian ; pod obshch. ried. G. G. Arutiunian, A. S. Vaharšian. – Jerievan : Iravunk, 2010. – S. 56.
8. Akobian, R. Kh. Problemy konstitucionnoj otvietsviennosti / R. Kh. Akobian. – Jerievan : Iravunk, 2008. – 516 s.

УДК 349.3.338.2.339.924(476+470+571)

Татьяна Александровна Горупа¹, Татьяна Захаровна Шалаева²¹канд. юрид. наук, доц., зав. каф. гражданско-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина²канд. юрид. наук, доц., доц. каф. гражданско-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина**Tatsiana Gorupa¹, Tatyana Shalaeva²**¹Candidate of Legal, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines
of Brest State A. S. Pushkin University²Candidate of Legal, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines
of Brest State A. S. Pushkin Universitye-mail: ¹gorupa.brsu@mail.ru; ²t.shalaeva@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА *

Выявлены общие и особенные черты национального и российского законодательства, регулирующего индивидуальные трудовые отношения, которые рассмотрены в контексте экономической безопасности Беларуси и России. Сделан вывод о достаточно жестком (по сравнению с российским) национальном регулировании индивидуальных трудовых отношений ввиду тотального использования контрактной системы, предоставления нанимателю большого набора оснований для прекращения трудовых отношений. В свою очередь, законодательство Российской Федерации отличается более глубокой разработкой теоретико-методологических основ через определение принципов правового регулирования трудо-правовых отношений, паритетное закрепление как прав, так и обязанностей сторон трудовых отношений. Внесены предложения по гармонизации и унификации трудового законодательства стран – членов Союзного государства.

Ключевые слова: трудовые отношения, трудовой договор, контракт, унификация, гармонизация, экономическая безопасность, Союзное государство.

Legal Regulation of Individual Labor Relations in the Republic of Belarus and the Russian Federation in the Context of Economic Security of the Union State

The general and special features of national and Russian legislation regulating individual labor relations have been identified, which are considered in the context of the economic security of Belarus and Russia. It is concluded that the national regulation of individual labor relations is quite strict in comparison with the Russian one due to the total use of the contract system, providing the employer with a large number of grounds for terminating the employment relationship. In turn, the legislation of the Russian Federation is distinguished by a more in-depth development of theoretical and methodological foundations through the definition of principles of legal regulation of labor-legal relations, parity of both the rights and obligations of the parties to labor relations. Proposals were made for the harmonization and unification of labor legislation of the member countries of the Union State.

Key words: labor relations, labor agreement, contract, unification, harmonization, economic security, Union State.

Введение

Занятость граждан есть важная составляющая экономической безопасности

*Статья подготовлена в рамках проекта БРФФИ «Теоретико-методологические и прикладные основы правового обеспечения социальной сферы как основы экономической безопасности государства в условиях региональной интеграции» (№ госрегистрации 20231010 от 22.06.2023).

как отдельного государства, так и интеграционного союза государств. Поэтому эффективность правового регулирования трудовых отношений будет прямо влиять на национальную и региональную безопасность. Свобода передвижения лиц в интеграционных союзах предполагает необходимость создания соответствующего законодательства государств-членов,

гарантирующего не только свободное пересечение границ, но и трудовые права.

И. В. Соболева, характеризуя социально-экономическую безопасность в сфере труда и ссылаясь на Международную организацию труда, выделяет семь аспектов, которые характеризуют устойчивость и возможность развития работающих: защищенность с точки зрения доступности хороших рабочих мест; гарантированность сохранности рабочего места; возможность профессиональной реализации; защищенность профессионализма через доступность повышения квалификации, переподготовки; безопасность труда; достойный заработок; представительство интересов работника [1, с. 513–514]. Поэтому для работника важна не только зарплата и ее размер, но и ряд других факторов, что предопределяет эффективность использования правового инструментария для регулирования сферы труда.

Согласимся с мнением А. С. Мрих, что «экономическое назначение трудово-правовой интеграции государств состоит в уравнивании социальных издержек предпринимателей, а социальное – в предотвращении снижения государствами уровня трудовых гарантий и социального демпинга предпринимателей» [2, с. 8].

Цель исследования – выявление принципиальных различий в правовом регулировании индивидуальных трудовых отношений в странах – членах Союзного государства на основе проведения компаративного анализа законодательства, а также выявление направлений его сближения в контексте экономической безопасности региона.

Основная часть

Трудовые отношения в Республике Беларусь и Российской Федерации как членах Союзного государства регулируются на уровне кодексов и законов. Трудовой кодекс Российской Федерации (далее – ТК Российской Федерации) [3] и Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее – ТК Республики Беларусь) [4] регулируют индивидуальные и коллективные трудовые и связанные с ними отношения, устанавливают основания ответственности сторон трудового договора, а также определяют формы контрольно-надзорной деятельности в сфере труда, порядок защиты нарушенных трудовых прав.

Необходимо отметить, что кодексы двух стран создавались фактически на базе советского законодательства, поэтому схожи по содержанию, но принципиально различаются по структуре. Белорусский нормативный правовой акт структурировал общественные отношения в следующем порядке: индивидуальные, коллективные, контрольно-надзорные и отношения ответственности; его российский аналог несколько иначе: коллективные, индивидуальные, защита трудовых прав и отношения ответственности. Тем самым при одинаковой юридической силе всех норм одного нормативного правового акта законодатели двух стран определили собственные национальные приоритеты регулирования видов трудовых отношений.

В основу данного вывода положен исключительно формально-юридический метод исследования структуры нормативного правового акта, но он подтверждается и экономистами, которые выделяют возможность двухмодельного пути развития трудовых отношений постсоветских стран. Так, М. И. Воейков определяет, что первая модель – «это западный тип наемного труда, со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами, где основное место в системе трудовых отношений займут императивы материального стимулирования и жесткой ответственности индивидуального труда. Вторая – тот же наемный труд, но существенно смягченный отношениями коллективности, государственного патернализма, полным учетом российской специфики отношений, в т. ч. получивших развитие за советский период» [5, с. 121].

Еще одним отличием является системное закрепление в ТК Российской Федерации (ст. 2) 19 принципов правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений, включающих механизмы регулирования как коллективных, так и индивидуальных трудовых отношений.

Белорусский вариант закона называет лишь отдельные принципы в отдельных статьях (ст. 13, 14, 353 и др. ТК Республики Беларусь). В национальной правовой науке Т. М. Петченко определяет 13 принципов трудового права на основании системного анализа всего трудового законодательства Республики Беларусь [6, с. 198–199].

Весьма интересным для исследования представляются принципы российского трудового законодательства, формальное закрепление которых отсутствует в белорусском.

Во-первых, это свобода труда (а в Республике Беларусь определяется только право на труд (ст. 41 Конституции Республики Беларусь)), как это традиционно было в советский период и что положено в идеологию современной трудовой политики, направленной на профилактику тунеядства и в целом на негативное отношение к трудоспособным гражданам, не занятым в экономике, что закрепляет п. 7 Декрета Президента Республики Беларусь от 2 апреля 2015 г. № 3 «О содействии занятости населения» [7]. Вместе с тем расширительное толкование свободы труда как свободного выбора рода деятельности (трудовой, предпринимательской, ремесленной и т. д.) достаточно эффективно реализуется в обеих странах.

Во-вторых, это равенство прав и возможностей работников, где первое подразумевает отсутствие дискриминации по любому из признаков (пол, раса, национальность и т. д.) при одновременном признании специальных правовых статусов социально уязвимых работников (несовершеннолетние, инвалиды и др.). В свою очередь, вторая часть данного принципа, заключающаяся в равенстве возможностей, означает «равенство средств, обеспечивающих осуществление трудовых прав, для всех работников одного правового статуса» [8, с. 5].

В-третьих, это обеспечение равенства возможностей работников без всякой дискриминации при продвижении по работе с учетом производительности труда, квалификации и стажа работы по специальности, а также при подготовке и дополнительном профессиональном образовании.

Трудовой договор имеет правовое закрепление в Трудовых кодексах двух стран (раздел III ТК Российской Федерации и гл. 2–4 ТК Республики Беларусь). Вместе с тем в Республике Беларусь тотально применяется контрактная система на основании гл. 18¹ ТК Республики Беларусь, которая определяет основания заключения контракта по соглашению сторон при приеме на работу; с работником, с которым заключен трудовой договор на неопределенный срок, сроч-

ный трудовой договор; в иных случаях, предусмотренных законодательными актами.

В России, напротив, когда заключается срочный трудовой договор, необходимо указать обстоятельства (причины), послужившие основанием для заключения срочного трудового договора в соответствии с законом (ч. 3 п. 2 ст. 57 ТК Российской Федерации). При этом суды, строго выполняя нормы закона, «при установлении факта многократности заключения срочных трудовых договоров на непродолжительный срок для выполнения одной и той же трудовой функции... вправе с учетом обстоятельств каждого дела признать трудовой договор заключенным на неопределенный срок» (п. 14 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» [9]).

В Республике Беларусь наниматели практически перестали заключать трудовые договоры на неопределенный срок, что явно понижает статус работника в понимании российских граждан. Это неоднократно было предметом негативных оценок со стороны российских ученых-юристов (к примеру, Е. М. Божукова [10, с. 28]), т. к. контракт как вид срочного трудового договора в большей степени выгоден нанимателю: по истечении срока он может не заключать нового контракта. Для работника – это очень высокая степень нестабильности.

Весьма важен для трудовых мигрантов институт прекращения трудового договора, контракта по инициативе нанимателя (работодателя), т. к. он показывает определенную степень стабильности отношений для работника и в целом влияет на показатели его экономической безопасности.

Трудовые кодексы двух стран (ст. 81 ТК Российской Федерации и ст. 42, 47 ТК Республики Беларусь) закрепляют такие идентичные основания, как ликвидация организации либо прекращение деятельности индивидуального предпринимателя либо лица, осуществляющего отдельные виды деятельности (к примеру, нотариус), сокращение численности или штата работников, несоответствие работника занимаемой должности вследствие недостаточной квалификации, препятствующей продолжению работы, однократного грубого нарушения

работником трудовых обязанностей (имеющиеся различия в содержании этого основания будут рассмотрены ниже) и др.

Вместе с тем имеются и принципиальные отличия в основаниях прекращения трудового договора по инициативе нанимателя. Законодательство Республики Беларусь предоставляет больший объем прав нанимателю относительно оснований расторжения трудового договора, чем аналогичное законодательство Российской Федерации:

1) несоответствие работника занимаемой должности служащего (профессии рабочего) или выполняемой работе вследствие состояния здоровья, препятствующего продолжению данной работы (п. 3 ст. 42 ТК Республики Беларусь). Пункт 18 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2023 г. № 9 разъясняет, что расторжение договора по данному пункту «возможно только при стойком снижении трудоспособности, препятствующем надлежащему выполнению им трудовых обязанностей, либо когда продолжение работы ему противопоказано или будет создавать опасность для других лиц. Такое состояние здоровья работника должно быть подтверждено соответствующим медицинским заключением» [11].

В Российской Федерации подобные факты являются основанием расторжения договора не по инициативе работодателя, а основанием прекращения действия трудового договора по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон (п. 5 ст. 83 ТК Российской Федерации), при этом необходимо признать работника полностью неспособным к трудовой деятельности в соответствии с медицинским заключением, выданным в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации;

2) неисполнение без уважительных причин трудовых обязанностей работником, имеющим неснятое (непогашенное) дисциплинарное взыскание (п. 6 ст. 42 ТК Российской Федерации). При этом в российском варианте должна быть неоднократность неисполнения работником трудовых обязанностей (п. 5 ст. 81 ТК Российской Федерации) (в белорусском достаточно однократного неисполнения трудовых обязанностей);

3) однократность грубого нарушения работником трудовых обязанностей в национальном законодательстве имеет существенно отличное содержание. Во-первых, это прогул, которым признается отсутствие на работе более трех часов в течение рабочего дня без уважительных причин, а в России – четырех часов подряд либо отсутствие на рабочем месте без уважительных причин в течение всего рабочего дня (смены), независимо от его (ее) продолжительности (подп. а) п. 6 ст. 81 ТК Российской Федерации). Во-вторых, п. 7 ст. 82 ТК Республики Беларусь к грубым нарушениям также относит отсутствие на работе в связи с отбыванием административного взыскания в виде административного ареста; нарушение производственно-технологической, исполнительской или трудовой дисциплины, повлекшее причинение организации ущерба в размере, превышающем три начисленные среднемесячные заработные платы работников Республики Беларусь; принуждение работников к участию в забастовке, создание другим работникам препятствий для выполнения их трудовых обязанностей, призыв работников к прекращению выполнения трудовых обязанностей без уважительных причин; участие работника в незаконной забастовке, а также при иных формах отказа работника от выполнения трудовых обязанностей (полностью или частично) без уважительных причин;

4) причинение работником в связи с исполнением трудовых обязанностей государству, юридическим и (или) физическим лицам имущественного ущерба, установленного вступившим в законную силу решением суда (п. 8 ст. 42 ТК Республики Беларусь);

5) неоднократное (два и более раза в течение шести месяцев) нарушение установленного законодательством порядка рассмотрения обращений граждан и юридических лиц, а также неправомерный отказ в рассмотрении относящихся к компетенции соответствующего государственного органа обращений граждан и юридических лиц (п. 8 ст. 42 ТК Республики Беларусь);

6) незаконное привлечение к ответственности граждан и юридических лиц (п. 10 ст. 42 ТК Республики Беларусь);

7) неоднократное (два и более раза в течение шести месяцев) представление в уполномоченные органы неполных либо

использовании контрактной системы, предоставлением нанимателю большого объема оснований для прекращения трудовых отношений.

Необходимо признать, что Трудовой кодекс Российской Федерации имеет преимущества по реализации в нем принципа научности и разработки теоретико-методологических основ трудовых отношений: определения принципов правового регулирования трудо-правовых отношений, паритетного закрепления прав и обязанностей сторон трудовых отношений, учета частных-правовых основ регулирования правоотношений, структурирования форм защиты трудовых прав.

Предлагаем такие направления сближения трудового законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации путем *унификации*:

1) закрепить идентичные принципы трудового законодательства как основополагающие начала правового регулирования трудовых и связанных с ними отношений (именно принципы являются одновременно и базисом, и вектором развития законодательства, поэтому здесь необходимы общие подходы);

2) установить одинаковые сроки защиты имущественных трудовых прав работников и нанимателей.

Сближение трудового законодательства через использование *инструментов гармонизации* может осуществляться по направлению определения сходных оснований расторжения трудового договора (контракта) по инициативе нанимателя на базе принципа пропорциональности прав и обязанностей субъектов договорных отношений.

В остальной части законодательство обеих стран должно оставаться уникальным в целях стимулирования конкурентной среды, чтобы трудовые ресурсы могли сделать собственный выбор, основанный на высокой степени экономической безопасности. В целях сближения законодательства представляется необходимым акцентировать внимание заинтересованных лиц на необходимости использования потенциала частно-правовой природы трудовых отношений, основанных как на равенстве сторон, так и на признании работника экономически слабой стороной договора и необходимости предоставления ему дополнительных правовых средств для защиты своей экономической безопасности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Соболева, И. В. Вызовы социально-экономической безопасности в сфере труда и их особенности в современной России / И. В. Соболева // Экон. безопасность. – 2023. – Т. 6, № 2. – С. 509–528.
2. Мрих, А. С. Трудоправовая интеграция государств Европейского союза и государств Евразийского экономического союза: сравнительно-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / А. С. Мрих. – Екатеринбург, 2017. – 28 с.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 197-ФЗ : в ред. Закона от 30.01.2024 // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/. – Дата доступа: 08.03.2024.
4. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-З : в ред. от 29 июня 2023 г., № 273-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
5. Воейков, М. И. Государственный патернализм и трудовые отношения в условиях глобализации / М. И. Воейков // Развитие сферы труда в России: истоки проблем, современные тренды и вызовы глобализации : сборник ; под ред. И. В. Соболевой и А. П. Седлова. – М. : ИЭ РАН, 2019. – С. 102–128.
6. Петоченко, Т. М. Функции и принципы трудового права Республики Беларусь: общая характеристика и виды / Т. М. Петоченко // Современные проблемы правоведения : сб. науч. тр. – Минск : БГЭУ, 2011. – Вып. 1. – С. 186–201.
7. О содействии занятости населения [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 2 апр. 2015 г., № 3 : в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 25.01.2018, № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

8. Ендонова, С. В. Равенство прав и возможностей работников как отраслевой принцип трудового права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / С. В. Ендонова. – М., 2010. – 26 с.
9. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 17 марта 2004 г., № 2 : в ред. постановления Пленума от 24.11.2015 // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47257/. – Дата доступа: 08.03.2024.
10. Божукова, Е. М. Сравнительный анализ срочных трудовых договоров в белорусском и российском законодательстве / Е. М. Божукова // Нов. юрид. вестн. – 2019. – № 7 (14). – 2019. – С. 27–28.
11. О применении судами законодательства при рассмотрении гражданских дел о прекращении трудовых договоров [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 21 дек. 2023 г., № 9 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
12. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 5 янв. 2024 г., № 344-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
13. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 30 нояб. 1994 г., № 51-ФЗ : в ред. Федер. закона от 16 мая 2023 г., № 23-П. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/. – Дата доступа: 08.03.2024.
14. Курылева, О. С. Сроки защиты индивидуальных трудовых прав в законодательстве государств – членов ЕАЭС [Электронный ресурс] / О. С. Курылева. – Режим доступа: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/208124/1/%D0%9A%D1%83%D1%80%D1%8B%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B0_87.pdf. – Дата доступа: 08.03.2024.

REFERENCES

1. Sobolieva, I. V. Vyzovy social'no-ekonomichieskoj bezopasnosti v sfierie truda i ikh oso- biennosti v sovremiennoj Rossii / I. V. Sobolieva // Ekon. bezopasnost'. – 2023. – Т. 6, № 2. – С. 509–528.
2. Mrikh, A. S. Trudopravovaja integracija gosudarstv Jevropiejskoho sojuza i gosudarstv Jevrazijskogo ekonomichieskogo sojuza: sravnitel'no-pravovoj analiz : avtorief. dis. ... kand. jurid. nauk : 12.00.05 / A. S. Mrikh. – Jekatierinburh, 2017. – 28 s.
3. Trudovoj kodeks Rossijskoj Fiedieracii [Elektronnyj riesurs] : 30 diek. 2001 g., № 197-FZ : v ried. Zakona ot 30.01.2024 // Riezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/. – Data dostupa: 08.03.2024.
4. Trudovoj kodeks Riespubliki Bielarus' [Elektronnyj riesurs] : 26 ijulia 1999 g., № 296-Z : v ried. ot 29 ijunia 2023 g., № 273-Z // ETALON. Zakonodatiel'stvo Riespubliki Bielarus' / Nac. cientr pravovoj inform. Riesp. Bielarus'. – Minsk, 2024.
5. Vojejkov, M. I. Gosudarstviennyj patiernalizm i trudovyje otnoshienija v uslovijakh globali- zacii / M. I. Vojejkov // Razvitije sfier truda v Rossii: istoki problem, sovremiennye triendy i vyzovy globalizacii : sbornik ; pod ried. I. V. Sobolievoj i A. P. Siedlova. – М. : IE RAN, 2019. – С. 102–128.
6. Pietochienko, T. M. Funkcii i principy trudovogo prava Riespubliki Bielarus' : obshchaja kharakteristika i vidy / T. M. Pietochienko // Sovremiennye problemy pravoviedienija : sb. nauch. tr. – Minsk : BGEU, 2011. – Vyp. 1. – С. 186–201.
7. O sodiejstvii zaniatosti nasielienija [Elektronnyj riesurs] : Diekriet Priezidenta Riesp. Bielarus', 2 apr. 2015 g., № 3 : v ried. Diekrieta Priezidenta Riesp. Bielarus' ot 25.01.2018, № 1 // ETALON. Zakonodatiel'stvo Riespubliki Bielarus' / Nac. cientr pravovoj inform. Riesp. Bielarus'. – Minsk, 2024.
8. Jendonova, S. V. Ravienstvo prav i vozmozhnostiej rabotnikov kak otraslievoj princip trudo- vogo prava : avtorief. dis. ... kand. jurid. nauk : 12.00.05 / S. V. Jendonova. – М., 2010. – 26 s.
9. O primienienii sudami Rossijskoj Fiedieracii Trudovogo kodieksa Rossijskoj Fiedieracii [Elektronnyj riesurs] : postanovlienije Plenuma Vierkhov. Suda Ros. Fiedieracii, 17 marta 2004 g.,

№ 2 : v ried. postanovljenija Plienuma ot 24.11.2015 // Riezhim dostupa: https://www.consultant.ru/-document/cons_doc_LAW_47257/. – Data dostupa: 08.03.2024.

10. Bozhukova, Ye. M. Sravnitel'nyj analiz srochnykh trudovykh dogovorov v bieloruskom i rossijskom zakonodatel'stvie / Ye. M. Bozhukova // Nov. jurid. viestn. – 2019. – № 7 (14). – 2019. – S. 27–28.

11. O primienienii sudami zakonodatel'stva pri rassmotrienii grazhdanskikh diel o priekrashchenii trudovykh dogovorov [Elektronnyj riesurs] : postanovlienije Plienuma Vierchov. Suda Rieesp. Bielarus', 21 diek. 2023 g., № 9 // ETALON. Zakonodatel'stvo Rieспублики Bielarus' / Nac. cietnr pravovoj inform. Rieesp. Bielarus'. – Minsk, 2024.

12. Grazhdanskij kodieks Rieспублики Bielarus' [Elektronnyj riesurs] : 7 diek. 1998 g., № 218-Z : v ried. Zakona Rieesp. Bielarus' ot 5 janv. 2024 g., № 344-Z // ETALON. Zakonodatel'stvo Rieспублики Bielarus' / Nac. cietnr pravovoj inform. Rieesp. Bielarus'. – Minsk, 2024.

13. Grazhdanskij kodieks Rossijskoj Fiedieracii [Elektronnyj riesurs] : 30 nojab. 1994 g., № 51-FZ : v ried. Fiedier. zakona ot 16 maja 2023 g., № 23-P. – Riezhim dostupa: https://www.consultant.ru/-document/cons_doc_LAW_5142/. – Data dostupa: 08.03.2024.

14. Kuryliova, O. S. Sroki zashchity individual'nykh trudovykh prav v zakonodatel'stvie gosudarstv – chlienov JeAES [Elektronnyj riesurs] / O. S. Kuryliova. – Riezhim dostupa: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/208124/1/%D0%9A%D1%83%D1%80%D1%8B%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B0_87.pdf. – Data dostupa: 08.03.2024.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 05.12.2024

УДК 343.3/.7

Марина Геннадьевна Головенчик*аспирант 3-го года обуч. каф. уголовного права Белорусского государственного университета,
ст. преподаватель каф. уголовного права Белорусского государственного университета***Marina Goloventchik***3-rd Year Postgraduate Student of the Department of Criminal Law,
Senior Lecturer of the Department Criminal Law of the Belarusian State University
e-mail: goloventchikmg@bsu.by*

ЦИФРОВОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В современных условиях экономическая деятельность активно переходит в цифровое информационное пространство с все более широким использованием компьютерной техники, информационно-коммуникационных технологий, облачных вычислений, технологий блокчейн и криптовалют. В этой связи с точки зрения уголовного права представляет интерес выработка адекватных мер реагирования на эти процессы в целях обеспечения защиты лиц, участвующих в экономических отношениях. В статье рассмотрены позиции исследователей, которые выступают за введение «цифрового» признака совершения преступлений. В результате проведенного анализа выработан авторский подход к пониманию экономических преступлений в зависимости от степени воздействия на их совершение цифровых технологий, выделены три группы таких преступлений.

Ключевые слова: совершенствование уголовного закона, экономическая безопасность, уголовное право, экономические преступления.

Digital Information Space and Economic Crimes

In modern conditions economic activity is moving into the digital information space, taking into account the increasing use of computer technology, information and communication technologies, cloud computing, blockchain technologies and cryptocurrencies. In this regard, from the point of view of criminal law it is of interest to develop adequate measures to respond to these processes in order to ensure the protection of persons involved in economic relations. In this article the author has analyzed the positions of researchers who advocate the introduction of a «digital» characteristic of committing crimes. Taking into account the analysis, the author's approach to the understanding of economic crimes depending on the degree of impact of digital technologies on their commission, three groups of such crimes have been identified.

Key words: improvement of criminal law, economic security, criminal law, economic crimes.

Введение

Обеспечение экономической безопасности, которая представляет собой состояние защищенности отраслей и сфер экономики от воздействия угроз, препятствующих устойчивому социально-экономическому развитию Республики Беларусь, является неотъемлемой частью построения общей системы национальной безопасности. При этом сегодня к числу национальных стратегических интересов отнесено устойчивое социально-экономическое развитие и высокая конкурентоспособность белорусской экономики, что подчеркивается в Концепции национальной безопасности Республики

Беларусь [1]. Как отмечают исследователи, особенно повлияла на процессы обеспечения экономической безопасности пандемия коронавируса, которая привела к масштабным сбоям в работе финансовых учреждений, существенно обострила проблемы малого и среднего бизнеса [2, с. 163]. Одновременно нельзя не отметить, что именно пандемия стала основой для окончательного перехода значительного количества экономических процессов в цифровое информационное пространство, существенно изменив привычные условия деятельности организаций разного уровня и разных форм собственности.

Сегодня во всех сферах жизни все более активно используется компьютерная техника, информационно-коммуникационные технологии, облачные вычисления, технологии блокчейн и криптовалюты. Поэтому

Научный руководитель – Диана Викторовна Шаблинская, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Белорусского государственного университета

встает вопрос, как появление и становление цифрового информационного пространства оказывает воздействие на уголовное право, особенно на экономические преступления.

В статье будет уделено внимание данным аспектам, в т. ч. с учетом необходимости однозначной квалификации общественно опасных деяний в экономической сфере в современных условиях.

Основная часть

Нельзя не отметить, что основной угрозой национальной безопасности сегодня является рост количества преступлений и иных правонарушений, связанных с посягательствами на порядок осуществления экономической деятельности, проявлениями коррупции, использованием информационно-коммуникационных технологий, трансграничной организованной преступностью, деятельностью транснациональных либо зарубежных преступных групп и организаций [1]. Эти процессы обусловлены развитием цифрового информационного пространства.

Разные специалисты в сфере уголовного права обращались к вопросу о том, как следует реагировать на соответствующие процессы. Как отмечали О. И. Семькина и Р. Н. Ключко, развитие цифрового информационного общества требует решения вопросов корреляции цифровой действительности и содержания принципов действия уголовного закона по кругу лиц, в пространстве и во времени, развития института соучастия в преступлении, причинения и сопричинения вреда по неосторожности [3, с. 47]. Эти авторы на основании проведенного сравнительно-правового анализа рассматривали введение «цифрового» признака совершения преступлений как возможного и необходимого вектора криминализации [3].

Российский исследователь А. В. Никуленко также высказывал мнение, что в целях устранения несовершенства уголовного закона требуется внесение изменений в Уголовный кодекс (далее – УК) Российской Федерации путем дополнения отдельных составов преступлений квалифицирующим признаком «совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет» [4, с. 96–97]. Кроме того, учитывая, что российский зако-

нодатель уже предусмотрел соответствующий квалифицирующий признак в ряде статей Особенной части УК Российской Федерации, М. Н. Турунова указывает на целесообразность дополнения ст. 63 УК Российской Федерации таким обстоятельством, отягчающим наказание, как совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет [5, с. 12–13].

Однако более верным, по нашему мнению, является иной подход, который будет далее изложен нами на примере совершения экономических преступлений. Как справедливо отмечали исследователи, в рамках изучения экономической преступности уже в 2000-е гг. был накоплен значительный теоретический и эмпирический материал, который представляет собой существенную базу для дальнейшей разработки темы [6, с. 62]. Тем не менее появление цифрового информационного пространства актуализирует необходимость внимания к данной проблематике.

Сегодня в цифровом информационном пространстве совершаются различные преступления. Так, мошенники, пользуясь недостаточно высоким уровнем финансовой грамотности населения, активно призывают к участию в проектах и операциях с криптовалютами, обещая высокую прибыльность [7, с. 353].

В последнее время все больше внимания уделяется и такому явлению, как «темный Интернет» (DarkNet), который построен преступным сообществом на условиях анонимности и в котором совершается значительное количество различных преступлений, в т. ч. экстремизм, терроризм, нарушение авторских прав и, безусловно, финансовые и экономические преступления [8, с. 88–90].

Повсеместное внедрение информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизнедеятельности приводит к «цифровизации» экономической преступности. Анализ общественно опасных деяний и практики деятельности субъектов экономических отношений позволяет заключить, что сегодня сложно представить деятельность, которая бы не осуществлялась с применением новых технологий, без цифрового информационного пространства.

В целом следует констатировать, что сегодня существование цифрового информационного пространства оказывает воздействие на экономические преступления, при этом в настоящее время в уголовном праве отсутствует однозначная теоретико-правовая оценка таких процессов. В этой связи представляется обоснованным и актуальным проведение анализа того, насколько различные экономические преступления подверглись трансформации и как это должно отражаться при квалификации соответствующих общественно опасных деяний.

В первую очередь рассмотрим экономические преступления, которые совершаются с помощью различных цифровых устройств, в т. ч. в цифровом информационном пространстве, однако воздействие таких технологий на совершение этих общественно опасных деяний не является определяющим. Например, рассмотрим такое экономическое преступление, как предпринимательская деятельность, осуществляемая без лицензии, специального разрешения, сопряженная с получением дохода в крупном размере. К такой деятельности может быть отнесено оказание юридических услуг без лицензии, с использованием компьютера и сети Интернет для подготовки документов (т. е. с использованием цифрового информационного пространства). Данное деяние следует квалифицировать по ст. 233 УК Республики Беларусь. Таким образом, квалификация этого общественного деяния не отличается от экономических преступлений, совершаемых без помощи компьютера, поскольку в таком преступлении не усматривается цифровых экономических процессов или операций. Аналогичным образом при совершении большинства «обычных» преступлений сегодня используется электронная почта или мессенджеры, что, безусловно, не приводит к их сущностной трансформации, требующей корректировок уголовного закона.

Вторая группа, которую можно выделить, – это экономические преступления, совершаемые способами, характерными для преступлений против компьютерной безопасности. Так, распространение ложной информации о товарах и услугах, осуществляемое посредством модификации компьютерной информации (например, конкурент взламывает веб-сайт и размещает на нем

недостоверные сведения о производимых товарах), следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных стст. 250 и 350 УК Республики Беларусь (они квалифицируются по совокупности с преступлениями против компьютерной безопасности). В данной ситуации характер экономических преступлений не изменяется, поскольку, несмотря на цифровую форму отражения экономических операций, сами экономические процессы не имеют цифрового характера.

Следует отметить, что данный подход (учитывающий, что при совершении преступлений в цифровом информационном пространстве возможна квалификация по совокупности преступлений) уже достаточно давно имеется в практике Республики Беларусь. Так, уже в 2016 г. житель г. Солигорска был обвинен в совершении преступлений, предусмотренных чч. 1 и 2 ст. 209, ч. 2 ст. 14, ч. 2 ст. 209, ч. 3 ст. 212, чч. 2 и 3 ст. 349, ч. 2 ст. 351, ч. 1 ст. 354 УК Республики Беларусь. Обвиняемый размещал в сети Интернет объявления о предоставлении кредитов и займов в электронных валютах. При этом для получения средств требовалось создать электронные кошельки, перевести деньги (якобы для оплаты технических операций, требуемых для предоставления средств) и предоставить доступ к таким кошелькам. В дальнейшем обвиняемый изменял реквизиты доступа к кошелькам и использовал их в противоправной деятельности (например, один из кошельков был продан и использовался для получения денежных средств за распространяемые посредством «закладок» психотропные препараты). Кроме того, были установлены факты блокирования компьютерного оборудования [9, с. 72–73]. Приведенный нами пример из практики касается ситуации, когда совершены и преступления против собственности, и преступления против компьютерной безопасности (киберпреступления), но данный подход также применим и в случае совершения экономических преступлений и киберпреступлений.

Третья (и наиболее сложная) группа преступлений – это общественно опасные деяния, которые совершаются в отношении цифровых предметов, в цифровом информационном пространстве и в рамках экономических процессов, которые имеют новое

наполнение и специфику их реализации. К таким деяниям возможно отнести манипулирование ценой токенов в ходе торгов на криптоплатформе, необходимость криминализации которого нами была обоснована ранее [10, с. 235–236]. Данные общественно опасные деяния обладают наиболее высокой степенью «цифровизации»; по сути, их можно назвать «цифровыми экономическими преступлениями». При этом такие общественно опасные деяния не всегда совершаются способами, характерными для преступлений против компьютерной безопасности. Например, при торговле на криптобирже манипулирование ценой токена происходит в ряде случаев путем совершения торгов участником рынка с самим собой (или связанными с ним третьими лицами, вступившими в сговор для совершения указанных действий).

Таким образом, принимая во внимание описанные тенденции, основной задачей уголовного права сегодня видится выработка (с учетом оснований и условий криминализации) мер по установлению уголовной ответственности за новые экономические общественно опасные деяния. Ранее нами обосновывалась необходимость установления уголовной ответственности за такие новые общественно опасные деяния, обусловленные развитием рынка криптовалют (указанное выше как манипулирование ценой токенов, а также отдельные виды

майнинга) [10, с. 235–236]. Однако нет сомнений, что дальнейшее экономическое развитие приведет к появлению новых общественно опасных деяний, т. к. все большее количество процессов сейчас не просто переходят в цифровое информационное пространство, но и фактически существуют только в нем.

Заключение

Таким образом, экономические отношения активно развиваются во многом благодаря развитию новых информационно-коммуникационных технологий, а также становлению цифровой экономики в Республике Беларусь. При этом нельзя не учитывать, что экономическая безопасность является важной составляющей национальной безопасности, а значит, уголовное право должно оперативно реагировать на появление новых общественно опасных деяний, учитывать степень влияния на их совершение цифрового информационного пространства. Выработанный нами подход, отражающий сущность и степень воздействия цифровых процессов на экономические преступления в современных условиях, не только позволяет оценить с теоретико-правовой точки зрения соответствующую проблематику, но и является основой для правильной квалификации общественно опасных деяний и совершенствования уголовного закона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : решение Всебелорус. нар. собр., 25 апр. 2024 г., № 5 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P9-24v0005>. – Дата доступа: 11.11.2024.
2. Селезнева, Д. В. Особенности экономических правонарушений на современном этапе / Д. В. Селезнева // Становление и развитие предпринимательства в России: история, современность и перспективы : сб. ст. IX Междунар. науч. конф., Смоленск, 27 мая 2022 г. / Смол. гос. ун-т. – Курск : Университет. кн., 2022. – С. 162–164.
3. Семькина, О. И. «Цифровой» признак совершения преступлений как вектор криминализации (компаративный обзор подходов государств – участников СНГ) / О. И. Семькина, Р. Н. Ключко // Журн. зарубеж. законодательства и сравнит. правоведения. – 2020. – № 6. – С. 34–52.
4. Никуленко, А. В. Преступления, совершаемые посредством сети «Интернет»: неиспользованные возможности противодействия / А. В. Никуленко // КриминалистЪ. – 2024. – № 2 (47). – С. 90–97.
5. Турунова, М. Н. Противодействие влиянию сети «Интернет» на преступное поведение несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / М. Н. Турунова ; Санкт-Петербург. ун-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации. – СПб., 2023. – 23 с.

6. Ананич, С. В. Предупреждение экономической преступности: криминологический и уголовно-правовой аспекты / С. В. Ананич, С. М. Казакевич // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2008. – № 2 (16). – С. 61–65.
7. Колмыкова, Т. С. Цифровизация экономического пространства в формировании новых контуров криминализации финансово-экономической деятельности / Т. С. Колмыкова, А. Э. Колмыкова, И. В. Лобанов // Комплексное развитие территориальных систем и повышение эффективности регионального управления в условиях цифровизации экономики : материалы V Нац. (всерос.) науч.-практ. конф., Орел, 22 дек. 2022 г. – Орел : Орл. гос. ун-т им. И. С. Тургенева, 2023. – С. 349–356.
8. Ардзинба, Д. Роль Darknet в криминализации экономической деятельности / Д. Ардзинба // Мир политики и социологии. – 2019. – № 8. – С. 88–91.
9. Демчук, Р. М. О положительном опыте расследования преступлений против информационной безопасности / Р. М. Демчук // Противодействие киберпреступности: современное состояние и пути повышения эффективности : сб. ст. ; редкол. С. Я. Аземша (гл. ред.) [и др.]. – Минск : ЮрСпектр, 2020. – С. 72–76.
10. Головенчик, М. Г. Актуальные проблемы совершенствования Уголовного кодекса Республики Беларусь в условиях трансформации экономических отношений / М. Г. Головенчик // Бизнес. Образование. Право. – 2024. – № 3 (68). – С. 232–238.

REFERENCES

1. Konceptsiya nacional'noj bezopasnosti Rjespubliki Bielarus' : rieshenije Vsiebielorus. nar. sobr., 25 apr. 2024 g., № 5 // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Rjespubliki Bielarus'. – Riezhim dostupa: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005>. – Data dostupa: 11.11.2024.
2. Sieliezniova, D. V. Osobiennosti ekonomichieskikh pravonarushenij na sovriemiennom etapie / D. V. Sieliezniova // Stanovlienije i razvitije priedprinimatiel'stva v Rossii: istorija, sovriemiennost' i pierspektivy : sb. st. IX Miezhhdunar. nauch. konf., Smoliensk, 27 maja 2022 g. / Smol. gos. un-t. – Kursk : Univiersitiet. kn., 2022. – S. 162–164.
3. Siemykina, O. I. «Cifrovoy» priznak soviershenija priestuplienij kak vektor kriminalizacii (komparativnyj obzor podkhodov gosudarstv – uchastnikov SNG) / O. I. Siemykina, R. N. Kliuchko // Zhur. zarubiezh. zakonodatiel'stva i sravnit. pravoviedienija. – 2020. – № 6. – S. 34–52.
4. Nikulienko, A. V. Priestuplienija, soviershajemyje posredstvom sieti «Internet»: nieispol'zovannyje vozmozhnosti protivodiejstvija / A. V. Nikulienko // KriminalistЪ. – 2024. – № 2 (47). – S. 90–97.
5. Turunova, M. N. Protivodiejstvije vlijaniju sieti «Internet» na priestupnoje poviedienije nie-soviershennolietnikh : avtorief. dis. ... kand. jurid. nauk : 5.1.4 / M. N. Turunova ; Sankt-Pietierb. un-t M-va vnutr. diel Ros. Fiedieracii. – SPb., 2023. – 23 s.
6. Ananich, S. V. Priedupriezhdienije ekonomichieskoj priestupnosti: kriminologichieskij i ugovovno-pravovoj aspiekty / S. V. Ananich, S. M. Kazakievich // Viestn. Akad. MVD Rjesp. Bielarus'. – 2008. – № 2 (16). – S. 61–65.
7. Kolmykova, T. S. Cifrovizacija ekonomichieskogo prostranstva v formirovanii novykh konturov kriminalizacii finansovo-ekonomichieskoj diejatiel'nosti / T. S. Kolmykova, A. E. Kolmykova, I. V. Lobanov // Komplieksnoje razvitije tierritorial'nykh sistiem i povyshenije effiektivnosti riegiional'nogo upravlienija v uslovijakh cifrovizacii ekonomiki : matierialy V Nac. (vsieros.) nauch.-prakt. konf., Oriol, 22 diek. 2022 g. – Oriol : Orl. gos. un-t im. I. S. Turgienieva, 2023. – S. 349–356.
8. Ardzinba, D. Rol' Darknet v kriminalizacii ekonomichieskoj diejatiel'nosti / D. Ardzinba // Mir politiki i sociologii. – 2019. – № 8. – S. 88–91.
9. Diemchuk, R. M. O polozhitel'nom opytie rassliedovaniya priestuplienij protiv informacionnoj bezopasnosti / R. M. Diemchuk // Protivodiejstvije kibierpriestupnosti: sovriemiennoe sostojanie i puti povyshenija effiektivnosti : sb. st. ; riedkol. S. Ya. Aziemsha (gl. ried.) [i dr.]. – Minsk : JurSpiekt, 2020. – S. 72–76.
10. Golovienchik, M. G. Aktual'nyje probliemy soviershenstvovanija Ugolovnogo kodeksa Rjespubliki Bielarus' v uslovijakh transformacii ekonomichieskikh otnoshenij / M. G. Golovienchik // Biznes. Obrazovaniye. Pravo. – 2024. – № 3 (68). – S. 232–238.

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай, рускай ці англійскай мове ў адным экзэмпляры аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша (14 000 – 20 000 знакаў), у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc, *.docx ці *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt;
- міжрадковы інтэрвал – адзінарыны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Усе малюнкі і фотаздымкі павінны быць толькі ў чорна-белым выкананні. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Узораў афармлення бібліяграфічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертцыі і аўтарэфераце, зацверджаных загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 (у рэдакцыі загада ад 01.10.2024 № 230). Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках ([1–4], [1; 3], [1, с. 52–54], [3, л. 5], [4, л. 60б.]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК;
- імя, імя па бацьку, прозвішча аўтара/аўтараў (аўтараў не больш за 5) на мове артыкула;
- звесткі пра аўтара/аўтараў (навуковая ступень, званне, пасада, месца працы/вучобы) на мове артыкула;
- імя, імя па бацьку, прозвішча аўтара/аўтараў на англійскай мове;
- звесткі пра аўтара/аўтараў на англійскай мове;
- e-mail аўтара/аўтараў;
- назва артыкула на мове артыкула;
- анатацыя ў аб'ёме 100–150 слоў і ключавыя словы на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
- назва артыкула на англійскай мове;
- анатацыя і ключавыя словы на англійскай мове.

Звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы ўнізе.

Асноўны тэкст структуруюцца ў адпаведнасці з патрабаваннямі Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертacyjnych даследаванняў:

- Уводзіны (пастаноўка мэты і задач даследавання).
- Асноўная частка (матэрыялы і метады даследавання; вынікі і іх абмеркаванне).
- Заклучэнне (фармулююцца асноўныя вынікі даследавання, указваюцца іх навізна, магчымасці выкарыстання).
- Спіс выкарыстанай літаратуры; спіс літаратуры павінен уключаць не больш за 20–22 крыніцы і абавязкова ўтрымліваць публікацыі, у тым ліку замежныя, па тэме даследавання за апошнія 10 гадоў.

➤ References – спіс выкарыстанай літаратуры, які прадубліраваны лацінскім алфавітам (колькасць крыніц, прыведзеных у спісе і ў References, павінна супадаць).

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- выписка з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстанова адукацыі, дзе працуе (вучыцца) аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заклучэнне (для аспірантаў і дактарантаў);
- вынікі праверкі тэксту на прадмет арыгінальнасці пры дапамозе інструмента «Антыплагіят» (арыгінальнасць павінна складаць не менш за 70 %).

Усе артыкулы абавязкова праходзяць «сляпое» рэцэнзаванне. Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегія не разглядае і не вяртае. Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Рукапіс артыкула і дакументы дасылаць на адрас: 224016, г. Брэст, бульвар Касманаўтаў, 21, рэдакцыя часопіса «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта», электронны варыянт артыкула накіроўваць на e-mail: vesnik@brsu.by.

Карэктары *А. А. Іванюк, Л. М. Калілеу*

Камп'ютарнае макетаванне *Г. Ю. Пархаў*

Падпісана ў друк 30.12.2024. Фармат 60×84/8. Папера афсетная. Гарнітура Таймс. Рызаграфія.

Ум. друк. арк. 17,44. Ул.-выд. арк. 13,45. Тыраж 50 экз. Заказ № 425.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.